999999999
МАНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ты — наследник одного из самых могущественных родов в стране, для тебя важны всего две вещи: сила и уважение. Увы, но тебе не повезло с обеими. Так было, по крайней мере, до одного дня. Теперь ты маг поддержки с 999999999 очками маны. Осталось дело за малым? Не реалрпг. Не литрпг.

- Оро Призывающий
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Эпилог: сразу после
  - Эпилог: новые начала
  - Эпилог: условие господина Сато

○ Послесловие

Оро Призывающий 999999999 маны — Том 5

Пролог

Герберт Шраут, не отрываясь, смотрел на лицо своего внука. Шестнадцатилетний Герман спал. Худое, бледное лицо юноши было повёрнуто против света, и это заставляло тени обострять и без того угловатые черты. Дыхание было ровным и тихим — слишком тихим для его возраста.

Как же он изменился за последние недели. Как ослаб и исхудал.

Эта мысль обожгла старика мучительной болью. Как всё… неправильно.

На его собственном сыне природа уж точно отдохнула. Грант не был ни хорошим управленцем, ни умным аналитиком. Жёнушку себе он тоже выбрал на свой вкус, да и понимание аристократического достоинства у них тоже было… своеобразным. Пафоса и самомнения хоть отбавляй, зато чего-то по-настоящему достойного нет и не предвидится.

Именно потому Герберт с удвоенным волнением следил за тем, кто вырастает из его внуков. Не вмешивался, когда Грант с Варварой третировали маленькую Валентину — уж лучше пусть выработает характер, чем станет копией матери. Наблюдал, как Герман предпочитает вначале играм, а затем молодёжным тусовкам тренировки по магии. Надеялся, что хотя бы в этом поколении найдёт достойную смену, на чьи плечи и сможет возложить ответственность за страну и род Шраутов.

И вот он здесь. Внук, некогда талантливый, умный и активный паренёк с большими планами на эту жизнь — стремительно угасает от неизлечимой болезни. За последние три дня он почти не вставал. Угасает, полностью осознавая происходящее с ним. А Валентина — серьёзная, собранная, действительно из той породы, что могла бы управлять страной…

Её — как и других упавших — не обнаружили до сих пор. Успели найти только обломки вертолёта с изломанным телом мёртвой Дюбуа. Будь у него хотя бы два часа на прочёсывание леса, нашли бы и остальных; в конце концов, это был лишь вопрос времени…

Император не дал ему этого времени.

Чёртова нежить. Шраут покачал головой, медленно и беззвучно направляя инвалидное кресло вон из комнаты. Люций смешал все планы — одним своим появлением.

Это… были смешанные чувства. Как и все, кто видел Печать, Шраут понимал, что Люций имеет право на правление, на то, чтобы свернуть поиски его внучки, вызвать в город его самого и

всех его людей и промурыжить всю ночь, вникая в текущую ситуацию, требуя ответов на тысячи вопросов.

В то же время, Шраут понимал и то, что Люций — вовсе не тот человек, которого он когда-то знал и который изменил его собственную судьбу. В конце концов, Шраут видел и то, что происходило в мемориале.

Старый Люций, прежний Люций, его лучший друг, был настоящим Императором, мудрым и терпеливым. Он бы не оторвал его от спасения наследницы. Он бы… говорил иначе. Спрашивал иначе. Просто вёл бы себя — совсем не так, как то существо, которое вызвало его.

И которое, при всём при том, являлось никем иным, как Люцием.

И вот теперь уже утро, его внук умирает, его внучка пропала без вести, а страну ждёт неизвестно что. Неправильно. Несправедливо.

Именно с такими мыслями старик въехал в столовую. Грант и Варвара уже были здесь, но Герберт не удостоил их и взглядом — его глаза скользили сейчас по большой, старой фотографии на стене.

Он — молодой, загорелый, здоровый. И Люций. Они стоят в обнимку, на лицах улыбки. Друзья навеки, соратники с большими планами!.. Весь мир впереди и все дороги открыты.

— Папа?

Герберт обернулся.

— Папа, что происходит? — тон Гранта был почти требующим. — Откуда взялся новый Император?

— А ты сам как думаешь, Грант? — хмыкнул старик, снова поворачиваясь к низко висящей фотографии и снимая её со стены. В доме всё висело низко с тех пор, как он навсегда поселился в каталке; дом вообще жил по его правилам и подстраивался под его желания.

— Мы не сомневаемся в том, что это Император, но… кто этот Император? — подала голос Варвара. — Убийство и это появление — части одного целого? Нам… следует чего-то опасаться?

— Не сомневаетесь? — Герберт не двинулся с места, глядя не на родню, а на фотографию. — Сомневаться иногда полезно.

— Так ты ответишь, кто это такой? — потерял терпение Грант. — Чёрт, ты возглавляешь УБИ, не может быть, чтобы ты не знал!

— Люций. Тот самый Люций, с которым вместе я построил эту страну, — честно ответил Шраут. — Ты задаёшь не те вопросы, сын. Ты ищешь ответа там, где нужно искать

руководство к действию.

«Именно поэтому я и не передал тебе всю власть», — мысленно закончил он.

Особняк Шраутов огласился громким, гулким звоном; часы били десять.

— Хватит говорить загадками, — Грант встал. — Папа. Если дом Шраутов… Какого чёрта?

Старик быстро поднял глаза. Ни старость, ни болезни не смогли притупить его реакции, и он сразу увидел причину испуга Гранта. Огромное, тёмно-багровое пятно расползалось по небу.

Скверна?..

— Вот и ответ, — медленно заключил Герберт, небрежным движением руки разбивая рамку о подоконник. Осколки стекла брызнули на ковёр, деревяшка треснула.

— Что это? — Варвара вскочила. — Дорогой, что это?

— Ничего хорошего, — Грант бросился к двери. — Мы успеем эвакуироваться? Успеем, должны успеть. Эй, где там, срочно…

Варвара вылетела следом за ним; Герберт не обращал внимания на их возню. Медленно отворив окно, он разорвал фотографию на мелкие кусочки и выкинул вниз. Взгляд следил за ними секунды три, затем вернулся к медленно расползающемуся по небу пятну скверны. Скверны… того же, что двигало сейчас человеком, которого он некогда называл своим другом.

За долгие годы своего правления, за время, прошедшее после, Император успел стать в своей стране большим, чем просто правитель. Он был… практически богом. Недосягаемым, почитаемым, всемогущим.

Увы. Герберт Шраут разуверился в любых богах очень много лет назад.

Глава 1

Реакция наступала — слегка заторможенно, но неумолимо. Сначала наступило оцепенение — всеобщее, но короткое. Большинство людей смотрело на багровеющее, осквернённое небо, даже не обращая внимания на происходящее на помосте — хотя то, что произошло на нём, казалось Элизе более шокирующей.

Но развить мысль о внезапном воскрешении «дедушки» ей не дали.

Первый крик был бессвязным — просто вопль ужаса и отчаяния. Но это стало сигналом и для остальных. Секунда, и оцепенение уже перешло в панику и давку.

Крики раздавались со всех сторон; в большинстве своём это были такие же бессмысленные причитания, кое-где прорывались отдельные фразы:

— Это что, оружие Республики?

— Нет, не может быть! Такое было в Альянсе во время войны!

— Мы все умрём!!

— А я говорил, что с этим воскресшим Императором что-то не так!

Сам «воскресший Император» стоял на помосте, тяжело дыша и уставившись на Родиона, который отряхивался от пыли. Элиза машинально обернулось — и не увидела Алекса с Ленорой. Впрочем, с такой мельтешней было сложно кого-то найти.

— Я помню тебя, Родион Долгов, — Император решительно шагнул вперёд. — У тебя один шанс, чтобы объясниться.

— Объясниться, — крякнул старик. — Объясниться, значит. Хе-хе.

Элиза не отводила взгляд от помоста, как и стоящие возле неё Сара и КОБРовцы. Поток людей обтекал их со всех сторон, не сбивая с ног — кажется, за это нужно было благодарить Укольцева и его навык.

— Мы не в эпицентре, — заметил Карлов. — Не знаю, почему, но…

Все трое подняли руку, заставляя его заткнуться.

— Я жду, — Император глядел на Родиона, не замечая ничего вокруг — или замечая, но не подавая виду.

— Ответов? — Родион поглядел на него. — Как насчёт «поищи их внутри себя»? Немного избито, но в твоём случае точно соответствует правде.

— Вот и разобрались, — лицо Люция потемнело — а в следующую секунду потемнели, уже в прямом смысле слова, его

руки, и Император попытался нанести старику удар, быстрый и сокрушительный.

Родион увернулся от удара с поразительной для такого дряхлого вида лёгкостью.

— Ты ведь даже сам этого не замечаешь, Люций, да? — рассмеялся он, хрипло и самодовольно. — Не видишь, как изменила тебя скверна, как она жрёт тебя изнутри.

Не тратя слов, Император нанёс второй удар; затем третий — его Родион пропустил и отлетел в угол помоста, но тут же встал на ноги.

— Скверна всех поравняет! — заметил он, так, будто его не двинули кулаком в живот, а похлопали по плечу. — То, что случилось с тобой — только начало. Она продолжит пожирать тебя и дальше, а закончится это твоим падением.

— И кто же повергнет меня? — Императору было плевать, что вся охрана сбежала вместе с паникующей толпой, что он остался на этом помосте один — Люций был твёрдо намерен сделать всё сам. — Уж не ты ли, старик?

— Охохо! — Родион погрозил Императору пальцем, легко уходя из-под его удара и валя того на землю собственным весом. — Вот уж нет. Зачем мне заниматься тем, что произойдёт само собой, без моего участия, Люций?

Нужно признать, они стоили друг друга. Родион дрался… скучно. Такую драку не покажут в кино — тут тебе ни красивого свечения редких навыков, ни захватывающих приёмов; старик просто двигался и наносил удары, вот и всё. Зато это было эффективно.

Император оказался достойным противником; навыки окрасили его кожу в чёрный цвет, и, в таком же костюме, да ещё и под осквернённым небом, он казался почти монохромной фигурой, ожившей тенью с горящими белым глазами. Узнать в этом существе сейчас Люция было невозможно, зато серьёзные проблемы у каждого, кто окажется у него на пути, были видны невооружённым глазом.

— Не нужно ходить далеко, — Родион продолжал вести разговор своим убаюкивающим, доверительным тоном — как будто читал внуку сказки. — Вспомни сам, с чего ты начинал — ну, ещё тогда, когда ты был живым. Чем ты жертвовал…

— Достаточно многим, чтобы ты…

— …а главное — для чего ты этим жертвовал? — усмехнулся старик. — Вспомни, как ты хотел баланса. Чтобы никто не был сильнее. Потому что считал, что слишком большая власть в одних руках всё разрушит, и всегда должен быть какой-то сдерживающий фактор…

— Я ошибался, — прорычал Император; тёмные линии махнулись в воздухе, и кулак нанёс удар; на лице Родиона остался угольно-чёрный след.

— Значит, Мишель Крозье погиб зря? — лицо Родиона смялось — и через секунду на помост упал уже совершенно другой человек, молодой, в военной форме, с окровавленной головой.

— А как насчёт Лероя МакНамары? — старик «перетёк» в следующий облик и встал перед Люцием. — Ты помнишь его смерть?

— Я помню всё, — бросил тот, презрительно скривившись. — Не нужно этих дешёвых трюков, на меня они не подействуют.

— Помнишь, значит, — Родион проигнорировал последнюю фразу. — Значит, помнишь и то, что мог спасти — и самого Лероя, и полторы сотни людей под его командованием. Но это бы привело к эскалации конфликта, отодвинуло бы конец войны… и ты предпочёл мир живому другу и чистой совести.

Элиза даже не поняла, сам ли Император ударил «Лероя МакНамару» — или же Родион просто подставился под удар ради красивого спектакля. Он зашатался, кашлянув кровью и схватившись за проломленную грудь… а затем опять преставился в Родиона.

— Сколько ещё их было, Люций? — лицо метаморфа менялось, мелькая калейдоскопом образов; некоторые были знакомы Элизе по учебникам истории, другие она видела впервые.

— Роксана Бейли? Сергей Угольков? Генрих Шраут? Димитрий Вериосис?

Император оставался безмолвным, нанося удар за ударом и не обращая внимания, чьим образом в очередной раз прикрылся Долгов.

— Отрекись от своих старых идеалов — и окажется, что они все умерли зря!

— Я и так знаю это, — наконец, откликнулся тот.

— Ты знаешь, что я прав — знаешь в глубине души, даже сейчас, тем, что осталось от прежнего тебя, который ещё верил в мир, баланс, счастье для всех…

Родион снова поднялся на ноги; теперь Элиза твёрдо убедилась, что старик попросту играет со своим собеседником, иначе такого града ударов он бы не выдержал. Император, кажется, тоже понял это — его удары стали мощнее.

— Даже твоя собственная жертва, — Родион вернулся к собственному облику, — была совершенно напрасной и даже глупой. Ты знал это с самого начала. Если бы ты действительно

был такиим правильным, тем самым мучеником, которого пытался из себя строить — ты бы просто взял и умер, во благо всех. Но ты надеялся победить скверну внутри себя и воскреснуть, ибо ты самолюбив. И погляди, к чему это привело тебя.

— К силе, — прорычал Император; прыжок, больше похожий на короткий полёт — и он сбил Родиона с ног, прижав его к помосту могучей рукой.

— Ты правда так думаешь, Люций? — прохрипел Родион. На этот раз он говорил с усилием, пытаясь сбросить Люция с себя уже без притворства и игры. — Ну, нет. Ты же знаешь, как всё закончится. Мир идёт к своему концу, а ты его лишь приближаешь.

Он врезал по нависшей над ним фигуре Люция свободной рукой, и, когда тот ослабил хватку, вывернулся и встал.

— Знаешь, в чём вечная проблема осквернённых — что живых, что мёртвых? — выплюнул он; кажется, игра в кошки-мышки уже не доставляла ему прежнего удовольствия. — Они всегда безумны, больше или меньше. Скверна сама по себе лишь стихия — она не рвётся к власти, никого не убивает, не разрушает городов. Но вот её носители без этого не могут!

Император, не успевая встать, ударил ногой по помосту — лёжа; доска треснула, и Родион с грохотом провалился в образовавшуюся дыру.

— Разрушение! — прокомментировал он. — Всё, чего хочет Скверна — это очистить мир, но как этого добиться, когда человеческие души — такой скоропортящийся материал?

Он хмыкнул, ударом снова сбивая Луция с ног и выбираясь из дыры.

— Зато её сестрица, Сила, страсть как хочет власти. Она мечтает распространиться, хочет командовать всеми и каждым. Она не скупится на щедрые дары в обмен на вечное служение ей. С чего ты взял, что она позволит сбыться твоим планам?

Император окончательно перестал тратить время на ответы.

— Сила правит Республикой, — заявил Родион; больше он не рисковал подставляться под удары — видимо, даже у его выносливости был определённый лимит. — Погляди на карту, убедись, как выросла Республика, сколько власти она заполучила. Это всё Сила — она благоволит своим адептам!

Укольцев и Карлов переглянулись; они искренне пытались понять, о чём сейчас болтает старик. Группа из двух дюжих агентов в штатском и двух юных девушек теперь выглядела броско — посреди опустевшей площади, на которой остались только они да ещё десятка два таких же потерянных, застывших людей. Впрочем, дерущиеся на них не глядели.

— Но Сила тоже не всесильна, — Родион сам улыбнулся собственному каламбуру. — Ты ополчишься на неё, она — на тебя, и всё окончится хаосом и разрушением. Так что… есть лишь один выход, который я искал много лет. Только один из сотни перепробованных сосудов. Он выстоит, а ты будешь снесён и поглощён.

Вместо ответа Император хрустнул руками, и небольшой, но мощный взрыв разметал остатки обгоревшего помоста; пара чёрных досок упала, немного не долетев до Элизы.

— Люди, — Сара подёргала Укольцева и Элизу за рукав. — Битва двух придурков — это интересно, но мы не рискуем, стоя здесь?

— У него, впрочем, тоже нет альтернатив, — даже взрыв не мог заставить Родиона заткнуться. — Выбора нет, что ни делай — всё придёт к одному и тому же исходу. Это одинаково справедливо как для него, так и для тебя, вот только в твоём случае исход будет концом всего, а в его случае — шансом.

Император шагал, выглядывая своего врага среди чёрного дыма.

— Довольно этого бреда, — сощурился он; белые полоски стали уже. — Ты не сказал мне ничего, достойного внимания, Долгов. Пора…

Чёрные щупальца ударили из ниоткуда. Элиза отшатнулась, настолько внезапно это было; Сара тихо вскрикнула и поглядела на неё.

— Это же…

— А вот и они, — кисло поморщилась девушка. Фигура Алекса, с его протезами, была слишком специфичной, чтобы не узнать её, да и навык Леноры ни с чем нельзя было спутать.

Родион встал. Откуда вышли Алекс и Ленора — не успел заметить никто, но чёрные теневые щупальца крепко держали Люция, спеленав Императора как младенца. Впрочем, убивать его Ленора не спешила. Они с мужем не говорили ни слова; лишь встали по обе стороны от Родиона и неотрывно глядели на лицо Императора.

— Это ты зря, — Родион покачал головой. — В моих словах очень много интересного, Люций. Ты бы поразмыслил над ними на досуге, а? Может, хоть будет какая-то польза. Правда, попытайся понять, а не отмахивайся сходу.

Он ещё раз улыбнулся напоследок и подмигнул… Глядя точно на внучку. Элиза готова была поклясться, что последний жест предназначался ей.

— Идём, — Родион махнул рукой; Алекс и Ленора, не обращая никакого внимания ни на пытающегося встать

Императора, ни на других людей, стоящих тут, на площади, спокойно развернулись, и через десять секунд все они исчезли за поворотом.

— Да кто… — Император встал на ноги; чёрный навык отступал, возвращая ему более-менее человеческий вид, а спустя секунду он выудил из-под рубашки Императорскую Печать на цепочке и поднял её повыше. — Прекратить панику! Все, кто верен мне — успокойтесь, хватит этого бардака!

— Нам лучше убираться, — еле слышно кивнул Карлов. — Пошли.

Элиза молча кивнула; то, что она только что увидела, ещё не уложилось в её голове. Она не двинулась с места, пока Сара не дёрнула её за руку:

— Эй, ты идёшь?

— А… да, — снова кивнула она, выплывая из своих мыслей. — Иду.

Четвёрка быстро завернула за угол; там было людно — народ по-прежнему паниковал из-за случившегося и, кажется, имел все причины для этого.

— Вот та штука на груди — это и была пресловутая Печать? — Карлов поглядел на Укольцева.

— Ага, похоже, — подтвердил тот. — Заметили, как местные успокоились, когда он им приказал? А ведь это не гипноз, просто… уверенность в словах своего лидера.

— Значит, Печать у него, — Карлов помрачнел. — Это всё усложняет, как и… это.

Он указал наверх.

— Мы не в эпицентре, — задумчиво глянул вверх Укольцев. — Теперь-то понятно, почему — Ротт, которого казнили, не был Роттом, вот только понятнее от этого не стало.

— Но нам ничего не угрожает? — уточнила Сара.

— Зависит от того, насколько мы задержимся и как быстро свалим, — ответил Укольцев. — Долго тут торчать не стоит, осталось понять, что же…

— Гляди, — Карлов сунул ему под нос телефон.

Пару секунд КОБРовец глядел на экран, а потом обменялся с напарником долгим, многозначительным взглядом.

— И… что там? — уточнила Элиза. Во взглядах агентов не читалось ровным счётом ничего хорошего.

Снова пауза, снова обмен взглядами.

— …ничего такого, — махнул рукой Карлов, пряча телефон в карман и быстро шагая вперёд. — Так, реакция начальства на произошедшее. Новая директива.

— Ага, — подтвердил Укольцев. — Вроде того.

Глава 2

Вряд ли будет преувеличением сказать, что я повидал много всякого дерьма. Особенно — за последнее время, с тех пор, как купил билет на тот самый роковой поезд. Монстры, сумасшедшие, порождения скверны — всё это сыпалось на меня, как из рога изобилия. Я ночевал в заброшенных домах, я часами бродил по канализации, меня убивали столько раз и столькими способами, что я уже со счёта сбился…

Что ж; я всегда, в любой ситуации, пытался увидеть лучшие стороны, какие-то единичные проблески света. Просто для того, чтобы не свихнуться или не впасть в уныние.

Вышагивая по асфальтовой дороге в полном молчании, я перебирал в голове возможные варианты. Пытался найти какие-то светлые пятна, лучики надежды, что-то, за что можно уцепиться — и не находил.

Дорога медленно выводила нас к цивилизации; пейзаж постапокалиптической выжженной пустоши с чёрными остатками древесных стволов превращался в пейзаж постапокалиптического пригорода. За всё время мимо нас не проехало ни одной машины, так что дорогу сбоку овевала полная, мёртвая неподвижность.

Первыми пошли поля.

Я никогда не подозревал, что всего в нескольких часах езды от столицы Империи можно встретить такое количество домашних животных. Этот город всегда представлялся мне чем-то современным, урбанизированным… а поди ж ты. Коровы, овцы, лошади — валялись то тут, то там, чёрные, обгорелые. Их как будто выжгло изнутри и снаружи одновременно; где-то тела были целыми, где-то разорванными на две-три части.

— Что ж, — мрачно прокомментировал Рубан. — По крайней мере, это произошло не в центре столицы, а где подальше. Город, будем надеяться, оказался в стороне от эпицентра.

Я удивлённо покосился на него. Он, похоже… тоже пытается найти какие-то плюсы. Вот, один уже нашёл.

Или хочет убедить себя в том, что нашёл.

— Мы пока не видели столицы, — покачал я головой. — Может, там так же. Может, ещё хуже.

— Хуже? — Лев переглянулся с Тиной, затем поглядел на меня. — Хуже, чем это?

— Запросто, — кивнул я. — По крайней мере, смерть тех, кто попал в эпицентр, была быстрой.

— А с чего ты взял, что они умерли? — Рубан указал дулом пистолета, который он не выпускал из рук, на одну из лошадиных

туш прямо по курсу.

Лошадь ползла. Медленно ползла, волоча по чёрной холодной земле заднюю половину с вывалленными внутренностями, не издавая ни звука. Глазницы были пустыми, морда — обожжённой.

— Скверна есть скверна, — согласился я. — Ей недостаточно просто убить. Поэтому я… и боюсь увидеть то, что ждёт нас в столице. Что, если там всё такое и все такие?

— Так, — Рубан развернулся и встал посреди дороги, сосредоточив на мне сощуренный взгляд. — Марк, мать твою. Я совершенно без понятия, что ты задумал, куда идёшь, против кого собираешься воевать, и, если честно — я бы даже предпочёл, чтобы ты просто свалил из страны.

Остальные тоже остановились, глядя на УБИшника с непониманием.

— Но я иду за тобой. Потому что ты явно лучше меня видишь ситуацию, и потому, что я своих не бросаю. Потому что ты, как бы ты это не сделал, всё-таки спас мою задницу.

Он покачал головой.

— Вот только если ты хочешь что-то улучшить и поправить — ты не должен винить в этом себя одного и пребывать в убитом состоянии.

Я кисло улыбнулся.

— Один… хороший человек совсем недавно говорил мне то же самое. Но знаешь, что? Мы пока даже не добрались до людей, а мне уже п****ц как плохо. Я даже думать не хочу о том, что будет, когда мы дойдём до них.

— Просто постарайся понять, — Рубан крепко сжал моё плечо свободной рукой. — У тебя не было ни единого грёбаного шанса изменить случившееся. Вертолёт падал, и ты сделал то, что мог.

— Ну, да, в вертолёте я уже мало что мог поделать, — согласился я. — Но я мог… вообще не доводить до этого. Не соваться в мемориал, не красть из склепа мумию Императора…

На последних словах глаза Льва Дюбуа стали ещё немного круглее… А вот Тина резко шагнула вперёд.

— Диагноз ясен, — она полезла в карман за сигаретной пачкой. — У тебя, Ротт, мания величия.

Чего?!

Я ожидал любых слов, но только не этих. Даже… немного обидно.

— Ты считаешь себя центром мира, и не меньше, — не давая мне даже секунды на возражение, продолжила девушка. — Думаешь, что виноват во всех произошедших катастрофах, что мог бы что-то изменить, просто поступив иначе. А как насчёт той

мысли, что некоторые вещи происходят из-за действий других?

Рубан закивал.

— Она совершенно права, Марк.

Я лишь удивлённо моргал глазами. Как-то… не думал об этом с такой позиции.

— Насколько я поняла со слов Рубана, — продолжила Тина, — Мадлен сама вышла на тебя и сама настояла на твоём визите в склеп.

— Она… — поморщился я, — предлагала уйти. Тогда, после новости об убийстве. Но я упёрся, как идиот.

Лев только внимательно слушал, не вмешиваясь.

— Вокруг тебя происходит много всякого, — согласилась Тина. — Но ты не пуп земли, и не в твоих силах всё поправить. Не пошёл бы в склеп — оказался бы схвачен и казнён прямо в центре города. Не унёс бы тело Императора — скорее всего, тоже погиб бы в городе…

— Я не шутил, — снова поддержал её Рубан. — Нам и правда крупно повезло, что эпицентр оказался не в столице.

— Какие уж тут шутки, — покачал я головой. Странно… но после резкой Тининой отповеди мне действительно стало немного полегче.

— Идём дальше, — махнул я рукой. — Нам тут шагать и шагать, лучше поторопиться.

— Дойдём до жилищ — поищем машину, — резонно возразил Рубан. — Думаю, их владельцы уже не возразят.

Спасибо, Рубан, ты очень помогаешь.

— Пока мы идём — можешь ответить на вопросы, — вдруг заговорила Тина. — Вчера полдня разбирала свидетельства, отчёты, и… всё укладывается в целую картину. Кроме двух моментов.

Я кивнул ей:

— Надо полагать, первый из них — это мой двойник?

— Я видела его, Марк, — Тина поглядела на меня на ходу, выдыхая облачко табачного дыма. — Видела. Это не просто внешность. Это… настоящий ты. Жесты, движения, выражение лица.

— А чего тут удивляться, — пожал я плечами. — Родион всегда у нас был мастером перевоплощения, да и изучить меня успел хорошо.

— Родион? — Рубан уставился на меня. — Я думал, этот ублюдок мёртв.

— Я тоже, — кивнул я. — Как оказалось — живее всех живых.

— Ладно, — согласилась Тина. — Родион Долгов… и раньше был для УБИ сплошной загадкой. Мы следили за ним, иногда

выходили на следы его деятельности, но старик всегда скрывался — с помощью КОБР или других связей…

— О, вы не представляете, сколько всего он прятал, — вздохнул я, прикидывая, стоит ли сейчас вкратце изложить моим товарищам обстоятельства того, почему с территории Альянса пропала вся скверна. Стоило бы, конечно — в Рубане и Тине я не сомневался. Но вот Лев Дюбуа… я не мог быть уверен в нём. Даже сейчас, когда я спас ему жизнь, он оставался малознакомым мне парнем без каких-либо причин помогать мне.

— Тогда второй вопрос, — продолжила Тина. — Мадлен Дюбуа. Я просматривала съёмку вашей стычки с ней, полтора десятка роликов разного качества, и… она была мертва.

— Мертвее некуда, — согласился Рубан. — Я лично вышиб ей мозги, почти в упор.

Лев поглядел на него; взгляд парня показался мне каким-то нехорошим… или я себя уже накручиваю?

— Вот именно, я видела, — кивнула Тина. — И да — я уловила тот момент, что старуха воскресает, когда её труп попадает под воздействие скверны…

Она осеклась. Да, кажется, только сейчас мы все четверо осознали, что Дюбуа жива — снова, и сейчас бродит где-то там, впереди или позади нас. И что убить её вновь у нас никак не получится — кому-кому, а ей всё случившееся обеспечило полноценное бессмертие.

— …не суть, — молчание затянулось, и Тина решила его закончить. — Кто и когда забрал тело Мадлен с моста и поместил туда, где она смогла ожить?

— А что было на мосту после нашего ухода? — Рубан посмотрел на неё; кажется, этот вопрос и ему не давал покоя. Да и мне, если честно, хотелось узнать ответ.

— …пустота, — развела руками Тина, выкидывая на обочину окурок. — К моменту, как мы прибыли, тела уже не было.

— Там на мосту были десятки людей! — не поверил я. — Все снимали нас на телефон!..

— Вот именно, — с нажимом произнесла Тина. — И ни одна сволочь, ни одна, ничего не видела и не засняла.

— Попахивает фокусами Родиона, — предположил я.

— Родион — тоже не центр мира, — напоминал Тина. — То, что он виноват в одном…

— Я видел человека, — неожиданно заговорил Лев Дюбуа. — Он прислал мне сообщение… с телефона бабушки, заставил спуститься в подземку, туда, откуда началась погоня. А потом…

— Оживил её, — мрачно отметил я. — Знаешь, Тина, Родион, может, и не центр мира, но в том, что здесь обошлось без него, я

не поверю.

— А вот и жильё, — Рубан указал вперёд рукой с пистолетом. — Идём аккуратнее. Вряд ли мы встретим здесь живых — слишком близко к эпицентру — а вот с осквернёнными столкнуться можем.

Льва передёрнуло; видимо, он вспомнил вчерашнюю драку.

— Их же не будет много? — спросил он.

— Без понятия, — Рубан вышел вперёд и чуть замедлил шаг. — Столько, сколько было живых до всего этого… Глядите.

Тело, лежащее на дороге, принадлежало раньше ребёнку. Мальчику лет восьми-девяти. Руки и ноги были вывернуты под неестественным углом, кожа обгорела и потрескалась; ребёнок лежал на спине, и только шевелил челюстью, как будто хотел что-то откусить. Пустые глазницы смотрели в багряное небо.

— Сынок, не ходи на дорогу! — раздалось сбоку. Единственным, кто не подпрыгнул при звуке этого голоса, остался Рубан; Тина выронила очередную сигарету, а я еле удержался от крика.

Женщина с такой же чёрной, обгоревшей кожей, снимала бельё с верёвки.

— Там опасно! — собственно, она даже не глядела на сына. — Не ходи на дорогу!

Я глубоко вздохнул. Это только первые, кого я встретил, дальше будет больше, и мне надо — как бы цинично это не звучало — привыкнуть к этому зрелищу.

— Поиграй в садике! — позвала мать сына, который никак не реагировал на её слова, продолжая клацать челюстями. Закончив снимать последнюю простыню, она наклонилась, положила её в корзину… и начала развешивать всё обратно. — Сынок, не ходи на дорогу! Там опасно!

— Гараж, — коротко выдохнул Рубан. — Туда, быстро.

Мы, не сговариваясь, кивнули и зашагали к гаражу.

— Ротт, — предупредил меня Рубан, когда мы оказались возле старенькой тёмно-зелёной машины, — если ты скажешь хоть что-нибудь о том, как много жертв, я воткну тебе кляп.

— И не собирался, — ответил я.

— Вот и не собирайся дальше, — Рубан дёрнул дверцы машины. — Закрыто, ключа нет. Взламываем и заводим УБИшным методом или ищем ключ?

Глядел он, главным образом, на Тину, но ответил я.

— Ищем ключ, — я шагнул к двери. — Оставайтесь тут.

Рубан сделал было шаг следом, но остановился.

— Ладно, — махнул он рукой. — Аккуратнее. Не нарвись на кого-нибудь агрессивного.

Я лишь пожал плечами. Справиться с парой осквернённых не будет проблемой.

Осквернённые… ребёнок, определённо, был живым мертвецом. А вот его мать жива. Теперь она стала такой же, как «обыватели» мёртвых городов. Значит, мы отошли от эпицентра достаточно далеко.

Может быть, Рубан прав и в столице всё не так плохо?

— Сдохни уже, грёбаный Марк Ротт, — я уже открыл дверь дома… и замер на пороге, услышав эти слова. Что?!

— Просто сдохни.

Голос доносился из комнаты и принадлежал какому-то мужчине лет сорока. Хриплый баритон произносил слова лениво, но с таким презрением, что я едва не развернулся и не выбежал из дома прочь…

А потом до меня дошло.

Отец семейства сидел перед телевизором; шипящий экран показывал одни только помехи, но, кажется, мужчину это ничуть не смущало. Он в настоящий момент видел ровно то, на чём его застигла вспышка скверны — трансляцию моей казни.

Интересно, сколько ещё в столице и окрестностях таких же, как он — полумёртвых психов, чьей “идеей фикс” стала именно моя смерть?

— Грёбаный Марк Ротт, — повторил он, почёсывая почерневшей рукой пивное пузо. — Сдохни наконец. Быстрее, сдохни!

Стараясь не обращать на него внимания (получалось с трудом), я быстро обшарил комнату взглядом. Ключи с сигналкой нашлись тут же, на низкой тумбочке; подхватив их, я поспешно направился вон из комнаты. Затем подумал — и, вернувшись на кухню, отыскал там два больших ножа. Не Бог весть какое оружие, но с одним пистолетом на четверых и это сгодится.

А теперь поскорее прочь отсюда. Я не знал, что ожидает меня в столице, но, похоже, Рубан заразил меня своей надеждой на то, что там будет лучше, чем здесь.

Именно с этими мыслями я распахнул дверь загородного домика и шагнул на террасу.

— Я нашёл клю… — заморгав, я уставился на то, что ждало меня снаружи — четыре бронированные машины и полтора десятка людей с автоматами, чьи дула были уставлены прямо на меня.

Глава 3

Скольких аристократов видел в своей жизни Иван Свердлов?

Правильно, ни одного. Аристократы в принципе редко встречаются в Республике, а это был первый раз за все его двадцать лет, когда он покидал пределы родной страны.

Что же, всё когда-нибудь бывает в первый раз.

Марк Ротт был именно аристократом — правда, не имперским, а помельче, из Альянса, но всё же самым настоящим. Иван долго и внимательно изучил лицо своего возможного противника, но так и не нашёл в нём ничего аристократического. Лицо как лицо, выражение на фотографии даже немного растерянное. Не выглядел этот парень и опасным террористом или злоумышленником.

Большому начальству, конечно, виднее — как везде и всегда. Но у Ивана вообще создалось впечатление, что большое начальство… в панике. Их давно продуманные, стройные планы рушились, словно карточные домики, времени не было, ответов на многочисленные вопросы — и подавно. Поэтому-то КОБР и правительство паниковали.

И, для страховки, задействовали все активы, из расчёта «хоть что-то, да сработает». Его самого, например. С первым (и наверняка ведь не последним!) заданием в роли внештатного сотрудника КОБР — «выяснить степень причастности Марка Ротта к аномальным возмущениям скверны, не допустить получения Роттом т. н. Императорской Печати. В случае опасности для интересов Республики — устранить».

Интересно, с чего они взяли, что у него получится? Судя по этому же досье, Ротт умирал уже десятки раз, и далеко не всегда эта смерть была мирной. Он горел в пожаре, его рубили в мясо, ему простреливали голову… он всё равно возвращался снова и снова.

Двое «бессмертных» были непохожи. Одного было чертовски тяжело убить, зато уж если кто-то доведёт дело до конца — то наверняка. Другого убить было ничуть не сложнее, чем обычного пробуждённого, но почти невозможно заставить спокойно лежать в могилке. Иван прикидывал и так, и этак, но даже примерно не мог понять, кто из них победит в схватке. Просто не хватало информации.

— Читаешь?

Иван обернулся. Новый «напарник» заглядывал ему через плечо.

— Угу, — кивком подтвердил он.

— До инцидента в ночном клубе добрался? — Фёдор Сартин, офицер КОБР, был придан ему не столько в напарники, сколько… в охранники? Комитет не очень-то доверял своему новому «внештатному сотруднику».

— Прочёл, — снова кивнул Иван. — На мой взгляд, там вина не столько Ротта, сколько УБИ.

— Ну — Ротт не спускал курок, — согласился Фёдор, глядя за мельтешащие за окном облака. — Но один хер, он в этом замешан по уши. Думать о простых ребятах как о людях, а не пешках в игре — вот чего не хватает всем этим… аристо.

Захлопнув папку, Иван внимательно поглядел на «напарника». Тот был старше его всего на каких-то пять лет, но, кажется, в своих убеждениях был твёрд, как кремень. И ведь именно этот человек должен, фактически, заниматься заданием по сбору информации, должен определить степень «виновности» Ротта в случившемся в Империи!

Отчего — то Ивану казалось, что Фёдор способен вынести Марку Ротту приговор «виновен» просто на основании того, что тот родился аристократом.

— Только один вопрос, — он постучал пальцами по папке с личным делом Ротта. — Императорская Печать. Здесь сказано, в самом конце, что вы сами планировали использовать Ротта для её получения.

— Планы поменялись, — отрезал Фёдор. — Всё поменялось. Слишком много неясностей, слишком много вопросов, и в свете всего этого мы не можем доверять Ротту. Наша задача — понять, за кого он. Если за нас, то вопрос об его использовании в этом плане поднимется снова.

А если не за нас… ну, здесь и так всё понятно. КОБР готовы убить даже бессмертного, причём просто за то, что тот недостаточно республиканец.

— Подлетаем к пограничной зоне, — раздался голос Риты Дженг, второй его «напарницы», сидящей прямо сейчас за штурвалом вертолёта. — Видите багровое пятно на пол-горизонта? Это столицам и окрестности, но досюда скверна не дошла.

Иван из интереса выглянул в окно. Да, зрелище было… впечатляющим. Как в каких-нибудь фэнтези-фильмах, где над Тёмным Краем, пристанищем сил Зла, нависала и клубилась воплощённая тьма.

Он смотрел в окно секунд десять, а потом откинулся на жёсткое сидение и прикрыл глаза.

— Разбудите, когда будем подлетать к столице, — попросил он.

* * *

— ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЗАСТАВЛЯТЬ ТЕБЯ УЕЗЖАТЬ.

— Они много чего не должны были, — усмехнулся Иван. Светящаяся фигура с каждым разом всё больше и больше приобретала человеческие черты, но пока что спутать её с человеком было невозможно — разве что с каким-нибудь индуистским божеством, сотканным из света. — Но они это сделали, и, правда, они имеют на это полное право.

Традиционно считалось, что в Республике главнее всех — корпорации, а правительство и КОБР так, на вторых ролях. В последние дни — когда слухи о войне начали уже расползаться в среде наиболее высокопоставленных людей — резко оказалось, что это не так, что КОБР умеет и приказать, и настоять на своём. Какие-то корпорации, вроде «Сато» — предпочли сотрудничать с заявившим о себе правительством. Другие — как тот же «Бикфорд» — выражаясь их же собственной терминологией, «не вписались в рыночек» и теперь уверенно теряли акции.

— МЕНЯ НЕ ВОЛНУЕТ, НА ЧТО ОНИ ИМЕЮТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПРАВО ПО ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЗАКОНАМ, — спокойно ответила Сила. — Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ УЕЗЖАЛ ОТ МЕНЯ ДАЛЕКО.

Иван развёл руками.

— Только не говори мне, что тебя там нет? В Империи куча пробуждённых. Не каждый первый, как у нас дома, но их там тоже хватает. А значит, там есть и ты.

— СЛИШКОМ МАЛО. НЕДОСТАТОЧНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ Я ОБРЕЛА СОЗНАНИЕ. СЛИШКОМ СЛОЖНО СВЯЗЫВАТЬСЯ С ТОБОЙ.

Это было правдой. Дома, в столице Республики, Иван мог связываться с Силой в любое время и из любого места — достаточно было только подумать об этом. Сейчас это вышло у него только во сне, когда он задремал в вертолёте.

— К ТОМУ ЖЕ, — заговорила Сила вновь, пока он обдумывал, что бы ответить, — ТАМ СЛИШКОМ МНОГО СКВЕРНЫ.

А вот это уже интересно. Иван поднял бровь.

— Она… мешает тебе, так? — он поглядел на светящуюся фигуру. Иногда он задавался вопросом — это сама Сила принимает такой облик, когда он говорит с ней во сне, или же его мозг придаёт ей человеческие черты.

— Я И ОНА — КАК ДВА ПОЛЮСА. ПЛЮС И МИНУС. СКВЕРНА — ЭТО МОЯ ОБОРОТНАЯ СТОРОНА, И ЧЕМ БОЛЬШЕ ЕЁ, ТЕМ МЕНЬШЕ МЕНЯ.

— И наоборот… — пробормотал Иван.

Интересно… зависят ли последствия произошедшего в Империи от количества Силы? Окажись там больше пробуждённых — был бы удар слабее, разрушения меньше?

Он уже больше года занимался этим — беседовал с Силой, пытался привить ей что-то человеческое. Он уже не сомневался в том, что однажды эта сущность — источник способностей всех пробуждённых — сможет выйти из подвального алтаря, спрятанного под офисом корпорации «Сато».

А единственный способ сделать, чтобы этот день не обернулся концом света — заставить Силу стать… более человечной.

Год назад всё это казалось ему в диковинку. Все изменения, произошедшие в его жизни, были стремительны и радикальны. Ещё недавно он — обычный девятнадцатилетний парень с неизлечимой болезнью, которого уже почти не пугает мысль о смерти. Смена кадра — и он уже приходит в себя под мостом, без воспоминаний о последней неделе, зато со способностью излечивать любые раны, поглощая жизни других. Ещё одна смена кадра — и он уже оказывается «связным» Силы, человеком, от которого зависит будущее Республики.

Именно поэтому КОБР и тратили силы, чтобы уговорить его — пускай даже приказным тоном — а не приказать по-настоящему. Именно поэтому и готовы были пойти на многие уступки и компромиссы. Пожалуй, за год с небольшим он только-только свыкся с мыслью о своём новом положении, о том, что он теперь из себя представляет…

И вот опять — новая смена курса. Следующий кадр — и он летит в Империю, ловить какого-то Марка Ротта.

Марк Ротт. Судя по прочитанному досье, не так давно тот тоже испытал… нечто похожее. Новые силы, череда событий, беготня ото всех, покушения. Если кто и мог его понять, то это Иван.

А ещё Марк Ротт был пробуждённым. И это навело Ивана на определённую мысль.

— Тогда как насчёт ускорить моё возвращение? — он поглядел на светящуюся фигуру.

— ПОЧЕМУ ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПРОСТО ВЕРНУТЬСЯ?

— Потому что, в конце концов, я и правда не хочу, чтобы Республика тоже покрылась пятном скверны. Это всё-таки мой дом, у меня здесь друзья, родители… да и тебе это не понравилось бы, так?

— С ЧЕГО ТЫ ВЗЯЛ, ЧТО ЭТО ПРОИЗОЙДЁТ?

— С того, что в Империи это уже произошло, — парировал парень. — А значит, шанс не нулевой. Вот что. Просто помоги мне

сделать мою работу — и чем быстрее она будет завершена, тем быстрее я вернусь домой, в столицу, поближе к себе.

— КАК?

— Найди мне Марка Ротта, — кивнул Иван. — Взгляни на него своими глазами; расскажи, что лежит в основе его способностей, может, какие у него слабости.

— НАЙТИ ЕГО?

— Да, именно. Он пробуждённый, а значит, внутри него, как и внутри каждого пробуждённого, есть частица тебя. Если ты постараешься, то сделаешь это.

Иван понятия не имел, сработает ли подобное. Но… как и КОБР, он не видел ничего плохого в том, чтобы запустить работу сразу по куче фронтов. Не сработает одно — сработает другое, а Сила, между тем — реальная возможность победить Ротта, если дойдёт до драки.

— Я НЕ МОГУ НАЙТИ ЕГО ПРОСТО ТАК, — заявила Сила. — НЕ МОГУ ВЫДЕЛИТЬ ЕГО СРЕДИ ДРУГИХ ПРОБУЖДЁННЫХ.

— А если я встречусь с ним лично? — сощурился Иван. — Если ткну в него пальцем и скажу — вот он, Марк Ротт? Сможешь посмотреть, что с ним не так и в чём главный секрет?

Сила молчала — долго, куда дольше обыкновенного.

— СКВЕРНА, — наконец, проговорила она. — СКВЕРНА МЕШАЕТ МНЕ УВИДЕТЬ ЧТО-ЛИБО В ТОЙ СТОРОНЕ.

— Попытка — не пытка.

— ЧТО ТЫ ИМЕЕШЬ В ВИДУ?

Мда, возможно, с иносказаниями он поторопился, до такого уровня человечности Сила дойдёт ещё нескоро.

— Имею в виду, что от того, что ты попытаешься — хуже не будет.

— НЕ БУДЕТ, — согласилась Сила после ещё двух секунд молчания. — Я ПОПРОБУЮ.

* * *

— Алло! — Ивана грубо трясли за плечо, выдёргивая из сна. — Разлёгся тут!

Разлепив глаза, он вопросительно поглядел на Фёдора.

— Прилетели? — он зевнул.

— Подлетаем, — отрезал КОБРовец, явно не радостный оттого, что на его плечи возложили присмотр за гражданским, не имеющим ни малейшего представления об армейской дисциплине.

Что ж, вопрос можно было и не задавать. Едва только

проморгавшись, Иван и сам увидел разницу.

Тёмный… свет. Тому, кто не видел подобного вживую, это могло бы показаться оксюмороном, но так оно и было. Именно тёмный и именно свет. Из всех аналогий ближе всего был грозовой день, когда тучи заслонили солнце, но даже это было далеко от реальности. Скверна придавала всему вокруг тёмно-багровый оттенок.

Как в каком-то фильме ужасов, в самом деле.

— Мы узнали, что там, внизу? — уточнил Иван, глядя в окно вертолёта. — Там вообще есть живые?

Он много слышал и читал о скверне, о мёртвых городах. Ждать от подобных мест хорошего не приходилось.

— Живые есть, — донеслось от штурвала. — Со здравомыслящими похуже.

Рита Дженг была получше Фёдора — по крайней мере, не такой узколобой и зашоренной. Она, конечно, тоже присматривала за ним, но с ней хоть можно было строить нормальный диалог.

— В целом, там всё плохо, — она заходила на посадку; кажется, вокруг был какой-то лес… только очень чёрный, как после крупного пожара. — Думаю, столицу в любом случае уже не спасти. Но всё-таки живые там есть, вот только эффекты осквернения сказываются.

— Сумасшедшие? — Иван глянул вниз.

— Во всех смыслах, — согласилась девушка, пока Фёдор уже стоял у дверей, готовый покинуть вертолёт сразу после приземления. — И те, кого свела с ума скверна — с этими не договориться в любом случае, они ничуть не лучше осквернённых. Такие же агрессивные, только ещё и мозги трахают. И другие — те, кто просто впал в панику от произошедшего. Они формально здоровы, но с адекватностью не всё в порядке.

— А как насчёт тех, кто должен нас встретить? — Иван знал лишь то, что здесь, на территории Империи, у Республики есть и свои агенты, которые и должны помочь им в задании.

— Когда наши с ними связывались, были живы и здоровы, пытались не паниковать, — отозвался Фёдор от дверей. — Надеюсь, ты помнишь инструкции на их счёт?

— Не болтать лишнего, — кивнул Иван. — Прекрасно помню — особенно после того, как мне два часа вдалбливали это.

— Можно было бы и побольше, — КОБРовец поморщился.

Вертолёт медленно опустился на поляну; винт всё ещё продолжал вращаться, вздымая потоки воздуха.

Да, до него действительно тщательно доносили это правило.

В Империи у Республики есть как полноценные шпионы, двойные агенты… так и просто «сочувствующие». Вторым не доверяют в полной мере, особенно в том, что касается грядущей войны. Знать о том, что неулыбчивый сосед вот-вот превратится в агрессора, им не обязательно.

Так что официальная цель задания — разобраться с ситуацией, чтобы не допустить её повторения в Республике, и не больше. Никакой подготовки к войне. Никакого вторжения на пороге.

— Ни хера ж… — пробормотала Рита, вылезая из вертолёта второй. — Плакала наша маскировка.

— Что такое? — не понял Иван… а затем выглянул наружу.

Вихрь, поднятый вертолётными лопастями, не просто согнул сухие деревья. Он наполовину разломал их, наполовину — попросту раздул в отдельные частички пепла, и теперь то, что раньше было густым лесом, стало отлично просматриваемой поляной.

— Неважно, — махнул рукой Фёдор. — Им здесь сейчас не до этого.

Что ж, здесь он был прав.

* * *

Идти пришлось недолго — где-то километров пять по прямому, чёрному асфальту. Тем не менее, эта дорога показалась Ивану длинной из-за мрачного, депрессивного пейзажа по бокам. Так что он был рад, когда увидел в ожидавшей их машине затемнённые стёкла.

— Хельмут Эстин, — представился лысый, тощий тип сидящий за рулём. — Залезайте в машину. Вас уже заждались, а со всей этой суматохой ситуация становится совершенно непредсказуемой.

— Эстин? — Фёдор поглядел на него с подозрением. — А разве нас не должен был встретить…

Кажется, один только факт проживания в Империи вызывал у него подозрение. Тем не менее, названный лысым пароль был верен.

— Если вам не сообщили, господин Герман Шраут тяжело болен, — отрезал водитель. — Он не в состоянии выехать сюда — он просто физически не выдержит подобной поездки.

— Но своё обещание-то выполнить он в состоянии? — поглядела на него Рита, залезая в машину.

— Да, — кивнул Эстин. — Он смог через свои связи узнать в

УБИ то, о чём вы спрашивали.

— Тогда чего мы ждём? — Фёдор уселся спереди, рядом с водителем. — Едем к нему.

* * *

Прим. автора: текст с 26 главы 4 тома по этот момент был написан за три с половиной дня) Автор критически нуждается в ваших лайках.

https://vk.com/orothesummoner

Глава 4

К своей чести, я не уронил ни ключей, ни ножей — только машинально отступил на полшага назад.

— Руки вверх! — скомандовал кто-то из боевиков; понять, какой именно, было сложно из-за тканевых масок и широких боевых очков, закрывающих всё лицо. Я пошарил взглядом по их форме в поисках герба или логотипа, но… нет, эти ребята были без опознавательных знаков. Просто чёрные куртки, шлемы на голове.

В какой момент они успели подойти, почему появились так внезапно и бесшумно, что с Рубаном и Тиной? Бесполезные вопросы. Я поднял руки.

— Не советую стрелять, — кивнул я. — Если вы меня прикончите, всё только усугубится.

— Тебя не спросили! — теперь я видел, который из них говорил — спецназовец повёл дулом автомата. — Стой на месте и жди!

Жди? Отличное требование. Полагаю, мне не ответят, если я спрошу, кого и сколько нужно ждать?

Дверца одной из машин открылась; оттуда быстро выскочил тип в точно таком же костюме; миг — и он тихо, умело и без стука поставил на дорожку кресло-каталку.

— Зря, — усмехнулся старческий голос. — Молодого человека стоит спрашивать. А выслушав — принять к сведению, а не отмахиваться от услышанного.

Спецназовец сглотнул и замер, не смея что-либо возразить… Я же с огромной ясностью понял, кто находится передо мной.

Факт первый — я знал, что этот человек уже десятилетие, а то и два, не встаёт с коляски. Факт второй — он возглавляет УБИ, и именно к нему стекается вся секретная информация в стране.

Ну, и, в конце концов — я ведь слышал его голос. Тогда, по рации.

— Герберт Шраут, полагаю? — кивнул я старику, который привычно перебирался из автомобиля на коляску. — А руки уже можно опустить, или вам принципиально, чтобы я держал их поднятыми?

Коляска без малейшего скрипа или скрежета развернулась ко мне, и Герберт Шраут склонил голову, задумчиво разглядывая меня.

— Можешь опустить руки, — кивнул он. — Но без глупостей. Сам понимаешь, у меня есть много способов справиться с тобой, не убивая.

Я кивнул и опустил руки.

— Наконец-то мы встретились лично, — заметил я. Какого-то особого испуга или пиетета перед стариком я не чувствовал. Во-первых, чего бы тот ни хотел от меня, но если бы он всерьёз собирался навредить мне… он бы это уже сделал. А во-вторых, после того, что произошло, было вообще не так-то просто напугать меня. — Знаете, если бы вы удосужились принять меня раньше — когда я только приехал в Империю, ещё до того, как встретился с Дюбуа — всего этого могло бы не произойти.

Он помолчал пару секунд.

— Ты наглец, Марк Ротт, — лицо Герберта было мрачным до невозможности… наверное, как и моё.

— Я не шучу и не предъявляю претензии, — пожал я плечами. — Просто… говорю всё как есть. Если бы вы не пытались, притащив меня в Империю, тут же отделаться от меня, как будто это нужно мне, а не вам — ничего этого могло бы не произойти. Если бы вы не запихнули меня в эту идиотскую Академию, не предоставили самому себе, наплевав на все мои желания и нужды — ничего этого могло бы не произойти. Если бы просто выслушали, прежде, чем оставлять одного в чужой стране…

— Ничего этого могло бы не произойти, — закончил старик; кажется, ему было неприятно слушать такую отповедь. Ничего, пускай послушает. — Знаешь, Ротт, в моей жизни было столько моментов, когда всё шло не так, что я давно отказался от попыток жить задним умом. Всё произошло так, как произошло, и с этим надо жить.

— Бесспорно, — согласился я. — Жить и помнить об ошибках. Не пытаться их повторить.

— Я и не отрицаю своих ошибок, — Шраут поморщился. — Я просто говорю, что ты наглец. Вываливать такое мне после того, как стал — пускай и непреднамеренно — причиной гибели моей внучки.

Я пару минут непонимающе глядел на него… а потом кивнул назад.

— Тина жива. Она там, в гараже, с остальными.

К чести Герберта, он не стал заявлять что-то вроде «Но это же невозможно» или задавать дурацкие вопросы. Он лишь поднял бровь с таким видом, будто речь шла не о его наследнице, а о каком-то неодушевлённом предмете средней значимости… и поглядел на автоматчиков:

— Проверьте.

Трое фигур в чёрном быстро отделились от группы. Я проводил их в спину удивлённым взглядом.

— Может, стоило просто попросить меня крикнуть им, чтобы выходили? Знаете, люди обычно не очень хорошо реагируют на…

…взрыв. Призрачно-голубая вспышка буквально разорвала изнутри старенький гараж. На наших глазах его жестяная крыша подпрыгнула, стены пошли трещинами, а троих бойцов отбросило от дорожки на пепельно-чёрную клумбу.

— …вооружённых незнакомцев в масках, — закончил я. — Чёрт!

Последнее прозвучало уже на бегу. Гараж, явно не рассчитанный на такие перегрузки, попросту «складывался в себя», осыпаясь. Тех, кто находился внутри, могло засыпать обломками. Не для того я спасал их от взрыва скверны, чтобы сейчас они погибли так по-идиотски!

— Рубан! Тина! — заорал я, подбегая. — Вы там живые?

— Какого?!.. — прозвучал изнутри сердитый донельзя голос Рубана. — Ротт, что ты сотворил вообще?

Пока трое бойцов Шраута со стоном поднимались на ноги, а остальные бежали в мою сторону, я влетел в гараж.

— Уйди к чёрту! — Рубан, с горящими тем же бледным цветом руками и лицом, махнул мне рукой. — Я не хочу, чтобы тебя прибило каким-нибудь падающим кирпичом!

— А вы?

— Я справлюсь, — ответил Лев Дюбуа; вокруг него мерцало несимметричное поле тех же цветов, не похожее на щит, что я уже видел, но, кажется, выполнявшее те же функции. По сути, гараж сейчас держался исключительно на нём. — Выходим!

Герберт тоже спешил в нашу сторону, насколько ему позволяла каталка; на его лице не отражалось никаких явных эмоций.

Тина выскочила первой; затем — Рубан, и последним — Лев, продолжавший держать защитное поле до последней секунды. После того, как он убрал его, гаражик с грохотом сложился, окончательно превращаясь в кучу щебня. Тина удивлённо подняла брови, уставившись на деда, а Рубан повернулся ко мне.

— Надеюсь, у тебя есть внятные объяснения, Ротт, — заметил он уже спокойней, не обращая никакого внимания ни на автоматчиков вокруг, ни на Шраута в коляске.

— Чему? — осторожно уточнил я, хотя уже почти знал ответ.

— Этому! — Рубан щёлкнул пальцами, и с его руки сорвался мощный столб голубого пламени, уносясь вверх. — Почему мои навыки превратились в это?

Ну, да. Разумеется. Когда я позволил апостолам скверны слиться с этими троими, то вкачал в них немалую долю своей мощи. Вот их спецэффекты и стали зрелищнее.

— А ты чем-то недоволен? — поинтересовался я. — Теперь ты можешь крушить врагов направо и налево.

— Огромное тебе спасибо, Марк! — Рубан взмахнул руками. — Что бы я делал без тебя! Вот только, с твоего сведения, я хотел активировать щит, чтобы запечатать гараж изнутри, а не разметать его по кирпичикам!

— А я врубил разрушающий навык, — добавил Лев Дюбуа — скорее недоумённо, чем сердито. — Времени долго соображать не было, и я подумал, раз щит сработал как взрыв, то взрыв должен…

Сработать как щит. Ну, разумеется. Мне захотелось истерично смеяться.

— Может быть, потом? — я поглядел на Рубана, на Дюбуа. — Я всё объясню. А пока просто учтите… что ваши навыки могут работать немного наизнанку.

— А…

— И что штука, которая сделала это, спасла вас от смерти или, того хуже, превращения в осквернённых, — быстро закончил я. — А сейчас давайте отвлечёмся на наших гостей.

Герберт Шраут был уже рядом с нами; остальные автоматчики держались чуть позади и, по крайней мере, больше в нас не целились. Может, дедок успел отдать им приказ, пока мы спорили, а может, не хотели направлять оружие на внучку своего начальника.

Тина уставилась на деда с немой гримасой непонимания, разведя руки в стороны.

— Ты жива, — спокойно бросил тот, и у меня по спине снова пробежали мурашки от тона этого человека. — Хорошо, я уже думал, что всё кончено.

— Знаешь, — Тина уставилась на него, — ты мог бы найти нас раньше. Гораздо раньше! И, может быть, тогда…

Все переключились на этот диалог, испытующе глядя на двух спорящих Шруатов.

— Мне казалось, ты знаешь меня достаточно хорошо, Валентина, — ответил Герберт, не отводя взгляда. — Если бы я мог найти вас раньше — я бы нашёл вас раньше.

Рубан откашлялся. До бывалого агента дошло первым.

— Чтр… происходит в столице? — он поглядел прямо в глаза Шрауту. — Я не имею в виду всё это, чёрное солнце и живых мертвецов. Что происходило там вчера, после того, как рухнул вертолёт и мы упустили мумию?

Старик пожал плечами.

— Вы все слышали, что сказала Мадлен перед тем, как угробить вертолёт. Печать — это прямое доказательство права на

власть, так что в настоящий момент Император занял своё законное место и успешно претворяет в жизнь свои новые планы. А может, и не успешно — взрыв скверны наделал шуму.

Я молчал, осмысляя информацию. Если честно, для меня она не была таким уж сюрпризом — я ведь уже видел Люция в сцене «своей» казни, там, в поезде. И всё-таки… я не ждал, что у него всё получится так быстро и так легко.

— Когда возвращаешься после столь долгого отсутствия — никак не обойтись без соратников, советников, помощников… — старик развернул коляску и, не оборачиваясь, снова покатил к машинам; автоматчики расступились в две стороны, пропуская его, а затем и нас. — Поэтому я никак не мог этой ночью не только найти вас, но даже и отправить на ваши поиски кого-то другого.

— Я там провалялся несколько часов, умирая, — заметил я. — Если бы вы прибыли вовремя — могли бы… ну, хотя бы вывезти меня в какую-нибудь пустыню.

— Если я говорю, что не мог этого сделать, — повторил Герберт, — значит, я действительно не мог. Пожалуйста, господин Ротт, не нужно ставить под сомнение мои слова.

Он подъехал к машине и остановился.

— Шанс потеряться выпал лишь тогда, — он покосился на шевелящееся тело мальчика на дороге, — когда всё обратилось в хаос, а я пребывал в твёрдой уверенности, что все, кроме тебя, мертвы.

Тина и Рубан переглянулись; я пожал плечами.

— А разве… на видео не было очевидно, что нас четверо?

— На видео? — старик ничего не понял.

— Ну, или снимках. Как-то же вы нас нашли.

— О, Ротт, — Герберт покачал головой. — Не нужно делать из УБИ всемогущих и всевидящих шпионов, у которых камеры развешаны даже на деревьях в лесу. Мы не делали ни снимков, ни видео, а то, что мы нашли вас так быстро… ну, Валентина не единственный синестетик, который работает на УБИ.

Прекрасно. А ведь это значит, что УБИ всегда может определить, где я нахожусь и куда направляюсь, не применяя к этому никаких усилий. Скверна внутри меня — а после взрыва её всё ещё оставалось слишком много — как маяк, видимый за десятки километров.

— Так, значит… ты теперь работаешь на нового Императора? — Тина поглядела на деда со странным выражением лица.

Тот покачал головой.

— Я этого не говорил.

Мы переглянулись.

— А как же Печать…

— Я видел Печать, — согласился Шраут. — И не через экран, как большинство людей в стране, а вживую. Так что да, я верю в то, что Люций — действительно тот самый Люций, а не самозванец, не перевёртыш и так далее. Но ведь это ещё не всё?

Он кивнул нам.

— Я видел, кто он такой. И даже — что он такое. Никакая Печать не заставит человека автоматически быть верным, если он сам этого не хочет. Именно поэтому я постарался уехать из столицы сразу же, как получилось — я собирался найти тебя, Ротт, раньше, чем это сделает он.

Мы молчали, глядя друг на друга.

— Хочешь предложить… свергнуть его? — Тина сощурила глаза.

— Империя всегда значила для меня больше, чем один человек, — подтвердил её дедушка. — Люций сделал для этой страны больше, чем кто-либо. Он создал её. Но даже он не имеет права её разрушить или превратить в своё орудие.

Автоматчики, стоящие за нашими спинами не шевелились… но я почему-то почувствовал давление. Что, если кто-то из нас сейчас откажется? Как они отреагируют?

Впрочем, он знал, что мы не откажемся — те, кто видели Люция в деле.

— Ладно, — хрипло заговорил Рубан. — Я, может быть, тут единственный, кто не может похвастаться аристократическим происхождением, и из УБИ уже наверняка уволен с волчьим билетом, но я спрошу очевиднейшую вещь — у вас есть какой-то план?

— Никто не увольнял вас из УБИ, агент Рубан, — усмехнулся Шраут. — Вы действовали согласно заданию, полученному от моей внучки, а это позволяет закрыть глаза на очень многое.

— Вот блин… — застонал Рубан. — Вы и сейчас не дадите мне отдохнуть, да?

— А что там с планом? — поинтересовался Лев. — Вопрос-то правильный.

— Нет, у меня пока нет плана, — нехотя признал старик. — Всё случилось слишком быстро, я не успел собрать никакой информации. С того самого момента, как убили Императора, события не отпускали ни на секунду.

— Может, это и к лучшему, — пожал я плечами. — Знал я одного типа, который вечно строил планы. Сложные, многоступенчатые. Строил умело, амбициозно, отдавался всей душой любимому делу, и…

Я сделал драматическую паузу.

— …ни один из них не сработал, — закончил я. Блин, старик Шраут мог бы переспросить «И?» хотя бы из вежливости!

Рубан поглядел на меня глазами, полными усталости и раздражения. Да уж, сейчас от него ждать ободряющих речей не приходилось.

— Но мы ведь не останемся здесь, думать над планами? — уточнил он.

Шраут огляделся по сторонам.

— Нет. Нам нужно обменяться информацией, скрыться на время — там, где нас не только не найдут, но и даже искать не подумают. И я знаю одно место, которое идеально подойдёт для этого.

Я покачал головой; прятки и беготня надоели мне, но, кажется, от них действительно было никуда не деться.

— И что за место?

— Место, о котором не знает ни Люций, ни подавляющее большинство министров и советников, — в голосе Шраута даже прозвучала некоторая гордость. — А те, кто знают, считают легендой. Слышали что-нибудь про Арк?

Я?.. Да нет, не слышал. Судя по лицу Льва Дюбуа, ему это название тоже ничего не говорила. А вот Тина и Рубан вытаращились на старика так, будто тот сказал что-то невероятное.

— Да ладно! — выдохнул Рубан. — Арк существует? Может быть, вы ещё скажете, что и Санта-Клаус тоже настоящий?

Глава 5

Арк?

Я ещё раз глянул на своих спутников; Лев Дюбуа стоял с совершенно непонимающим видом — возможно, именно такое лицо было сейчас и у него самого. Тина была просто очень-очень сильно удивлённой, а вот Рубан…

Наверное, за всё время нашего знакомства я никогда не видел его таким. Рубан бывал раздражённым и благодушным, сонным и энергичным, сердитым и довольным, но сейчас его лицо лучилось таким счастьем, как у ребёнка, открывшего подарок и обнаружившего, что там именно то, о чём он мечтал.

— Значит, слышали, — кивнул Шраут.

— Я не…

— …слышал!

Мы с Львом Дюбуа поглядели друг на друга.

— Там хранится оружие Судного Дня, — мрачно сообщила Тина.

— Что? Нет! — с жаром возмутился Рубан. — Там хранятся трупы пришельцев! Обломки летающего корабля, всякие внеземные примочки!

Они с Тиной поглядели друг на друга, и Тина мрачно сощурилась.

— Пришельцев не существует, Рубан, — отрезала она.

— Пришельцы существуют!

— Не начинай. Мы уже говорили об этом, — лицо Тины приобрело устало-обречённое выражение. — А в Арке находится оружие, которое способно уничтожить Республику… но если его применить, тогда и от Империи ничего не останется. Магический аналог ядерных боеголовок, только в тысячу раз мощнее.

— Инопланетные технологии! — настаивал Рубан. — Может, они и работают так, как ты сказала, но они точно не с нашей планеты…

— Кхе-кхе, — Герберту, кажется, тоже не улыбалось сидеть и слушать этот спор, и он настойчиво покашлял. — Вы оба молодцы, что развиваете фантазию, но, может быть, лучше, если об Арке расскажу я? По крайней мере, я располагаю точной информацией, а не слухами и домыслами.

Он кивнул в сторону машин.

— Садитесь. Все. По пути всё узнаете.

Я покосился на Льва. Меня в очередной раз посетил вопрос — а насколько ему можно верить? Но то ли Шраут верил ему, то ли предпочитал держать друзей близко, а потенциальных врагов ещё

ближе.

— Сынок, не ходи на дорогу!

Я ещё раз взглянул на женщину, что вновь развешивала на верёвке покрытое чёрным пеплом бельё… и направился к машине.

* * *

Кажется, Рубан не верил ни единому слову.

С какой-то стороны, его можно было понять. Когда ты долго веришь во что-то, лелеешь светлую мечту о том, что мы не одиноки во Вселенной, а потом внезапно говорят, что всё куда прозаичнее — верить в это просто не захочется.

— Власть — опасная штука, которой не следует долго оставаться в одних руках, — старик, сидящий впереди, даже не смотрел на всех нас. За рулём был Рубан — иначе все в одну машину бы не влезли — а вся прочая кавалькада неслась за нами по дороге, почти без шума. — Я хорошо знал Люция, и это был действительно светлый человек. Из тех, которые верят в добро для всех и каждого. Он прошёл через всякие тяготы, но не сломался, а закалился…

Я косился на макушку старика с лёгкой опаской. Почему все пенсионеры так легко ударяются в воспоминания? Вчера у меня уже была одна лекция о жизненном пути Люция, и ничем хорошим она не завершилась.

— Но даже он был лишь человеком, — с усмешкой завершил свою мысль Шраут. — А человек слаб. Человек может поддаться искушениям, может впасть в уверенность, будто только он знает, как лучше. Может… проиграть в схватке со скверной.

— Так вы знали об этом? — заметил я.

Шраут обернулся — впервые за то время, что мы ехали — и поглядел на меня с неудовольствием. Кажется, он предпочитал вести монологи, а не диалоги.

— Знать обо всём — это моя профессия, Ротт, — ответил он. — Я глава УБИ, и я же — самый осведомлённый человек в стране вот уже много десятилетий.

— Мне показалось, ты искренне удивился, узнав про Императорскую Печать, — поглядела на него Тина.

— Я действительно удивился, — согласился старик. — Видишь ли, что касается личных секретов Люция и Мадлен… мы старались не лезть в эту тему. Да, все прекрасно знали, что они были любовниками, и потому ни я, ни другие старались не залезать им в кровать.

Я поглядел на Льва Дюбуа, но для того, кажется, отношения его бабушки с Императором тоже не были новостью.

— Но и у меня от них были свои секреты, — продолжил Шраут, вновь глядя на дорогу. — Я не знал о Печати, но я знал о скверне внутри Люция. И почти сразу же, как я узнал об этом, я задался вопросом — что произойдёт, если скверна победит?

Он развёл руками.

— И я постарался предусмотреть такой вариант. Вот что такое Арк — это действительно место хранения оружия. Вот только это не лазерные мечи, бластеры или магическая бомба, стирающая материки, а оружие против скверны и осквернённых. Кое-что, что в состоянии… вернуть мироздание в нормальный ритм.

Рубан поглядел на Шраута взглядом, в котором явственно читалось «Ага, так я тебе и поверил», но ничего не сказал, продолжая рулить. Я же… задумался. В конце концов, мои силы тоже работают на скверне. Каков шанс, что это оружие в один прекрасный день обратится против меня, лишая меня бессмертия?

— Как оно действует? — осторожно уточнил я.

— Превращает скверну в катализатор для уничтожения самой себя, — пояснил старик. — Чем больше скверны — тем меньше скверны. Впрочем, я понятия не имею, как всё сработает в масштабах страны: мы, конечно, проводили испытания, но не такие большие.

Я вздохнул. Эта штука, если верить Шрауту… может убить меня. Может помочь, понизив уровень скверны внутри меня до приемлемого. А может и вовсе не сработать — в конце концов, ещё никто не отменял мой Уроборос.

— После череды успешных испытаний, — продолжил Шраут, — оружие — проект «Гьяллархорн» — было разобрано на несколько частей и помещено в три надёжных хранилища, о которых знал лишь я да люди такого уровня, которым я мог бы доверять на все сто…

— А как же — все люди слабы? — не удержался я. Было и правда странно слышать такое от главы разведки всей Империи.

— Эти были слабее прочих, — улыбнулся старик. — И я об этом знал. Никто не говорит о вере в чьи-то лучшие качества, Ротт — просто когда ты знаешь о людях такое, что могло бы разрушить их жизнь в пыль, это и означает, что ты можешь доверять этим людям.

Да уж. Своеобразная философия.

— Так вот, если с вопросами на отвлечённые темы мы закончили, — старик продолжал глядеть на дорогу. — Три

хранилища. «Арк» является одним из них, центральным; впрочем, все три расположены довольно далеко, и придётся побегать, собирая «Гьяллархорн» воедино.

Мы переглянулись. Звучит как начало крутого фентези-романа? Вот только из Герберта так себе выходил мудрый ментор, а я слабо тянул на юного героя.

Да и вообще, я терпеть не мог мономиф.

— То есть, этот секрет хранился все эти годы, так, что о нём не знала даже моя бабушка… — сощурился Лев, — а теперь вы сообщаете о нём… нам?

— Я сообщаю о нём тем, кто заинтересован в свержении Люция, — ответил старик. — Секретность имеет смысл, пока ты хранишь что-то, а не когда используешь. Разумеется, если мы сделаем всё быстро — иначе Люций выследит нас и поинтересуется, куда и зачем мы направляемся.

— И не он один, — Тина поглядела на своего бывшего. — Твоя бабушка тоже присоединится к нему. Надеюсь, ты не строишь никаких иллюзий на её счёт?

— Она сначала устроила катастрофу, и лишь потом сказала мне прыгать, — хмыкнул Лев. — Похоже, она не очень бы расстроилась, если бы я погиб. Я ведь то ещё разочарование.

— Кстати, о ней, — старик снова обернулся на меня. — Ротт. Мне почему-то кажется, что именно ты знаешь об этих воскрешениях больше меня. Мадлен Дюбуа, которую я знал, была полна сюрпризов… но бессмертие — это что-то новенькое даже для неё.

Я вздохнул. Что ж, я ожидал этого вопроса.

— У нас с ней, если вы заметили, есть кое-что общее, — начал я, откинувшись назад. — Мы оба имеем один и тот же редкий и, по всеобщему мнению, малополезный атрибут — Уроборос.

Шраут молча кивнул; остальные тоже ничего не говорили, глядя на меня, лишь Рубан смотрел на дорогу — но я был уверен, что он слушает не менее внимательно.

— Уроборос — замкнутая система, — я говорил уверенно, но медленно. В конце концов, я сам знал всё это лишь условно, и только богатый опыт давал мне кой-какую информацию. — Его магия не действует ни на кого, но и чужая магия не подействует на него. Скверна… она поднимает людей из мёртвых, воскрешает их. Но она также и меняет их души и тела. В случае же с Уроборосом… остаётся только воскрешение. Я не знаю, почему один эффект случается, а другой нет, но так это и работает.

— Хочешь сказать, Марк… — проговорил Рубан, — любой человек с Уроборосом потенциально бессмертен?

— Выходит, что так, — я пожал плечами. — При условии, что его мёртвое тело контактирует с большим количеством скверны. Разумеется, Дюбуа ожила — сразу же после того, как…

Я замолчал и неловко кивнул на тёмно-багровое небо за окном.

— Ну, а ты сам? — старик не отрывал от меня своего взгляда. — Слава бессмертного закрепилась за тобой ещё до этого.

— А разве не очевидно? — я повторил свой жест. — Я — ходячее, автономное хранилище скверны. Любой Уроборос бессмертен, если вокруг достаточно скверны, но только я ношу в себе её столько, что мне уже плевать, где и как я умру. Этим я отличаюсь от других Уроборосов.

— Ага… — пробормотал старик. — Значит…

Он замолчал, не закончив мысли, но я успел уловить быстрый взгляд, кинутый на Льва. Кажется, он подумал о том, что убить Дюбуа проще, чем казалось — нужно просто упокоить её там, где не будет скверны.

— Ладно, — я постарался опять перевести тему на Арк и оружие. — Так… куда мы едем?

— К тебе домой, Марк, — кивнул Шраут. — В Альянс Пяти, а если конкретнее — в Морбрег.

— Морбрег? — поразился я. — Курортный городок? Место, где проходят праздники и фестивали, где полно туристов… и там спрятан Арк?

— Ага, — Шраут чуть улыбнулся. — Милое местечко, пляжики и сосновые леса. Совершенно не подозрительное. А ещё — там моя же собственная спецслужба не так сильна, а потому секрет останется секретом. Местные же власти…

Он развёл руками.

— Власти Альянса никогда не были особенно умны.

— Эй! — возмутился я. — В настоящий момент, власти Альянса — это я!

Шраут ничего не ответил, но в его глазах можно было легко прочесть — «А я о чём?»

* * *

Вздохнув, Мадлен Дюбуа села.

Перед её глазами ещё стояло пламя взрыва, в ушах скрежетал металл. Такие вещи, как крушение вертолёта, надолго врезаются в память.

И всё-таки её ожидания оправдались. Ротт тоже умер — возле

неё, обеспечив её достаточным притоком скверны. А остальные, разумеется, мертвы. Теперь они один на один, и второй раз она не даст юнцу…

Мадлен огляделась. Она находилась не в лесу.

Похоже, всё немного усложнилось.

Тело привычно болело, но это была не боль от травм, а привычное состояние старухи. Итак, где она?.. Кажется, помещение было моргом. Значит, её останки выковыряли из вертолёта, привезли сюда…

Тогда откуда тут взялась скверна?

Накинув на себя сразу две простыни, Мадлен толкнула дверь в коридор. Не заперто, вот и…

Старуха замерла.

В помещении морга не было окон, но здесь, в коридоре, всё было видно хорошо. Чёрное солнце. Багряное небо. Скверна. Дюбуа прильнула к окну, разглядывая новый облик столицы.

Ротт? Это связано с его смертью? Он ведь говорил что-то в духе «Умру я — умрут все», или это болтал агент Рубан?

А может, это вовсе не связано?

Что же, здесь, в пустом коридоре, ей бы никто не дал ответов на эти животрепещущие вопросы. Но… Мадлен знала, куда пойти, чтобы получить все ответы. Знала, к кому пойти. Впервые за много лет она чётко осознавала, что делает, а главное — ради кого.

Запахнув на себе простыни, старуха гордо вскинула голову и двинулась вперёд по коридору.

* * *

У них с Люцием было больше общих секретов, чем все думали — включая выскочку Шраута. Тот вечно совал свой нос во все дела, собирал информацию, едва ли не прыгал к ним в кровать. К счастью, Мадлен и сама смыслила в конспирации.

Улицы столицы представляли собой кошмарное зрелище — толпы людей, давка, паника, крики о конце света. Мадлен добиралась до дворца пешком, так что в этом был и плюс — на неё почти не обращали внимания. Одно хорошо — идти было недалеко.

Кажется, пока сильного урона городу нанесено не было. Судя по тому, как небо, багровое вначале, чуть изменило свой оттенок на тёмно-оранжевый… над столицей были экстренно выставлены щиты.

Жаль, надолго их не хватит. Даже сейчас скверны хватило,

чтобы воскресить её. Дальше будет больше. Скверна начнёт накапливаться постепенно, люди будут болеть, сходить с ума; затем — смерти и воскрешения в виде осквернённых… Думается, до того времени либо что-то придумают, либо наладят эвакуацию. Если бы ещё этот плебс унялся и не паниковал…

Старуха думала обо всём этом отвлечённо. Сейчас её больше всего занимало другое — Люций.

И, кажется, тот их общий секрет, о котором она подумала, был ни Шраутом, ни кем-либо ещё не обнаружен. Внутрь дворца её, разумеется, пустили беспрепятственно, а дальше — нажать на потайное место, и вот небольшая ниша уже открывается проходом.

Когда у тебя роман с Императором — человеком женатым и вообще приковывающим к себе все взгляды — вам просто необходимы укромные места, потайные уголки и, конечно же, скрытые переходы, ведущие в его покои.

Дорогу Дюбуа знала буквально на ощупь. Пробираясь вперёд по узкому коридору, она молила Небо об одном — чтобы он оказался там, на месте. Тот единственный человек, которому она могла сейчас довериться.

И — он оказался на месте.

— Люций, — выдохнула она, выбираясь наружу.

Император, стоящий у окна… казалось, почти не изменился. Тогда, ночью, у мемориала, он выглядел иначе — полумёртвый, растрёпанный. Сейчас он был подобающе одет и причёсан. Как если бы он никуда не уходил на столько лет.

Люций обернулся; секунд пять он молча скользил по ней взглядом, затем полностью развернулся к ней.

— Мадлен, — кивнул он. — Зачем ты пришла?

— Люций, — снова произнесла Мадлен, чувствуя, как глаза наполняются слезами. — Там, у Мемориала… когда ты прошёл мимо меня, я подумала — на какое-то мгновение, что…

— Ты знаешь, где сейчас Марк Ротт и его союзники? — Люций перебил её со скучающим лицом.

— Нет, но… — она сделала три шага ему навстречу. — Господи, Люций, да что с тобой? Ты… даже не скажешь мне ничего?

Она снова глядел на неё какое-то время, как на странную причуду.

— С возрастом ты потеряла хватку, — наконец, поморщился он. — Раньше ты не была такой сентиментальной, Мадлен. У Мемориала я прошёл мимо, потому что был занят делами — как и сейчас. Ты можешь чем-то помочь мне, или весь твой потенциал остался в прошлом?

— Я… — она застыла на месте. Это было больно, куда больнее, чем крушение вертолёта. — Ты изменился, Люций.

— Мы оба изменились, — кивнул он. — Вот только я стал сильнее. Избавился от лишних слабостей. А вот ты, похоже, выжила из ума на старости лет.

Он медленно приближался к ней; Мадлен не двигалась с места.

— Если ты и дальше будешь вести себя подобным образом — то от тебя не будет толка, — заговорил он на ходу. — Та небольшая польза, что ты можешь принести, будет перебита эмоциями.

— Люций, — Мадлен всхлипнула. — Я буду такой, как ты скажешь. Я… только не смотри на меня так, будто я для тебя просто пустое место, Люций!

Взгляд глаза в глаза.

— Ясно, — кивнул Люций. Затем она ощутила его руку на своей шее — и услышала хруст.

* * *

Отбросив от себя мёртвое тело Мадлен Дюбуа, Император отвернулся и снова зашагал к окну.

Слаба. Слишком слаба, чтобы принести пользу. Стара, сентиментальна и непозволительно глупа. Влюблена в него, но на одной только преданности далеко не уедешь — у Дюбуа не было ничего, что могло бы его заинтересовать.

Позади него раздался кашель и звук движения; быстро обернувшись вновь, Император наблюдал, как Мадлен медленно встаёт, держась за шею — в том самом месте, в котором он только что сломал ей позвонки.

— Ладно, — выдохнула она. — Будь по твоему. Если я больше не нужна тебе, то просто уйду…

— Стой, — Император поднял руку. — Подойди.

Кажется, он ошибся на её счёт.

У Мадлен Дюбуа ещё было чем его заинтересовать.

Глава 6

Дорога до Морбрега заняла практически весь день, и это с учётом того, что на границе мы задержались от силы на десять минут — Шрауту было достаточно показать свои документы, как у таможенников исчезли любые вопросы.

— Впрочем, — заметил он спустя полчаса, — границы Империи были и остаются нашей головной болью; слишком много мёртвых городов возле границ, а потому — слишком низкий уровень контроля.

— Я помню, — кивнул Рубан. — Ещё когда работал в столице — помню, сколько мы ловили здесь агентов КОБР. Я ещё тогда задавался вопросом — ну, да, мы работаем отлично и ловим их как кузнечиков, но откуда-то же они все берутся!

— Закрывают глаза, — пожал я плечами. — Мне кажется, ваши пограничники давно уже сговорились. Республиканцы не мешают проходу имперцев, имперцы не замечают идущих республиканцев, и всем хорошо.

Шраут внимательно поглядел на меня.

— Не нужно доводить до крайности, юноша, — заметил он. — Где-то на местах такое, несомненно, бывает, но не повсюду и не всегда. Например, я специально решил ехать на машинах, а не добираться по воздуху. Потеряем полдня времени, зато ни Люций, ни КОБР не засекут нас в небе.

Я не был уверен, что КОБР оставят без внимания четыре бронированные машины, а Люций не заметит исчезновения из столицы главы УБИ, своего старого соратника, но спорить не стал. В конце концов, Герберт действительно занимается этим очень давно, и наверняка знает кучу секретов и нюансов, о которых мы даже не подозреваем.

Наша колонна из четырёх машин развивала приличную скорость. Вначале небо почти не менялось, но где-то километров через сто-двести от столицы оно начало бледнеть, и вскоре пришло в норму. Что ж… это уже лучше, чем я боялся. В пути мы успели обменяться всей имеющейся информацией — точнее, рассказывали в основном мы, Шраут не спешил добавлять подробностей к своему рассказу об Арке.

* * *

— Сэр, — к моменту, как Лев Дюбуа спросил это, мы уже подъезжали к Морбрегу. За окном было темно, все устали и в

основном молчали. — И всё-таки… почему мы?

— Почему вы что? — Шраут обернулся на него.

— То, что вы сейчас затеваете… больше похоже на план для спасения мира. А мы не профессионалы.

— Говори за себя, — спокойно кинул Рубан. Тина сменила его за рулём часа четыре назад, и сейчас агент наполовину дремал, откинувшись на заднее сидение возле меня.

— Ну, то есть… да вы понимаете, о чём я, — сбился, нахмурившись, Лев. — Ладно, Рубан или Тина из — УБИ, но я и Ротт…

— Ты — аристократ Империи, у тебя за спиной Императорская Академия, уровень владения навыками — выше, чем у любого из моих людей, — флегматично ответил старик. — Ротт тоже сильнее большинства из них — как минимум своим бессмертием, как максимум тем, что он и без бессмертия умудрялся вытворять совершенно невероятные вещи.

— Я бы сказал, что это невероятные вещи происходили вокруг меня, — пожал я плечами. — И, по большей части — из-за Родиона и его планов.

— Как бы там ни было, — Герберт дождался, пока я закончу тираду, и заговорил вновь, — это лишь побочные причины. Дело… именно в том, что ты понимаешь, что я пытаюсь спасти мир.

Он выдержал паузу.

— Большинство людей в Империи скажут, что я готовлю государственный переворот. Кто-то охарактеризует наши действия как подготовку к крупному теракту, кто-то — как отчаянную авантюру. Но тебе первым в голову пришло спасение мира.

— Я был там, — заметил Дюбуа, заморгав. — У Мемориала. Я видел, что он такое и что будет дальше, если его не остановить.

— Вот именно, — кивнул старик. — Ты сам ответил на свой вопрос.

Мы все замолчали; Шраут, по всей видимости, не считал нужным больше ничего говорить, Тина следила за дорогой, Рубан больше спал, чем нет, а мы с Дюбуа задумались. Довольно странно было видеть, насколько одинаковые у нас с этим малознакомым мне парнем порой реакции, но… тут и правда было над чем подумать.

— Да всё просто, Ротт, — Рубан, приоткрыв один глаз, покосился на меня. — Если я верно понял, как работает та Печать, то это не контроль разума или что-то подобное — к счастью для нас. Это просто… доказательство того, что держащий его и есть Император.

— Вот именно, — подтвердил Шраут. — Все отлично понимают, что он явился невесть откуда, что называет себя именем человека, считавшегося давно мёртвым. Понимают, но… понимают также, что он имеет право на эту власть.

— А этого людям достаточно, — завершил Рубан. — Люди готовы переложить проблемы на чужие плечи когда угодно и где угодно.

— То есть… вам нужны были именно те, кто готов свергнуть Императора? — уточнил я. — Те, для кого и раньше это было привлекательной идеей?

— Плюс-минус, — усмехнулся старик. — Валентина, сейчас сверни налево.

Огни курортного городка уже сверкали внизу, справа от дороги, на расстоянии километров так десяти, но, кажется, туда мы не собирались. Тина послушно свернула, и мы поехали по другой дороге — куда более узкой и грязной.

— Тормозим, — кивнул Шраут, когда мы проехали ещё километров пятнадцать. — И выходим наружу.

Вокруг был ночной лес, воздух дышал осенней прохладной хвоей. Да уж… этот день начался для меня лесом и заканчивается им же. Надеюсь, хотя бы от этого места не останется одно только выжженное пятно.

Остальные три машины тоже остановились, и бойцы остановились вокруг нас, держа оружие наготове. Кажется, эти ребята были из тех, что готовы видеть угрозу в чём угодно. Ну, что же, главное, чтобы они не стреляли в нас и были верны Шрауту, а немного лишней предосторожности не помешает — даже если это и отдаёт какой-то паранойей.

— Проклятье, — покачал головой старик, шустро объезжая на своей коляске лесную поляну. — Когда мы создавали это место, я ещё был на ногах. Надеюсь, моя скорлупа сможет здесь проехать.

— А далеко тут идти? — уточнил Рубан.

— Не больше пяти минут, но через лес.

Хм. Если верить его же словам, тут никто не был уже много десятилетий. Густой лес, место посреди него заросло и изменилось уже множество раз… ну у Шраута и память.

В конце концов, всё решилось просто: когда коляска действительно начала спотыкаться на зарослях, двое бойцов просто подняли её с двух сторон и понесли. Со стороны это напоминало паланкин с богатым господином и двух рабов-носильщиков… но все были слишком мрачными и серьёзными, чтобы смеяться такой шутке.

— Ну, вот и Арк, — наконец, заметил Шраут. — Опускайте меня.

Вокруг меня ничего не изменилось — по крайней мере, на первый взгляд. Шли мы, как старик и обещал, около пяти минут… и сейчас находились просто в лесу. Деревья, кусты, начавшая опадать листва под ногами и ночные звуки.

А затем… всё стало на свои места. Единомоментно, резко, как на тех картинках, где нужно найти скрытое изображение — то, что раньше принималось за сосновые стволы и ветки, вдруг образовало очертания какого-то входа.

Сам вход представлял из себя что-то вроде низкого блиндажа; Шраут первым покатил к нему и, к моему удивлению, начал спускаться вниз — конструкция его коляски позволяла использовать ступеньки. Остальные тронулись за ним.

Почему-то в моём воображении секретная база, вошедшая в легенды даже среди самих УБИшников, рисовалась как что-то сверхсовременное, с сенсорными панелями и ИИ с приятным женским голосом, но, разумеется, такого тут быть не могло — в годы, когда создавался Арк, даже обычные компьютеры ещё были размером с комнату.

Нет, всё было проще. Магия — самый могущественный из инструментов, который был в руках у тех, кто его создавал. По рукам Шраута разбежались алые линии… и мы просто вошли внутрь. Что сделал старик, как выглядели потайные двери, которые он открыл, как работала эта защита — может быть, кто-то и уловил этот момент, но для меня тогда это осталось загадкой.

— Ну, вот и Арк, — усмехнулся старик, разводя руками, которые уже выглядели абсолютно нормально. — Давно я здесь не был.

Помещение выглядело… обычно и надёжно. Наверное, так мог бы выглядеть бункер для пережидания ядерной войны, но не самый элитный: металлические стены, старые лампы на потолке (которые, впрочем, тут же зажглись) и всё такое прочее. Военный аскетизм делал это место слегка похожим на склеп, откуда я украл злосчастную мумию Люция — с той лишь разницей, что здесь, вместо каменного саркофага, стояло что-то вроде очень большого шкафа, украшенного фиолетовыми печатями.

— Вы — да, — вдруг заметил Рубан, который вертел головой по углам. — А кто-то другой?

Старик повернулся к нему.

— О чём вы говорите, офицер? — он поднял одну бровь, в остальном лицо оставалось совершенно невозмутимым.

— Пыль, — кивнул Рубан. — Её слишком мало. Как будто… здесь пару раз делали уборку.

Как по мне, пыли тут было предостаточно, но давать Рубану

советы значило мешать профессионалу делать его работу, и я пожал плечами.

— Поглядите, сколько её по углам и сколько в центре, — настаивал Рубан. — Должно быть больше, и…

— Достаточно, — кивнул старик. — Думаю, я вижу, о чём вы.

Он задумался… а затем поднял на нас глаза.

— Возможно, вы правы — кто-то был здесь за эти годы. Но… судя всё по той же пыли, он заходил уж точно не вчера. Мы же здесь задерживаться не собираемся, поэтому не столь важно, кто это был и откуда он всё узнал.

Он кивнул головой своим людям.

— Нам нужна эта установка… плюс несколько ящиков из соседней комнаты.

* * *

Следовало честно признаться себе самой — Элиза Белецкая уже ничего не понимала в происходящем вокруг.

Саре, пожалуй, было проще — та ничего не понимала с самого начала, а потому сейчас и находилось в уже привычных для себя условиях. Элиза же… до самой казни «Марка» девушка тешила себя надеждой, что видит смысл творящегося безумия.

До того самого момента, как фигура на постаменте не обернулась её «дедом», а небо не превратилось в картину безумного абстракциониста.

— Это место, Арк — настоящая легенда, — Укольцев улыбнулся девушкам пошире. — Кроме шуток. Республика искала его, наверное, лет тридцать! А когда нашла…

Он пожал плечами.

— Зашла, осмотрелась, прибралась немного и вышла обратно. Даже защиту не стали ставить новую.

— Настолько мусором оказалось её содержимое? — фыркнула Сара.

— Не скажи, — покачал головой Укольцев. — В нашей ситуации, например, вовсе не мусор, а очень даже полезная вещь. Учёные немного поработали там и сказали, что это — оружие против скверны. А ещё сказали, что оно может быть нестабильно и слегка вредить окружающей среде — поэтому его и оставили в Альянсе, а не увезли к себе.

Сара с Элизой обменялись мрачными взглядами.

— Ой, да ладно вам! — хмыкнул Укольцев. — Ничего страшного же не произошло!

Карлов в разговор не вмешивался — он сосредоточенно вёл

вертолёт. Внизу порядком стемнело, и потому второй агент предпочитал не отвлекаться от приборов.

Как так вышло, что из столицы Империи они резко подорвались обратно в Альянс, да ещё и на вертолёте — Элиза тоже не понимала до сих пор. Но… если честно, она была рада выбраться из осквернённой столицы.

А ещё была рада увидеть, что всё не так плохо, как она боялась.

Нет, там, в столице — всё было действительно плохо. Всё было катастрофой! И, если верить КОБРовцам, всё грозило стать ещё хуже, когда защита, поставленная властями, истончится.

Но даже сейчас это было страшной картиной. Выбираясь из центра на окраины, Элиза и её спутники видели всякое. Давка, паника, вопли о конце света — это уже не впечатляло. А вот женщины и дети, валяющиеся прямо на улицах, бьющиеся в конвульсиях, с кровью изо рта?

Защита удерживала скверну так, как могла, а потому первыми жертвами становились самые слабые.

— У нас в Республике такого никогда бы не было, — заявил тогда Карлов, сморщившись.

— Пробуждённые? — уточнила Сара.

— Ага, — кивнул агент. — Нам с вами, как видите, сейчас даже защита особая не нужна — идём себе и идём. Если бы большинство населения были такими, как мы, то жертвы оказались бы минимальными.

Они ещё много чего говорили — и о различиях между Империей и Республикой, и о своей стране, о её плюсах… был это искренний прилив патриотизма, или же их банально обрабатывали? Скорее, второе, но Элиза не исключала и первое. Она мало слушала эти разглагольствования.

В конце концов, она поняла одно: агентам скинули координаты некоего секретного объекта, Арка, который мог бы помочь в новых условиях. Туда они сейчас и летели.

К удивлению Элизы, Карлов и Укольцев предлагали им высадиться в столице Альянса — это заняло бы не так много времени, а воздушные границы Империи, по словам агентов, охранялись хреново — куда хуже наземных.

Но… девушки отказались.

Почему отказалась Сара, что заставляло её путешествовать вместе с ними, что ей двигало — Элиза всё ещё не знала. Сама же она…

Не хотела сталкиваться с отцом.

И это только одна из причин. Разумеется, она просто не знала, что дальше. Разумеется, ей хотелось всё же отыскать

Марка, настоящего, а не поддельного. Разумеется, она боялась, что Алекс, Ленора или Родион снова выйдут на неё…

Но отец был главной причиной. Точнее, не отец, а… то, кем он стал. Нежить, осквернённый — как бы там ни было, она чувствовала страх, а ещё сильнее — неприязнь к этому существу.

Элиза никогда не была особенно близка с Вульфриком. Отец был домашним тираном, пусть и в меру, а его попытки ограничить её свободу всегда бесили. Но… то существо, что заменило его, всё равно вызывало у неё омерзение.

— Подлетаем, — сообщил Карлов, обернувшись на попутчиков. — Это где-то тут, дальше нужно садиться и идти по навигатору.

Вертолёт мягко опустился на поляну; дверца отъехала в сторону. Элиза не знала, чего ждать от путешествия, но готова была принять его таким, каким оно будет, поэтому она молча и без вопросов выбралась наружу. Сара, кажется, размышляла подобным образом.

— Эй! — неожиданно встрепенулся Укольцев. — А это ещё кто?

Все обернулись туда, куда он указывал. Сквозь просвет между деревьями, на фоне ночного леса, были отчётливо видны четыре серебристые бронированные машины.

Глава 7

Как для «родового гнезда старой аристократии», загородный дом Шраутов показался Ивану… бледноватым. По сравнению с роскошью ресторанов и отелей, принадлежащих топовым республиканским корпорациям, он казался скромным и слегка бедным — хотя и выигрывал в плане хорошего вкуса.

Да и сам Герман Шраут… был мало похож на тот образ аристократа, который вдалбливался в головы патриотов Республики.

Шестнадцатилетний парень, одетый в простые брюки и свитер, был бледен и слаб. Он пытался этого не показывать, но Иван, немало времени проведший в больницах и поликлиниках, узнал подобный вид с первого взгляда. Да уж, тот тип — Эстин — говорил чистую правду: Герман Шраут был тяжело болен.

А если точнее… он умирал. И не подавал виду, что умирает.

— У нас не очень много времени, — предупредил Шраут, когда все пятеро разместились в загородной резиденции его семьи. — Час, два, но не больше. Мои родители сейчас заняты, но они здесь же — в этом же здании; мы только-только эвакуировались сюда из столицы. А ещё тут полно людей из УБИ, и большинство из них заинтересуется тем, кто вы такие.

— Так стоило ли встречаться здесь? — подняла бровь Рита. Герман помолчал, а затем поморщился:

— Как там говорится? Хочешь что-то спрятать — положи это на виду. Со вчерашнего дня здесь творится жуткая суматоха, а уж после разлива скверны началось такое, что затеряться в этом хаосе может что угодно и кто угодно.

Ну, судя по всему, основная причина была не в этом. Иван отчётливо видел, что юноше и правда было бы тяжело перенести даже короткую поездку.

— Ладно, — кивнул Фёдор; он единственный из всех сейчас стоял, скрестив руки на груди. — Давайте к делу. Чем быстрее мы получим информацию, тем быстрее уйдём отсюда.

— Хорошо… — медленно согласился Герман. — Хельмут?

Высокий лысый слуга с непроницаемым лицом подошёл к стоящему на столе ноутбуку и парой нажатий запустил на нём видео без звука. В местности, которая снималась с высоты птичьего полёта, не сразу узнавался знаменитый Мемориал; затем камера спускалась, позволяя увидеть подробности.

— Мне не удалось понять, откуда взялась вся та скверна, — спокойно комментировал Герман Шраут, — как и не удалось узнать, связано ли это с Марком Роттом. Но вот это видео… явно

имеет отношение к происходящим событиям.

— Это же и есть Ротт, — Фёдор наклонился к ноутбуку. — Что там…

— Там происходит что-то очень необычное и необъяснимое, — кивнул Герман. — И да, это именно Марк Ротт — дерётся с ожившими статуями, мертвецами и лично нынешним… Императором.

Он слабо пошевелился и продолжил:

— Видео было снято прошлой ночью, а уже с утра было… засекречено. Император Люций вступил в свои права и не захотел, чтобы кто-то видел эти кадры. По-хорошему, их должны были уничтожить.

— Но не уничтожили, — Иван поглядел на парня.

— Не всем в УБИ… нравится пришедший невесть откуда мертвец, — пожал тот плечами. — Особенно тем, что уже успели посмотреть видео.

Иван поднял бровь.

— Хочешь сказать, что…

— Я ничего не хочу сказать, — оборвал его Герман. — Я только знаю, что видео не удалили, и что мне удалось достать его копию. Ноутбук забирайте с собой, там есть ещё пара ракурсов, но в основном всё одно и то же — Ротт подъезжает к Мемориалу, Ротт не доехал до Мемориала, Ротт выходит к Мемориалу пешком и дерётся с тварями… И Ротт садится в вертолёт, когда его и остальных спасает моя сестра.

— Легендарная Тина Шраут, — заметила Рита. — Прилетела и спасла всех. Почему я не удивлена?

Герман нервно пожал плечами; кажется, он не собирался отвечать на этот вопрос. Ролик закончился, и все республиканцы перевели взгляд с монитора на юного Шраута.

— Что-то ещё известно? — резко спросил Фёдор. — Начало этой истории, её конец. Что-то о смерти старого Императора…

— Вся страна сейчас гадает, что произошло за два последних дня, — усмехнулся Шраут, и даже невозмутимый Эстин позволил себе тонкую ироничную улыбку. — УБИ не могут свести всю картину воедино, а вы думаете, что ответ найдётся у меня. Я показал то, что знаю.

Он шевельнул рукой.

— В любом случае… тот, кто убил старого Императора, был не Марком Роттом. Настоящий Марк Ротт в это время находился в другом месте, его видели много людей.

— Это мы и сами знаем, — кивнула Рита. — Видео схватки Люция с метаморфом попала к нам ещё этим утром. Что-то ещё?

— Узнал что мог, — Шраут поглядел на них. — А я искал

хорошо, поверьте. Где-то там… пропала Тина, и я до сих пор понятия не имею, где она и что с ней. Может быть, мы с ней не в лучших отношениях, но всё-таки она моя сестра.

Повисла пауза; первой её нарушила Рита.

— Если честно, мы ждали… не совсем этого.

— Вся Империя ждала не совсем этого, — снова съязвил Герман. — А теперь вся Империя впала в панику, анархию, беспорядки, а в довершение всего нами командует спятивший зомби, из последних сил пытающийся этот хаос обуздать.

Он махнул рукой.

— Последнее известное местонахождение Марка Ротта — это лес неподалёку от Мемориала. Вертолёт упал где-то там… Примерная область есть в ноутбуке. Но это было ещё ночью, а куда выжившие отправились дальше, я без понятия.

— Если они были — выжившие, — согласился Фёдор. — Кроме Ротта, само собой.

— Как минимум, Тина выжила в крушении, — ответил Шраут. Все снова уставились на него.

— Так… ты только что говорил, что…

— Говорил, — кажется, Шраут и сам был не рад, что сказал это. — Она моя сестра. А Шрауты чувствуют друг друга. Как минимум, крушение она пережила.

Рита и Фёдор переглянулись, а Герман продолжал, чуть привстав:

— И я напоминаю вам, что такой она и должна остаться. Меня не волнует, что будет с Роттом и остальными, но моя сестра не должна пострадать — таково условие нашего сотрудничества.

— Мы помним, — сухо кивнула Рита. — Не нужно повышать тон, КОБР свои обязательства выполняет.

— Погодите, — вмешался Иван. — Если вы, Шрауты, чувствуете друг друга, а Тина находится рядом с Марком Роттом…

— Почувствовать, где она? — угадал Герман.

— Чем скорее мы отыщем Ротта, тем скорее она перестанет находиться возле него, — пожал плечами Иван. — Насколько я понял из его личного дела, этот парень — ходячий генератор неприятностей самого дикого свойства.

«Как и я сам», — пронеслось у него в голове. Знакомая картинка, даже слишком знакомая.

— Скверна, — кивнул Герман на затемнённое окно. — Я знаю, что Тина пережила крушение и оставалась жива до момента, когда разлилась скверна. Дальше… через такие помехи сложно что-то почувствовать.

Какое-то время все молчали; затем Фёдор молча взял ноутбук

со стола и сложил.

— Ладно, — кивнула Рита. — И на том спасибо. Мы постараемся… обеспечить безопасность твоей сестры, и, возможно, сообщить, если что-то узнаем о её судьбе.

— В одном вы правы, — согласился Герман. — Я тоже… читал личное дело Марка Ротта. Чем больше времени она проводит рядом с ним, тем хреновее.

Иван тоже встал.

— Могу я… кое-что спросить? — поглядел он на парня. — Просто… мне интересно. Зачем тебе это?

— Работать с вами? — сразу сообразил тот. Рита и Фёдор тут же кинули на Ивана злобные взгляды, но тот лишь кивнул головой.

— Ты Шраут, — продолжил он. — В Империи у тебя есть всё — деньги, власть… а ты работаешь на нас.

— У меня есть всё? — грустно хмыкнул Герман. — Да поглядите на меня. Я умираю. У меня даже будущего нет.

Он медленно, держась за кресло, поднялся с места.

— А что до твоего вопроса… А что мне оставалось? Отец и мать — напыщенные снобы с мерзкими характерами. Дед думает только о пользе для страны, и даже сестра — единственный вменяемый человек в этой семейке — сбежала в Альянс при первой же возможности.

Он пожал плечами.

— Я плохой Шраут. Но хороший человек — по крайней мере, хочу им быть. Вот и делаю то, что считаю правильным. Пока ещё могу.

* * *

Вот и вся разница идеологий.

Такие вещи очень хорошо познаются на практике — когда видишь всё своими глазами. Все пафосные речи о непримиримых врагах, о загнивающем Западе, о чуждом взгляде на жизнь становятся ничем, когда ты понимаешь, что разницы… нет.

Такие же люди, такая же жизнь. Есть плохие, есть хорошие.

Мысли о Германе Шрауте не шли у Ивана из головы. Насколько этот паренёк был честным, когда говорил, что хочет быть хорошим? И… насколько он судил о Республике по пропагандистскому образу, а насколько — по её реальным делам?

На взгляд Ивана, Республика и Империя почти не отличались. Не вышло у него видеть вокруг другую страну и других людей. И даже придорожная забегаловка, к дверям которой он сейчас

приближался, почти ничем не отличалась от подобных мест в Республике. Ну, разве что, была победнее и вывеска немного обшарпаннее.

Впрочем, сойдёт. Марка Ротта в пределах досягаемости не было, информации о том, где он может находиться — тоже. Фёдор и Рита отправились по своим КОБРовским делам, велев ему не лезть ни в какие передряги. Что ж… значит, лучшее, чем он сейчас может заняться — это обед.

Колокольчик над входом тихо звякнул; Иван шагнул внутрь. Темно.

В городе и его окрестностях сейчас вообще было темновато — даже днём чёрное солнце на красном небе не давало света, а с закатом столица Империи и вовсе перешла на ночной режим.

— Есть кто-нибудь? — Иван сощурился. В самом помещении света не было, как и людей, но в дальнем углу горел свет — кажется, кто-то был в помещении для персонала. — Эй?

Знакомая картинка. Люди бегут из столицы, и… наверное, это разумно. Вот только он — здесь, и в пределах пешего пути это единственное место, где он может перехватить какой-нибудь бургер или ещё что-нибудь.

— Что?.. — низенький, потрёпанный человечек за сорок высунулся из помещения для персонала. — Слушайте, мы закрыты, я просто забыл запереть дверь…

Иван тяжело вздохнул.

— Несколько бургеров или ещё что-нибудь готовое. Просто дайте мне их и возьмите деньги. Я всё понимаю, но на пару минут-то вы задержаться можете?

— Не понимаете вы ничего! — выпалил человек. — У меня дочь при смерти, вы с этой ерундой…

— Эй, эй! — Иван поднял ладони. — Я не хотел ничего такого, зачем так бурно реагировать?

— Я… — владелец кафешки поглядел на него в упор. — Простите… Я сорвался. Но я правда очень спешу! Слушайте, не надо денег, берите то, что найдёте, но очень быстро. Ещё две минуты — и я уйду от сюда…

— А что… с вашей дочерью? — поинтересовался Иван, медленно подходя всё ближе. — Это из-за скверны?

— Это не тема для… — снова вспыхнул владелец кафешки, но Иван пояснил:

— Я спрашиваю не из пустого любопытства. Может… я смог бы помочь?

— Вы? — мужчина поглядел на него.

— Я, — кивнул Иван. — Я целитель. Не… очень сильный, но если симптом небольшой, я мог бы снять его. У вас будет больше

времени, чтобы доехать до хорошего врача.

Пару секунд мужчина продолжал на него глядеть, осмысляя сказанное… а затем кивнул:

— У неё кровавый кашель, головокружение… пока не очень сильное, но становится всё хуже с каждой минутой здесь. Если вы можете помочь сейчас — помогайте, если нет — не задерживайте нас.

— Могу, — кивнул Иван.

Ох, чёрт. Стоило ли это делать?..

«Я хороший человек — по крайней мере, хочу им быть. Вот и делаю то, что считаю правильным. Пока ещё могу», — пронеслось в голове у парня, пока он шёл вслед за мужчиной во внутренние помещения.

Возможно, он об этом пожалеет. В конце концов… этому типу не нужно знать, что на самом деле он очень сильный целитель, просто с паршивым побочным эффектом — забирать себе изъятую болезнь?

Он бы не рискнул сейчас перенимать что-то серьёзное. Но… за полдня, проведённые в Империи, он уже уяснил, что скверна действует на самых слабых. Дети, женщины, инвалиды, старики. И, разумеется, непробуждённые.

То, что вызывает у девочки кровавый кашель, для него самого будет лёгкой помехой. А там… ну, что ж, если всё станет серьёзнее, он умеет не только лечить.

— Сюда, вот… — мужчина нелепо махнул рукой, выводя его через помещение на задний дворик, где стоял большой фургон. — Сюда…

Ребёнок был уже в машине. Девочка лет восьми-девяти, сидящая на заднем сидении, одетая в великоватую ей жёлтую курточку, и правда выглядела… вяло. Она безвольно уронила голову на плечо, не обращая ни на что внимания.

— Нужен личный контакт, — Иван прислушался к себе. Сейчас он в отличной форме, так? Ему ничего не будет. — Откройте дверь.

Мужчина поспешно выполнил указание, и Иван положил руку девочке на лоб.

* * *

Бургер отдавал кровью.

Но, во всяком случае, приготовлен был неплохо. Иван ел с аппетитом — как он и ожидал, та доля осквернения, что он впитал в себя, была ему что слону дробина, а потому лёгкое

головокружение и привкус крови во рту стали единственными последствиями.

Владелец магазинчика, рассыпаясь в благодарностях, всё пытался предложить ему деньги. Что ж… Иван предпочёл взять продуктами. Бургеров и прочей еды, что он унёс, хватит и на троих.

Дверцы машины хлопнули.

— Плохо дело, — Рита пристегнулась. — Его никто не видел, никто не знает, куда он делся. Похоже, весь его путь от самого крушения вертолёта — большая загадка.

Фёдор уселся рядом с ней и, ни слова не говоря, уцепил один из бургеров.

— Опросили восемь разных источников, — продолжала Рита, глядя в зеркало заднего вида, чтобы поправить причёску. — Никто ничего не знает. Все возможные инстанции…

— Успокойтесь, — хмыкнул Иван. — Пока вы ходили, я поинтересовался у своей собственной инстанции. Кое-что есть, слабенькое, но всё-таки какой-то след.

Оба КОБРовца обернулись на него.

— Свой собственной инстанции? — медленно, раздельно произнёс Фёдор.

— Дэн, — пояснил Иван, демонстрируя им свой телефон. — Мой личный осведомитель, мы работаем вместе уже давно. И не беспокойтесь — телефон не читается никем посторонним.

Пару секунд КОБРовцы молчали, осмысляя информацию… а затем Рита кивнула.

— Ладно. И что же сообщил твой Дэн?

— Марка Ротта засекла камера на заправке два часа назад, — отчитался Иван. — Колонна из четырёх машин УБИ, покупали еду и бензин. Куда точно они едут — мы пока не знаем, но, по крайней мере, у нас уже есть направление. Так что… едем за ними?

Глава 8

Что бы там ни говорил Рубан, а в помещении не было людей уже очень давно, и это чувствовалось сразу.

Даже в мёртвых городах не было такой атмосферы. Там ты, наоборот, отовсюду чувствовал взгляды на своём затылке, даже оттуда, откуда их быть ну никак не могло. Не расслабляясь ни на секунду, ты ощущал, что ты не один, что повсюду кто-то есть — жуткий, потусторонний.

Здесь, а Арке, всё было ровно наоборот. Чувство одиночества и запустения — вот что царило внутри бункера. Наши шаги разносились по помещению, подчёркивая абсолютную тишину. Возможно, если бы внутрь вошли все УБИшники, то от такого количества народу эффект бы пропал, но большинство из них осталось снаружи — с Шраутом вошло лишь трое, плюс все мы.

Герберт Шраут медленно подкатил коляску к тому, что я принял за шкаф. Наверное, его можно было бы назвать и так, вот только это обыденное слово не передавало… всего духа сооружения. В полтора человеческих роста, металлическая громадина, по которой расползались фиолетовые узоры — изломанные, угловатые. Нет, это был не шкаф. Ларец, ковчег, саркофаг, хранилище… что угодно, но только не шкаф.

— Проект «Гьяллархорн», — хмыкнул старик, кладя руку на хромированную створку. Печать, словно почуяв его прикосновение, начала сиять и пульсировать интенсивнее. — Вернее, её основная, незаменимая часть.

— Она… что-нибудь может без остальных частей? — нахмурилась Тина, подходя ближе.

— Может, — кивнул её дед. — Ещё как может. Только радиус действия небольшой.

Он постучал костяшками пальцев по поверхности ковчега.

— Внутри находится, уж пожалуй, самое редкое и ценное вещество на планете. Вернее, оно было бы ценным — если бы о его существовании кто-то знал. Чистая скверна, сплавленная с ртутью, плюс примесь некоторых химикатов. Точная формула подбиралась несколько лет…

— Это всё чудесно, — заметил Лев, — но вот только один маленький вопрос. Если вы опасались возвращения Люция, перешедшего на тёмную сторону силы — почему было не наделать целую кучу этого чудо-вещества? Зачем нужно было делать небольшую порцию, да ещё и запихивать её неизвестно куда, разделяя на части?

Все согласно покивали, и даже трое УБИшников, чьи имена

были мне неизвестны, поглядели на своего патрона с любопытством.

— А ещё можно было бы не хранить его в этой банке, а использовать, — согласился я, испытующе глядя на Шраута. — Занятный факт: если бы на территории Альянса Пяти не было мёртвых городов — ничего из недавних событий бы вообще не произошло.

Герберта вызов в моём взгляде, похоже, вообще не смутил.

— Верно, — заметил он. — А ещё, если бы на территории Альянса Пяти не было мёртвых городов — мир между Империей и Республикой не продержался бы и десяти лет после смерти Люция.

Старик развернулся к нам.

— Сейчас уже поздно думать, кто был прав, а кто нет, и в каком случае жертв было бы меньше. Важно лишь то, что дураков среди тех, кто разрабатывал систему не было, и любые решения имели причину.

Он пожал плечами.

— А что до количества — помимо прочего, процесс изготовления этого вещества очень долгий и дорогостоящий.

— Угу, — Рубан единственный не смотрел на Шраута в этот момент; он стоял у одной из стен и с подозрительным видом оглядывал верхний угол, будто разыскивая что-то. — Именно так бы я всё и объяснил, если бы не хотел признаваться, что на самом деле люди просто неспособны воспроизвести инопланетные технологии.

— Какое-то время мы всерьёз опасались воскрешения Люция, — Шраут не обратил внимания на эту реплику слишком уж демонстративно. — Но время шло, Люций не воскресал, да и вообще ничего не говорило о такой возможности. Тогда мы прикрыли проект, а его плоды расположили в надёжных местах. В первую очередь, из-за того, что…

Речь старика прервал гулкий металлический стук; обернувшись, мы все поглядели на Рубана, который потирал ногу.

— Так, — он невозмутимо пожал плечами. — Проверял надёжность.

— Рубан, — Тина закатила глаза, — хорош! Здесь нет твоих чёртовых пришельцев, а если и есть — ты их не найдёшь!

— Поверьте, агент Рубан, — холодно кивнул Герберт, — даже если бы здесь и были какие-то тайники — неважно, с пришельцами или с чем-то другим — то они бы не открывались пинком ноги.

Рубан лишь неопределённо пожал плечами; в невинном выражении его лица читалось что-то вроде «ага, ага, болтайте что

хотите, я всё равно докопаюсь до истины».

— Ладно, — Шраут хлопнул в ладоши. — Как бы там ни было, а лекция окончена. Пора приводить эту махину в действие, а потому вам придётся немного поработать.

Он указал на дверь в дальнем углу помещения.

— Сейчас всё вещество находится в неактивном состоянии, и не принесёт нам никакой пользы. А теперь идём все туда и берём то, что я скажу.

Никто не стал спорить со стариком; лишь Лев что-то тихо пробормотал про себя, качая головой, да Рубан с подозрением продолжал коситься на стены.

* * *

Элиза сощурилась. Четыре серебристых машины казались почти невидимыми в лунном свете — пожалуй, если бы Укольцев не указал ей на них, то она бы и не заметила их за деревьями.

— УБИ, — кивнул Карлов. — Нас уже опередили. Вероятно, выехали ещё утром, раз обогнали нас по земле.

— Разве вы не должны были узнать об этом чуть раньше, чем сейчас? — Сара дерзко поглядела на агентов, уперев руки в боки.

— Как? — хмыкнул Карлов. — У нас по каждому дереву камеры не развешаны.

— А это не каждое дерево, — поддержала Элиза Сару. — Это — важный стратегический объект. Вы просто оставили его без охраны?

— О, насчёт этого, — усмехнулся Укольцев. — Насколько знаю, охрана есть внутри. Точнее, кое-что на случай проникновения.

Два КОБРовца переглянулись.

— Да, — подтвердил Карлов. — Помню, читал про эту штуку. Сделано… остроумно. И замаскировано хорошо — наши тогда постарались, чуть ли не пыль заново рассыпали на все места и паутину по стенам развесили.

— Так что вопрос упирается в то… — пробормотал Укольцев, медленно доставая из кобуры пистолет, — насколько давно прибыли наши друзья.

— Поясни? — Сара обернулась к нему.

— Защита стоит не на самом помещении, — пожал плечами агент. — Войти и выйти может кто хочет. А вот трогать находящиеся внутри вещи — чревато… Ложись!

Выстрел раздался откуда-то сбоку; Элиза почувствовала сильный толчок в спину, затем — падение, на грязь и сосновые

иголки. Лишь спустя три секунды она осознала, что её вовсе не подстрелили — просто кто-то из её спутников успел толкнуть её вниз.

— Вот поэтому нужно было поставить тут камеры на каждое, бл*дь, дерево, если уж вам был так важен этот Арк, — прошипела Сара. — Тогда мы подошли бы сюда пешком, а не прилетели на вертолёте, чтобы стать отличной мишенью…

— Госпожа Маршал, — едко и злобно процедил Укольцев, лёжа во мху и целясь куда-то в темноту. — Я ценю ваши советы, но не могли бы вы, при всём уважении, заткнуться и не мешать мне стрелять?

На последнем слове он действительно нажал на курок; рядом грохнуло, и вдалеке послышался звук глухого падения.

— Дамы, — таким же тоном, медленно проговорил Карлов. — Вертолёт. Сами доберётесь?

— Не доберутся, — Укольцев выстрелил снова. — Сидите тихо, я скажу, когда можно.

Элиза оглянулась на Сару; та лежала, вжавшись в землю, и остервенело оглядывалась по сторонам.

— Ещё один уникум, — хмыкнул Карлов. — Смотри-ка…

Он выстрелил; звук падения возвестил, что и на этот раз он попал, но Элиза, хоть убей, не могла понять, в кого и как вообще агенты КОБР умудряются видеть хоть что-то за этими деревьями.

— Уникум? — Сара чуть приподняла голову, пытаясь вглядеться. — О чём вы…

— Ниже, ниже макушку! — Карлов буквально стукнул её лицом об землю.

— Уникумы тут те, кто в ночном бою врубает навыки, — пояснил довольный успехами Укольцев. — Они светятся и демаскируют их.

— Вы же… понимаете, что вас двое, а их тут четыре машины? — Элиза и правда медленно отползала к небольшому вертолёту.

— А они служили в КОБР? — усмехнулся Укольцев. — Качество важнее количества, если ты об этом.

Элиза не успела ответить — яркая вспышка на пару секунд ослепила её, а затем снова толчок; Карлов, извернувшись каким-то особым образом, оттолкнул её вбок, при этом продолжая стрелять; Укольцев выставил вперёд магический щит, линии на его теле загорелись… уже через секунду всё погасло, и он моментально переместился в сторону. Элиза даже не успела заметить, как он встал и притаился за древесным стволом.

— Кажется, это был отход, — тихо и серьёзно обратился он к Карлову. — Они потеряли уже минимум троих и понимают, что

это продолжится…

— Кажется, так, — Карлов всё ещё лежал на земле. — Но лучше ещё пару минут не двигаться с места. Лежим и слушаем.

И тишина. Агенты не просто замолчали — Элиза не понимала, как, но мужчины действительно не издавали ни звука. Ни шороха, ни шевеления. Девушка слышала себя, Сару, лес вокруг, но если бы закрыть глаза — она ни за что не смогла бы догадаться о присутствии рядом с ней агентов КОБР.

Так прошло пара минут.

— К вертолёту и ползком, — наконец, так же тихо скомандовал Укольцев, не отлипая от ствола. — Если кто отклячит зад или голову — рискуете получить пулю.

— Они оставили двоих, на стрёме, — кивнул Карлов. — Девушки, чего ждёте, приглашения? В путь.

— А… вы? — Сара поглядела на него; кажется. Даже её маска отваги и невозмутимости дала заметную брешь в лесной перестрелке.

— А нам в другую сторону, — заключил Карлов. — Вперёд, давайте. Закройте дверь вертолёта и не выходите, пока я или Укольцев не скажем, что можно открывать дверь. Давайте.

Элиза медленно поползла вперёд. Может быть, ей слишком досталось за последние дни, и весь запас страха она израсходовала во время нападения на клуб и сцены казни… но она не боялась. Только чувствовала сухую сосредоточенность. Ошибёшься — пострадаешь, выполнишь всё правильно — будешь жить.

Поэтому она концентрировалась только на своём пути. Ползти вперёд, не высовываться. Ползти дальше.

Даже когда рука девушки уцепилась за что-то прохладное и плоское, она сначала машинально сжала предмет и проползла с ним несколько шагов, а уже потом осознала, что держит в руках телефон одного из КОБРовцев, выпавший из кармана во время боя.

* * *

Помещение за дверью больше напоминало кабинет химии, чем сверхсекретный бункер. Краны, трубки, огромные колбы…

— Двое сюда, — скомандовал Шраут, — хватайте этот шланг и ведите его назад, нужно подключить его к объекту. Остальные — туда, — он указал на дальнюю стену. — Кнопка возле выключателя. Откроется отсек с оружием — берите всё, что есть, и несите туда же.

Я ухватился за громадный, в полный обхват, шланг. Да уж, эта металлическая гофрированная трубка была не чета садовому шлангу для поливки газона. С другой стороны её обхватил Лев Дюбуа — он, как и я, оказался к трубе ближе всех.

— Потащили, — скомандовал он, и мы вдвоём осторожно понесли трубу назад, к ковчегу. Остальные действительно открыли какую-то там панель на стене.

— Так ты правда бессмертный? — когда мы миновали дверной проём, Дюбуа поглядел на меня каким-то странным взглядом.

— Ты сам всё видел, — я, как мог, пожал плечами — и тут же пожалел об этом, едва не выронив свою ношу. — Там, на поляне.

— Ты не особо удивлён всем происходящим, — ответил он слегка невпопад. — Выглядишь так, будто для тебя это обычный вторник.

— Практически, — вздохнул я. Дотащив шланг до цели, мы медленно присоединили его к креплению на задней стороне ковчега.

Да уж, содержащееся внутри вещество… может, мне казалось, а может, и нет. У меня возникло ощущение, что я что-то чувствую — какую-то слабость внутри, лёгкое тянущее чувство в животе.

— Насчёт того, что ты сказал там, — Дюбуа снова поглядел на меня, — в музее… Тина действительно убивала людей?

— Ты в этом сомневаешься? — усмехнулся я. — После того, что было в мемориале? Да, убивала. И я видел это своими глазами.

— В мемориале были не люди, — пробормотал парень, отирая руки.

— А вот что у тебя с ней? — я поглядел на него. — Там, в музее, ты был не слишком… учтив.

— Я с вами, потому что мне ни капли не улыбается жить под властью чокнутого зомби, — нахмурившись, бросил Лев. — И это всё, что должно вас волновать. А мои отношения с Тиной — это мои отношения с Тиной. Не лезь в них, тем более, насколько я знаю, у тебя тут, в Альянсе, и своя невеста есть.

Я пожал плечами. К Элизе больше подходило слово «деловой партнёр», чем «невеста» — это лучше отражало текущее положение вещей.

— Тут, в Альянсе, — хмыкнул я. — Альянс не такой маленький, как ты думаешь. До неё сейчас сотни километров.

Лев Дюбуа только слегка пожал плечами и направился обратно в «кабинет химии».

Трое УБИшников как раз выходили из дверей, неся в руках несколько проводов и какую-то металлическую коробку — то ли

генератор, то ли что-то в этом духе.

Рубан и Тина выходили уже были здесь… и то, что они держали в руках, заставило меня одновременно и восхищённо застыть, и прыснуть.

— Что? — Рубан повернулся ко мне. — Да, я знаю, как выгляжу с этим мушкетом в руках.

Ну… не совсем мушкет, но оружие было точно не последнего образца. И Тина с Рубаном, вооружённые этим антикварiатом, казались героями какого-то старого приключенческого фильма.

— Главное, что оно рабочее, — заключил Шраут. — Сейчас оно не заряжено, и нам нужно…

— Тревога! — из коридора донёсся топот ног, и агенты УБИ — те, что должны были остаться снаружи — влетели внутрь. — Господин Шраут, нас атаковали!

Старик застыл; лицо было напряжено, словно он в ту же секунду начал решать в уме сложную математическую задачу с несколькими десятками переменных.

— Кто? — бросил он.

— Вертолёт без опознавательных знаков, — выдохнул один из агентов. — Противника увидеть не успели. Огонь вёлся с двух точек, мы потеряли троих…

— Два человека с пистолетом заставили вас отступить? — Шраут поднял бровь. — Ладно. Полагаю, это КОБР — больше некому, Люций бы отправился за нами лично, а в Альянсе нет служб, способных на такое.

Он повернул голову к тем агентам, что несли оборудование.

— Сквозь защиту бункера им не пробиться, поэтому нужно…

— Шраут! — взревел Рубан, бросая оружие и зажимая нос рукавом. — Ты что, не чувствуешь это?

Я удивлённо поглядел на него, мельком отмечая, что и правда ощущаю какой-то странный, сладковатый запах.

— В помещении есть противогазы? — Рубан поглядел на старика. — Только не говори, что здесь нет долбанных противогазов!

Глава 9

Элиза молча смотрела на экранчик телефона; Сара тоже.

Довольно странно, что телефон секретного агента мог разблокироваться от простого движения пальцем вверх по экрану, но то ли Укольцев не считал, что тут есть что-то секретное, кроме мимолётных инструкций, то ли не успел по-настоящему заблокировать его.

Девушка подняла глаза на спутницу.

— Да я как знала, — прошипела та. — И я как дура… повелась на их слова… как будто не понимала, что…

Она попыталась выхватить телефон у Элизы, но та быстро отдёрнула руку.

— Погоди, это нам ещё пригодится.

— Да что ты говоришь? — к злившейся Саре вернулись её язвительность. — А ты думаешь, я его съесть собираюсь, или что?

— У тебя был такой вид, будто ты сейчас его схватишь и разобьёшь об пол, — призналась Элиза, протягивая Саре аппарат.

— Я что, похожа на идиотку? — осведомилась та. — Хочу поискать, что ещё тут можно нарыть на наших доброхотов, с которыми мы таскаемся уже больше суток непонятно за каким хером…

— Ты ведь сама вызвалась таскаться, — заметила Элиза. — Они пришли за мной…

— Сама, — кивнула Сара. — Когда думала, что мы летим не за этим.

Да уж, инструкции впечатляли. Незначительные поправки переворачивали всю цель КОБРовцев с головы на ноги. С другой стороны, краешком мозга отметила Элиза, изначально они не лгали — они действительно собирались вручить Марку Императорскую Печать.

Пока «из штаба» не пришло распоряжение — любой ценой и любыми жертвами не допустить попадания Печати в руки Марка Ротта.

Единственным табу было его убийство «вне помещений и территорий, защищённых печатями». Так значит, последний день — с самого момента, как Карлов и Укольцев получили эту инструкцию — они гонялись за Марком, чтобы поймать его.

Ещё никогда Элиза не чувствовала себя такой униженной. Даже отец в худшие дни никогда не делал такого.

— Значит, остальные умрут, — Сара уставилась в телефон.

— Остальные? — поглядела Элиза.

— Все, кто сейчас с Марком. А с ним сейчас прилично

народу, — Сара развернула к ней экранчик. — Вот список. Куча сотрудников УБИ. Тина Шраут…

— Шраут?

— Пересекались пару раз, — Сара задумчиво кивнуло — так, будто знакомство простой трущобной девушки с человеком из семьи Шраутов было обыденной вещью. — А теперь наши добрые республиканские друзья пошли её убивать.

Она покачала головой.

— Мы ведь ничего не можем сделать? Что бы мы ни сделали, те, кто в бункере, или уже мертвы, или вот-вот умрут?

— Нет, — медленно покачала головой Элиза. — Кое-что мы сделать можем.

* * *

Дальнейшие минуты запомнились мне как-то отрывочно; Рубан смотрит на Герберта, тот смотрит на Рубана. Лев моментально врубил свой щит — вернее, то, что сейчас работало как щит — и рывком вдёрнул в него Тину. Агенты УБИ забегали, слегка теряя свою солидную невозмутимость, а я…

У меня кружилась голова.

— Марк! — Рубан развернулся ко мне. — Вот только не вздумай опять… Прикрой лицо рукавом, сейчас найдётся противогаз…

— Должны быть там, — мрачно и коротко бросил старик, глядя на меня. — Я правильно понимаю, что если умрёт он — противогазы уже не помогут никому из нас?

— Более чем, — кивнул Рубан — и опрометью бросился обратно, в комнату с оборудованием. — Ну где вы носитесь там, а?..

А затем — скрежет закрываемых дверей. Мы аж вздрогнули, когда из ниоткуда раздался этот звук; резкий, противный. Шраут расширил глаза, и я отчётливо понял — старик совершенно не знает, что происходит.

Вот тебе и всемогущий глава УБИ… кажется, кто-то ещё всё же переиграл.

— Что за чёрт… — Шраут покатил каталку к выходу, совершенно не уступая в скорости обычному человеку на двух ногах, и я поспешил за ним. Голова кружилась всё больше, ощущение — как если кто-то забыл выключить газ.

Коридор был перегорожен. Там, где мы прошли ещё недавно, стояла толстая металлическая стена, и как старик не колдовал, сдвигаться она не думала.

— Ну, вот и всё, — раздалось из-за дверей. — Идём.

Я поморгал. Это у меня уже глюки от газа, или голоса были… знакомыми?

— Карлов? — я метнулся к самой металлической преграде; газ уже щипал горло, и говорить было слегка некомфортно. — Укольцев? Это вы?

— Ну, вот, нас раскрыли, — хмыкнули из-за дверей. — Это мы, Ротт, уж прости, ничего личного.

— Да ты и не умрёшь, к тому же, — поддержал второй КОБРовец. — Точнее, умрёшь, но не насовсем. Веришь или нет, Республика очень заинтересована в сотрудничестве с тобой, а потому, когда ты выберешься отсюда, тебе найдут что предложить, чтобы ты простил нас за эту шалость.

— Эй! — я забарабанил в двери кулаком. — Вы правда думаете, что я буду сотрудничать, если из-за вас умрёт столько народу? Здесь Тина, Рубан…

— Антон, Антон, — вздохнул Карлов за дверью. — Жаль, он был неплохим парнем. Но, знаешь что, Ротт? Он был профессионалом, а значит — на нашем месте он бы поступил так же.

— Рад твоему комплименту, Виктор! — прорычал Рубан, появляясь у дверей. — Ротт, надевай, быстро!

В руках он держал противогаз… только один?

— Надевай! — Рубан неторопливо постучал по металлической двери. — Или ты ждёшь, когда эти два долбо*ба откроют?

— Непрофессиональная лексика, Антон, — хмыкнул из-за двери Укольцев.

— Ой, заткнись, Илья! — выдохнул в ответ Рубан. — Ты можешь меня грохнуть, но ещё и зубоскалить в это самое время — нет, уволь!

— Последняя воля усопшего — закон, — согласился Укольцев. — И… как говорится — ничего личного.

Старик Шраут переводил взгляд с нас на двери; вряд ли он был не в курсе, что я знаком с КОБРовцами, просто, кажется, был оглушён тем, что мы вот так… беседуем.

— Ты уже говорил это, мне, — напомнил я, натягивая противогаз. Лицо в нём тут же вспотело, и дышать было трудно, но, по крайней мере, теперь я дышал воздухом, а не отравленным газом.

— Слова немного шаблонные, но это так, — ответил Укольцев. — Хочешь, верь, а хочешь, нет, это так.

— Стой!! — я бросился к самой металлической преграде и затарабанил. — Вы сами сказали, что я нужен Республике!

Отключите газ!

— А мы не можем, Ротт, — ответил Карлов. — Не мы его запустили, а вы. Даже странно, что сам легендарный Герберт Шраут не подумал, что в его тайнике, который мы нашли много лет назад, могут быть установлены сюрпризы на случай его возвращения.

— В общем, — теперь голос Укольцева был абсолютно серьёзен. — Мы вернёмся за тобой, Ротт. Откроем дверь — когда придёт время. А пока тебя нужно было как-то изолировать от мира, и мы эту задачу выполнили.

— Ловушка… в моём собственном тайнике… — пробормотал Шраут, разворачивая коляску. КОБРовцы, судя по шагам, отдалялись от двери. Они что, правда рассчитывают, что я буду сотрудничать с Республикой после… этого? Или сказали это так, для отвода глаз, чтобы всё перепутать?

Рубан, не тратя времени на выслушивания пустых разговоров, уже был в основном помещении, в противогазе.

— Господин Шраут, — подлетел к нам ещё один безымянный УБИшник. — Противогаз для вас…

Старик кивнул, надевая маску.

Не больно-то она и помогала. Если честно, горло жгло всё так же, да и глаза слезились… Я пошатнулся, едва не рухнув.

— Марк! — донёсся до меня голос Рубана — как сквозь толщу воды. — Марк, какого…

Нет, тут что-то не так. Противогаз… не помогал совсем. Вот ни капельки. Ядовитый газ всё больше воздействовал на мой организм; я ясно осознал, что перед глазами всё плывёт, что тело словно ватное и ноги отказываются меня держать…

А затем я вырубился.

* * *

— Идиотизм, — проговорил сердитый голос сбоку от меня. — Они выставили меня полным идиотом. Переиграли на своём собственном поле.

Я открыл глаза. Впрочем, даже не делая это, я легко мог угадать, где нахожусь — уже въевшийся в подкорку стук вагонных колёс выдавал это место с головой.

Стоящий рядом человек в форме был мне незнаком. Впрочем, если приглядеться…

— А всё потому, что я занервничал, — продолжал он. — Поспешил. Слишком быстро и слишком необычно всё шло, вот я и сглупил. Боялся Люция, боялся того, что в стране случится

кризис, от которого она не оправится… Да и защиту Арка я переоценил.

Он покачал головой.

— Нужно было вначале всё проверить, запустить пару человек, пока мы подождали бы изнутри…

— Тогда они придумали бы что-нибудь ещё, Герберт, — парировал я. — Да просто выстрелили бы мне в голову и всё.

Герберт Шраут — молодой, подтянутый, крепко стоящий на двух здоровых ногах — задумчиво посмотрел на меня.

— Знаешь, ты прав, — согласился он. — Придумали бы что-нибудь. Но мне от этого не легче. Я подвёл целую страну. Всю жизнь её защищал, а в конце… вот такая промашка.

— Помните, как говорят? — заметил я. — Не ошибается тот, кто ничего не делает.

Бойцы из УБИ были здесь же; стояли рядом вокруг своего командира. Теперь, после смерти, с них исчез налёт серьёзности и официоза. Погибшие агенты всё ещё молчали, но теперь они выглядели… более живыми, что ли?

Грустный каламбур. Как грустные улыбки на лицах некоторых из них.

— Тина выжила, так? — я поглядел на Герберта. Тот стоял с открытых дверях купе, но садиться не спешил — наверное, уже насиделся за последние годы. — И Рубан со Львом.

— Хотелось бы верить, — серьёзно кивнул тот. — По крайней мере, скверна, которая высвободилась после твоей смерти, не тронула их… Но оставался ещё газ. Я не знаю, что с ними.

В глазах Шраута снова мелькнуло… сожаление.

— Вот что, — он шагнул вперёд и положил руку мне на плечо. — Если… Валентина останется жива — ты передашь ей кто-то.

Я согласно кивнул.

— Говорите, что. Я запомню.

— Теперь, когда я мёртв, Грант будет претендовать за звание главы клана, — горько усмехнулся Герберт. — Хреновая кандидатура, прямо скажем. Хорошо, что я позаботился об этом заранее и вписал Валентину своей прямой наследницей в завещание.

— Тогда за чем же дело стало? — я поглядел на него.

— Грант и Варвара будут это оспаривать, всеми правдами и неправдами, — бывший глава УБИ смотрел на меня, не отрываясь. — Сама мысль о том, что нелюбимая дочь возглавит клан вместо них, будет для моего сынка и его жёнушки непереносима. К счастью, я позаботился и об этом.

Герберт сжал рукой моё плечо.

— Загородная резиденция. Детская Валентины. В восточную стену комнаты вмонтирован сейф, а в нём — ей мой прощальный подарок. Компромат на эту парочку, после которого они заткнутся раз и навсегда и даже дышать возле Валентины станут через раз.

Он вздохнул.

— Если я не смог достойно воспитать сына, чтобы тот был ей хорошим отцом, то пусть хоть так.

— Компромат, — кивнул я. — Запомнил, скажу. Детская, восточная стена, загородная резиденция. И что же Грант и Варвара такого сделали, что…

— А вот это тебе знать совсем не обязательно, — отрезал Герберт.

Пару секунд мы молчали, а затем я осознал, что поезд начал замедлять свой ход.

— Мне пора, — кивнул Герберт. — Нам всем пора. Мы недолго были знакомы, и не скажу, что знакомство было очень приятным, но…

Он отпустил моё плечо и протянул мне руку для пожатия.

— Спасибо за то, что хотя бы пытаешься поступать правильно.

Остальные УБИшники, стоящие за пределами купе, ограничились короткими кивками. Один за другим, они направлялись к выходу, а я поглядел в задёрнутое туманом пространство за окном. Поезд уже останавливался, и…

Мне показалось, или прибывающих там кто-то ждал.

— Люций? — я поднял брови, но фигура, мелькнувшая было в дымке, уже пропала.

Герберт Шраут и его люди медленно сходили с поезда на платформу. Я оставался один; снова.

* * *

Резь в глазах исчезла, но мерзкий привкус во рту и противная слабость в теле никуда не пропали. Я лежал на холодном металле, и три фигуры, склонившиеся надо мной, напряжённо вглядывались в моё лицо.

— Они… все мертвы, — пробормотал я.

— Да мы заметили, умник, — отозвался Рубан. Только сейчас я сообразил, что голубоватое свечение вокруг них пылает ярче, чем раньше. Видимо, то, что спасло их в прошлый раз, продолжало работать.

— Как оно… — я пошевелился. — Почему не помог

противогаз?

— Да потому что мы все идиоты и не сообразили очевидного, — кивнула Тина. — Тот, кто устроил здесь эту ловушку с травящим газом, позаботился и о том, чтобы противогазы были испорчены.

— А отсек, где они лежали, блокировал двери, — добавил Лев.

— Блокировал? — я медленно, шатаясь, поднялся на ноги. — А обратно пробовали?

— А чем мы тут, по-твоему, занимались, пока ты валялся дохлый? — Рубан подал мне руку, помогая встать поустойчивей. — В нарды играли? Пробовали и обратно, и вверх, и вниз, и куда только можно. Дверь не открывается.

— Нам конкретно повезло, что ты умер раньше нас, — вмешался Лев. — После того, как это случилось… стало намного легче дышать.

— Вспышка скверны, — подтвердил я. — Разумеется, она усилила вас. А вот я всё ещё чувствую этот газ… но меньше.

— Хорошая вентиляция, — пожал плечами Рубан. — Но недостаточно хорошая, чтобы спасти нас всех, пока это ещё было можно.

Я старательно не смотрел под ноги. Почерневшие трупы, среди которых был и дед Тины… Они лежали всюду. Из-за чёрного цвета они сливались с полом, но запах горелой плоти резал ноздри.

— Не смотри так, — отозвалась она. — Ему было уже больше сотни лет, и мы никогда не были особенно близки.

Я вздохнул.

— Он кое-что тебе оставил. Не знаю, правда, нужно ли это тебе… я просто передам, а там ты сама решишь, хорошо?

* * *

— Рубана и правда жаль, — Укольцев шёл медленно; спешить было некуда. — Хороший был парень.

— Таких бы побольше в КОБР, — согласился Карлов. — Впрочем… если бы все хорошие парни были собраны в КОБР, с кем бы мы тогда воевали?

Он обернулся на двери.

— Знаешь, убедить Ротта в сотрудничестве с Республикой после этого и правда будет непросто. Ему тут предстоит сидеть долго — без воды и еды, среди трупов. Возможно, раз за разом умирая от голода и жажды…

— Не факт, что Республике понадобится это сотрудничать, — поморщился Укольцев. — Неприятно, когда у начальства семь пятниц на неделе, но не нам решать…

Шагнув внутрь вертолёта, он осёкся.

— Не понял, — Карлов шагнул следом. — Сара, Элиза! Что за шутки? Вы где?

Тишина.

Глава 10

— Как? — Карлов смотрел на своего коллегу так, как строгий отец смотрит на сына-двоечника, разбившего окно. В доме босса мафии. — Как, Илья? Вот просто объясни мне — как?

— Виктор, не ори, — Укольцев и сам понимал, что накосячил, но предпочитал побыстрее переходить от нотаций и разбора полётов к действиям. — Выронил во время перестрелки…

— Речь не о том, что ты его выронил, Илья, — Карлов воздел руки, оглядываясь вокруг, а точнее — всматриваясь в территорию вокруг вертолёта. — Речь о том, что ты… не заблокировал его!

— С чего ты взял?

— С того, что иначе бы девчонки не дёрнули куда подальше.

— А может, они просто испугались и…

— Они не испугались, Илья, — с нажимом повторил Карлов. — Они нашли твой телефон, прочитали последние сообщения и поняли, что мы с их драгоценным Марком Роттом не такие уж друзья. А сейчас они где-то в лесу, среди ночи, и мы — вместо того, чтобы отчитаться о выполненном задании и поехать отсыпаться в курортном отеле — вынуждены их разыскивать.

— Так давай начнём делать это, — огрызнулся в ответ Укольцев. — Или ты хочешь проторчать тут всю ночь?

Карлов секунды две глядел на него в упор, а затем махнул рукой.

— Пошли. Но этот разговор у нас ещё состоится.

— Да я не идиот! — проворчал Укольцев; они вдвоём застыли на пару секунд, как охотничьи псы в стойке — а затем, не сговариваясь. Направились в одну и ту же сторону. — Лучше думай над тем, как нам убедить двух перепуганных девиц, считающих нас злодеями, что с нами лучше сотрудничать.

— Одну, — пожал плечами Карлов. — Одну, вторая сама увязалась за нами и, если вдуматься, не особо-то нам и нужна.

— И что? — с сарказмом хмыкнул его напарник. — Предлагаешь её прикончить?

— Совершенно не горю желанием, но если обстоятельства вынудят — сделаю на раз, — отрезал Карлов. — Как и ты, надеюсь. А что до Элизы, то очень хочется верить, что девушка осознает, что будущее её же страны важнее личных эмоций и пример правильное решение.

— Ты правда в это веришь? — хмыкнул Укольцев. — Ей же восемнадцать.

Карлов ничего не ответил; шагая между древесных стволов, он ступал так тихо, что был почти беззвучным, и напарник

последовал его примеру.

В самом деле, что это они разговорились. Достаточно ошибок на сегодня.

Тёмный лес, впрочем, оставался тёмным лесом. Нет, каждый из агентов знал — если засечёт хоть малейшее движение, то моментально среагирует на него, засечёт беглянок, вот только… движения не было. Пока.

Шум был, но ничего такого, что было бы странно услышать в ночном хвойном лесу. Ветер, голоса птиц, какие-то далёкие стуки, явно не имеющие отношения к девушкам…

…и как далеко они могли уйти? Есть ли смысл вообще искать их своими силами, или это только потеря времени, и лучше…

— …! — Карлов поднял руку вверх, сигналя своему напарнику. Тот замер — и в ту же секунду услышал вдалеке какой-то звук. Позади них, в той стороне, откуда они ушли.

Звук, напоминающий… телефонный сигнал?

* * *

— Мило, — Тина смотрела на меня без малейшей улыбки, и понять, что сейчас творится у неё в голове, я даже не пытался. Смерть дедушки — а что бы там она ни говорила, Герберт был ей не чужим человеком — собственное положение и всё прочее, а тут ещё и это. — Компромат на собственных родителей. Очень мило.

— Я только передал то, что… — я пожал плечами.

— Знаешь, Ротт, а ведь ты никогда не упоминал, что ты у нас медиум, — задумчиво покачал головой Рубан. — Умирать и воскрешаться — да, но говорить в процессе с мёртвыми…

— Вот-вот, — согласилась Тина. — С чего ты вообще взял, что это не глюки перерождающегося мозга?

— А вот здесь всё очень просто проверяется, — ответил я. — Если разговор с твоим дедом мне привиделся, то знать о компромате в твоей детской мне неоткуда. Просто посмотри, и если его там не окажется…

— Чтобы посмотреть, нужно выбраться отсюда! — Лев, всё ещё в противогазе, расхаживал туда-сюда и, похоже, нервничал больше всех. — А чтобы выбраться отсюда — нужно перестать говорить обо всякой чуши и заняться делом.

Рубан поглядел на него чуть усталым взглядом.

— А есть идеи?

— Искать выход, — тот развернулся к агенту. — Не сидеть же на месте, ожидая голодной смерти!

— Нет уж, от голода мы точно не умрём, — усмехнулся

тот. — С нами бесконечно оживающий источник мяса.

Я наградил Рубана сердитым взглядом, но тот только продолжал ухмыляться. Противогаза на нём не было — как и на Тине; иронично, но моя собственная сила защищала их от остатков газа гораздо лучше, чем меня. Запах газа всё ещё резал мне ноздри, но глаза уже не слезились, да и сознание я не терял.

— А если серьёзно, — продолжал Рубан, — то… Выход, разумеется, есть, вот только он — скорее всего — для нас недоступен. Поискать ещё, конечно, стоит, но не разгоняйтесь слишком. Арк строили на совесть, так что просто выбить дверь или прострелить её из оружия — не вариант.

— Что-то эта совесть никак не помешала республиканцам сюда попасть и встроить ловушку с ядовитым газом, — скептически заметил я, поднимаясь на ноги. — Я понимаю, что для вас, УБИшников, это место — легенда и всё такое, но оно строилось чёрт знает когда.

Лев Дюбуа согласно закивал, стаскивая противогаз; дышать под ним всё же было неудобно, а наш пример показывал ему, что самое опасное уже позади.

— У республиканцев была уйма времени и не меньше людей, — Рубан медленно начал обходить стены по периметру. — Полагаю, если бы у нас было то же самое — то и мы бы нашли выход.

— И всё-таки я согласен с Львом, — я последовал ему примеру, только направился в другую сторону. Мой взгляд скользил по всех швам и панелям, отыскивая возможный тайник, выход или ещё что-то. — Чем раньше мы начнём искать, тем быстрее что-либо обнаружим.

— Да кто ж спорит… — усмехнулся Рубан. — Может, мы всё-таки найдём здесь космический корабль пришельцев и сможем улететь, пробив им обшивку…

— Рубан! — Тина повысила голос, присоединяясь ко всеобщим поискам.

— Может, и не найдем, — легко согласился её сослуживец. — Но попробовать всегда стоит.

— А как насчёт вентиляции? — предположил я. — Если газ куда-то уходит, значит…

— Проверили в первую очередь, — отмахнулся Рубан. — Туда разве что кошка пролезет, и то только худощавая.

Я остановился.

— Говоришь, выход может быть снаружи…

— Ну, да, — согласился Рубан. — Если они обустроили тут эту ловушку, значит, есть способ открыть дверь снаружи. Ведь они собираются в какой-то момент вернуться за тобой. А вот

оставлять такой способ внутри было бы не очень логично.

— То есть, — продолжил я мысль, — если бы кто-то, находящийся снаружи, попытался бы поискать эту потайную кнопку, у него было бы больше шансов, чем у нас?

— Кто, Марк? — Рубан обернулся на меня, уперев руки в боки. — Что ты предлагаешь? Развести костёр и подавать наружу через вентиляцию дымные сигналы? Или орать на весь лес? Ждать, пока заплутавший грибник или турист не услышит, и пытаться убедить его…

— Пришельцы, — ехидно кивнул я. — Возможно, они ещё недалеко отсюда ушли. Или улетели. Вернутся за нами и унесут нас в глубины космоса.

Рубан недовольно поднял бровь, остальные тоже поглядели на меня недоумевающе… а я же вынул из кармана телефон. По счастью, он оставался цел даже после всех перипетий. Зарядка, правда, была на исходе, но на пару звонков ещё оставалось.

— Ты серьёзно? — не выдержал Лев. — Хочешь… думаешь, всё будет так просто? Люди, которые строили это место, не предусмотрели защиту от мобильной связи?

Рубан распахнул глаза, изумлённо глядя на меня.

— Конечно, — сообщил он охрипшим голосом, хлопая себя по лбу. — Конечно, не предусмотрели. Потому что нельзя предусмотреть то, о чём даже понятия не имеешь.

— Когда строили Арк, — начало доходить и до Тины, — то мобильной связи ещё не существовало.

— Вот именно, — я улыбнулся. — Конечно, защиту от звонков могли встроить уже КОБРовцы, но что-то мне подсказывает, что нет. Их ловушка — это не тюрьма долговременного содержания, а газовая камера. На бессмертных рассчитано не было.

Я торжествующе поглядел на остальных.

— Итак, вентиляция. Говорите, уже проверяли её? Покажите, где выход.

Рубан быстро указал в правый верхний угол, и я увидел на потолке небольшую решёточку. Ага; в этом углу и дышать было слегка легче. Отлично, а то голос после газового отравления у меня был слегка хрипловат.

— Кому ты собираешься звонить, Марк? — Тина поглядела на меня.

— Человеку, который не отмахнётся от проблемы, а постарается решить её как можно быстрее, — я моментально отыскал в телефоне нужный номер. — Элизе Белецкой.

Идея, конечно, сомнительная, но… а кому ещё я мог позвонить?

— Может не получиться, — Лев сжал зубы.

— Может, — согласился я. — Но попробовать стоит.

И я нажал на кнопку вызова.

Первые пять секунд, пока устанавливалось соединение, показались мне практически вечностью. А затем… раздался первый гудок.

— Есть! — выдохнул я, едва не роняя телефон из рук. От такого выдоха остатки газа снова резанули лёгкие, но я уже не обращал на это внимания. — Есть, связь пошла!

Гудок, гудок… ну же, бери трубку…

Сброс?

Элиза… сбросила вызов?

Я поморгал, тупо глядя на кажущийся теперь бесполезным телефон, на котором оставалось всего-то два процента зарядки. И что дальше?

* * *

Чёрт, чёрт, чёрт. Как же невовремя!

Элиза в панике уставилась на засветившийся экранчик. Так уж выходило, что этой ночью кого-то выдавал телефон — то КОБРовцев, а то их. А главное, сейчас, когда у них почти всё получилось!

В игре в жмурки с опытными агентами в ночном лесу у них не было ни единого шанса, а потому оставалась только игра в прятки. Тут всё просто: два КОБРовца углядят любое движение, однако не смогут сделать это, если движения не будет.

Элиза до последнего сомневалась в плане, боялась, что их всё равно найдут, что зря они вообще решили податься в бега, но — неожиданно для неё самой — план начал удаваться. КОБРовцы не нашли их на месте и направились прочь; ещё чуть-чуть — и они бы отошли достаточно далеко для второй части плана…

Если бы не этот звонок.

Сбросив с себя оцепенение, она нажала отбой.

Сара перевела взгляд с телефона на неё.

— Пошли, — выдохнула она. — Нас всё равно засекли, счёт на минуты. Попытаемся, успеть.

— Напомни, на кой чёрт мы вообще решили сбежать? — Элиза поглядела на неё на бегу. — Моей идеей было остаться в вертолёте и сделать вид, что всё нормально, а потом вернуться сюда позже. Разве это было бы не надёжней?

— Надёжней, — согласилась Сара. — Если бы речь шла только о Ротте. Но остальные к тому времени уже точно были бы

мертвы.

— Они и сейчас могут быть мертвы! — Элиза оглянулась; вдалеке уже слышался треск веток — агенты засекли их даже за тот километр или около, на который они успели отойти, и сейчас расстояние между ними резко сокращалось. — Прошло уже четверть часа… Зато теперь КОБРовцы собираются пустить в расход тебя саму — ты же слышала!

Сара промолчала; обе девушки машинально пригнулись, забегая в узкий вход в подземелье. Схема Арка и устроенной там ловушки была изучена ими довольно поверхностно — повезло, что она вообще нашлась в телефоне Укольцева.

Кстати, о телефонах. Не успела Элиза оказаться внутри, как тот зазвонил вновь.

— Ответь, — сквозь зубы процедила Сара, вырываясь вперёд. — И… просто стой здесь, пока я там открою дверь. Пусть они отвлекутся на тебя, пока я вожусь с замком.

— Ты… сможешь без плана? — Элиза ещё продолжала по инерции бежать; вдалеке показалась тёмная стена.

— У меня хорошая память, — сощурилась Сара, глядя на неё. — Вернись назад, давай. Ты нужна им живой — так используй это!

Если верить найденной схеме, дверь блокировалась изнутри, а вот отпиралась только снаружи — и только механизмом, расположенном в конкретном месте. Девушка очень надеялась, что в этом самом месте, отмеченным на плане простой точкой, окажется какая-нибудь кнопка или простой рычаг, а не сложное устройство в стиле восточных головоломок.

Коротко и нервно кивнув, Элиза развернулась — и нажала на кнопку приёма звонка.

— Элиза! — выдохнул телефон голосом Марка. — Слава Богу… Слушай очень внимательно…

— Не сейчас, Марк, — ответила девушка в тон тому. — Совершенно не сейчас.

— Это срочно…

— Я знаю! — Элиза выглянула из земляного коридорчика наружу; кажется, КОБРовцы были уже в двух шагах. — Я в курсе, где ты, Марк, и что с тобой, и сейчас не время…

— Чего?! — не понял Марк. — Знаешь?

— Да, знаю, — девушка закатила глаза. — И занята этой проблемой, вот только если ты не прекратишь меня отвлекать от твоего же спасения…

— А Ротту ничего и не угрожает, — хмыкнул Укольцев. Он возник перед ней так резко, будто появился из-под земли. — Как и тебе, Элиза.

— А Сара? — сбросив звонок, Элиза волчицей поглядела на него и его напарника, что возник рядом так же бесшумно. — Я слышала, как вы собирались прикончить её.

Тянуть время. Тянуть время…

— Не собирались, а только допускали такую возможность, — возразил Укольцев в лёгкой улыбкой. — Если она вынудит нас, но пока этого ещё можно избежать.

— Ага, вот только не делайте из меня дуру, — Элиза переводила взгляд с одного агента на другого. — Только не снова. Трущобная девчонка, которая узнала секреты правительственных агентов. Даже если вы не убьёте её прямо сейчас, каковы шансы, что она переживёт свою полезность хоть на полчаса?

Агенты не ответили; Карлов и Укольцев шагнули вперёд синхронно. Карлов крепко ухватил её за руку, Укольцев зашагал дальше, вслед за Сарой…

Элиза прикрыла глаза. Нет, идиотский план. Нужно было настоять на своём, и вернуться сюда позже. Так бы спасли хоть кого-то, а теперь…

Низкие своды земляного коридорчика огласил резкий металлический лязг открывающегося засова; Карлов, заслышав его, отпустил руку девушки и бросился вперёд со всех ног, Элиза же замерла на месте, не зная, чего ожидать. Дверь удалось открыть, но всё равно они загнаны в угол, и что могут Марк и Сара противопоставить двум КОБРовцам? Даже если кто-то ещё выжил, он сейчас не в том состоянии, чтобы драться, а значит…

Звук удара, затем ещё один.

— Привет, Илья. Привет, Виктор, — донёсся до Элизы весёлый голос Антона Рубана.

Глава 11

— …и вот мы тут.

Я оторвал взгляд от Элизы, повернувшись вбок, туда, где находились Рубан и два агента КОБР. Звуки ударов и тихие, чуть шипящие крики говорили о том, что Рубан проводит время с пользой и с удовольствием. Я не возражал. Карлов и Укольцев при первой встрече мне показались пусть и мутноватыми, но неплохими людьми… но это было до того, как они попытались убить всех моих спутников и запереть меня тут.

— Понятия не имел, что вы меня так долго разыскиваете, — я вновь перевёл взгляд на Элизу. — Драка Родиона с Императором… должно быть, это было эпично.

— Нам в тот момент было не до эпичности, — бросила Сара, сидящая рядом. Вот уж кого я был удивлён видеть ещё больше, чем Элизу, так это её. Сейчас трущобная девушка сидела, скрестив руки на груди, и старалась не глядеть в мою сторону. — В тот момент мы готовились умереть, и нам повезло, что мы вообще смогли выбраться из осквернённой столицы.

— Кстати, об этом, — я мотнул головой назад, в сторону шкафообразной установки «Гьяллархорна». — Вот эта штука поможет нам всё исправить и убрать скверну. Если мы разберёмся, как она работает, конечно, и добудем остальные части.

Сара и Элиза переглянулись между собой.

— Уверен, что хочешь этим заниматься, Ротт? — Сара наконец-то посмотрела на меня в упор. — Мы читали записи КОБРовцев, они знают, что это такое. Тут будет кому заняться устранением ущерба.

— Знают, но не собираются пускать в ход, — я пожал плечами. — Эти двое собирались вернуться за мной лишь спустя какое-то время.

— Как бы там ни было, это не твоё дело, — Сара продолжала гнуть свою линию. — А если хочешь действительно принести кому-то пользу — принеси её родной стране.

Я вздохнул. Сара была и права, и… нет. С одной стороны, в Альянсе сейчас действительно было всё плохо. Осквернённый Белецкий у власти, протесты, которые он почти наверняка захочет утопить в крови, да ещё и обострённые отношения между Империей и Республикой… страна сейчас как между молотом и наковальней.

С другой стороны… нет. Это моё дело. Я выпустил Люция, я осквернил столицу. И я же обещал Люцию всё исправить.

— Я вернусь в Альянс и сделаю всё, что могу, — пообещал я. — Но не сейчас. Сначала закончу здесь.

— Ясно, — Сара, фыркнув, поднялась с места. — Что ж, в таком случае — счастливо оставаться. А я вернусь в столицу Альянса первым же автобусом или поездом, потому что там — мои люди. Те, которые тебя, как обычно, не волнуют.

Ого. Она всерьёз распалилась. Я поднялся вслед за ней, но девушка развернулась и выставила вперёд ладонь.

— И не вздумай идти за мной. Считаешь себя альтруистом и спасителем невинных, Ротт? Раньше нужно было начинать. Когда тебе ещё кто-то верил.

С этими словами она вновь развернулась и быстро вышла из Арка наружу.

Я поглядел на Элизу; та лишь пожала плечами.

— Эта штука… и правда можешь уничтожать скверну? — уточнила она. — Я бы и сама вернулась в столицу Альянса, пока ты здесь, но имея на руках какое-то оружие против… осквернённых.

А? Я поглядел на неё слегка удивлённо. Рассказ о том, как на клуб напали несколько осквернённых, был каким-то… смазанным и незавершённым, что ли. Элиза сказала, что среди них был её отец… и ещё трое незнакомых ей людей.

Что она скрывает? Кажется, я догадывался; помнил свои же чувства, когда увидел осквернённого отца с механическими протезами вместо конечностей. Он… был среди них, не так ли?

Впрочем, задавать этот вопрос вслух я не стал; вместо этого я поднялся и кивнул Элизе.

— Да, ты права. Оружие против скверны необходимо, иначе силы слишком неравны.

Мы оба посмотрели в сторону «Гьяллархорна». Тина и Лев Дюбуа занимались им, пока я беседовал с девушками, а Рубан допрашивал КОБРовцев. Какие бы вопросы ни остались незакрытыми между этой парочкой — действовали они хорошо, слаженно и чётко.

Кивнув мне, Элиза первой направилась к ним; я двинулся следом.

— Есть какие-то успехи? — уточнил я у Тины.

— Сложно сказать, — та покачала головой. — Плохо, что мы не успели услышать инструкцию, так сказать, из первых уст.

— Но хоть что-то? — Элиза поглядела на неё.

— Хоть что-то — есть, — Лев Дюбуа продемонстрировал нам здоровенную пушку. — Того, что хранится в Арке, хватает для того, чтобы создать точечное оружие. Стреляешь по осквернённому — осквернённый гибнет.

— Значит, если достать то, что хранится в остальных двух тайниках…

— Сможем наносить удары по площади, — кивнула Тина. — Очистить столицу от скверны.

Я сжал зубы. Герберт Шраут не успел даже сказать, где именно находятся оставшиеся два тайника — а я самым идиотским образом упустил последний шанс спросить его об этом!

— Что это вообще такое? — Элиза покосилась на огромный шкаф.

— А кто его знает? — Дюбуа взялся за одну из створок. — Герберт говорил, какой-то сплав скверны с металлом, но теперь его уже не спросишь. Главное, чтобы получилось использовать его по назначению, иначе…

Парень слегка потянул створку на себя; щёлкнул магнитный замок — и…

Чёрт. Меня конкретно повело вбок. Уши резанул какой-то странный, нечеловеческий крик; споткнувшись, я упал на одно колено…

— Марк! Марк! — Тина бросилась ко мне; Элиза тоже поддержала меня.

— Почему всё лучшее достаётся не мне? — хмыкнул Дюбуа.

— Лев, закрой дверцу, — Тина обернулась на него. — Это из-за неё…

Закрыть?

У меня перед глазами всё ещё крутилось что-то… странное. Как будто человеческая фигура, но не монолитная, а исходящая помехами, как будто она была соткана из радиоволн или энергии. Именно она и издавала тот странный крик…

— Нет, приоткрой ещё, — попросил я, часто моргая.

— Марк, с ума сошёл? — Элиза уставилась на меня в изумлении. — Ясно же, что эта штука тебя убивает. Ты живёшь за счёт скверны, а она…

— С одного раза не убьёт, — заявил я уже твёрже, опираясь на одну руку. — Я что-то… видел. Но не успел понять, что это. Хочу снова…

— Уверен? — Лев Дюбуа захлопнул створку шкафа-саркофага, но всё ещё держался за неё рукой, готовый открыть в любой момент.

— Нет! — с жаром выдохнула Элиза. — Не вздумай…

— Открывай, — кивнул я.

Может быть, это просто видение повреждённого разума; галлюцинация. Но опыт научил меня доверять тому, что показывала мне скверна. До сих пор всё оказывалось…

достаточно реальным.

Не обращая внимания на протесты двух девушек, Лев распахнул створку двери — не до конца, где-то на половину. Что ж, этого более чем хватило.

…слабость в теле сочеталось со странно звенящей ясностью сознания; мир вокруг меня померк, я не видел никого из окружающих, я уже находился не здесь — и вместе с тем я осознавал всё отчётливо и спокойно.

Чёрная, никакая пустота. И сущность, что бьётся здесь, как птица в тесной клетке. Скверну я узнал сразу; конечно, это была не та её часть, что маскировалась под милую старушку, жену Родиона, но, разумеется, похожи они были как две капли воды.

Всё, что издавала Скверна — это крик. Дикий, пронзительный крик боли, не смолкающий ни на секунду. Никаких слов, никаких осмысленных фраз — просто этот бесконечный вопль. Он звучал над всей этой пустотой, проникал в моё сознание, буквально кровоточил внутри меня.

Что бы ни сотворил Герберт Шраут с этим куском скверны, заточённым в Арке — она страдает. Его существование (жизнью это едва ли можно назвать — бесконечная, неостановимая мука на протяжении вот уже множества лет.

— Хочешь умереть? — я не перекрикивал Скверну, просто спокойно обратился к ней; сделать это было нелегко — её вопль вносил диссонанс в мои мысли, раздражал, как если бы кто-то водил железом по стеклу.

И всё же я знал, что она меня слышит.

— Тогда покажи, куда нам нужно дальше, — я смотрел на тёмную фигуру, корчащуюся в агонии. Странно, как тьма выделялась на фоне тьмы, но… здесь речь не шла ни о земной физике, ни о земной логике. — Скажи — и сможешь упокоиться в небытии. Ты ведь этого хочешь, так?

Новый виток крика едва не свёл меня с ума… а затем у меня перед глазами возникло что-то. Неясные очертания медленно плыли, я начал различать контуры стран, материков… кажется, это какое-то побережье. Морбрег — то место, где мы находимся сейчас.

Картинка перед глазами дёрнулась в сторону Республики. Кажется, Скверна знала, где остальные части, и готова была показать их мне…

…а затем всё прекратилось. Картинка перед глазами померкла так быстро, как будто выключили телевизор; всё тело резко ухнуло в яму слабости и противной, ноющей боли, во рту отпечатался металлический привкус крови…

— Марк… — доносилось до меня как будто через туман. —

Марк, очнись, Марк…

— Я… тут, — смог выдавить я, чуть приоткрывая глаза. Перед взглядом всё плыло, но я различил лицо Тины. — Ещё немного, и я бы увидел…

— Ещё немного, и ты бы умер, — Тина кивнула рукой на Элизу. — А затем и она. У неё нет защиты от твоих взрывов скверны.

Я попытался пошевелиться; самоконтроль медленно возвращался ко мне, но всё тело болело, как после трёхчасового бега.

— Я одного не пойму, — заговорил Лев Дюбуа. — Почему эта штука не действует на нас подобным образом?

— Внутри вас нету скверны, — заметила Элиза, с тревогой косящаяся на пытающегося подняться меня.

— Очень даже есть, — возразил Лев. — Как, по-твоему, мы пережили всё это?

— Скверна внутри вас… — медленно выдохнул я, — защищает вас. Питает ваши силы… возможно, когда саркофаг открыт, они будут хуже работать или вообще исчезнут. Но она… не поддерживает в вас жизнь.

Дюбуа кивнул с умным видом и постучал по крышке саркофага.

— Как бы там ни было… тебе с нами сейчас не по пути. Тебе здесь просто опасно находиться.

Я огляделся по сторонам, прислушался к звукам удара, доносящимся из второй комнатки. Кажется, Рубан всё ещё продолжал своё чёрное дело.

— Да кому угодно опасно здесь находиться.

— Я не об этом, — отрезал Дюбуа. — И ты знаешь, что я прав. Нам нужно разобраться, как работает эта штуковина, понять, что делать с ней дальше и как её использовать. Но если бы будешь находиться рядом, Ротт — мы не сможем работать в полную силу. Станем всё равно что стреножены.

— Он прав, — кивнула Тина. — Вот только и уходить отсюда куда попало — не лучший вариант. В любой момент КОБР могут прислать ещё людей, и…

— Точно!

Мы все трое поглядели на Элизу с лёгким удивлением. Что за идея пришла ей сейчас в голову?

— Я запомнила ещё кто-что, — девушка кивнула в сторону двери, за которой находились Рубан и КОБРовцы. — Мы просматривали тот телефон наскоро, но… это я специально прочла очень внимательно. Ещё подумала — вдруг пригодится…

— Да что пригодится-то? — не выдержал Лев.

— Адрес местной явочной квартиры, — сообщила Элиза. — И тот факт, что завтра утром они должны были явиться туда и передать всю информацию… кому-то другому. Своему подкреплению.

Я поглядел на неё задумчивым взглядом. Конечно, Элиза не промах: только спаслась от одних КОБРовцев, а уже хотел лезть к другим. Но с другой стороны…

— Нам нужен Рубан, — определился я. — Без него я туда не полезу.

— Нужен для чего?

Хлопнула дверь, и я увидел, как Рубан шагает нам навстречу, вытирая руки какой-то тряпкой.

— Сказали что-нибудь? — Тина поглядела на него деловым взглядом.

— О, да, — усмехнулся Рубан, — очень многое. Свой стратегический запас ругательств я сегодня пополнил целой кучей интересных экземпляров.

— А из полезного? — Тина оставалась предельно серьёзной и собранной.

— Ничего, — поморщился Рубан. — Но время я провёл хорошо. Давно мечтал это сделать.

— Если от них больше нет пользы, предлагаю их прикончить, — Тина пожала плечами.

— Опасаешься, что сбегут? — Рубан покачал головой. — Нет уж. Не из моих узлов и не в таком состоянии. Пусть пока поживут, может, пригодятся потом на обмен — всё ведь только начинается.

— Опасно… — задумалась Тина. — Но если ты так уверен в своих узлах…

— Поверь, они сейчас напоминают двух гусеничек в коконах, — ответил Рубан. — Двух хорошенько избитых гусеничей. Так для чего я был вам нужен?

— Есть информация, где эти двое должны были завтра встречаться с коллегами, — пояснил я. — Тут неподалёку. А ещё мне нужно убраться подальше — то, что спрятано в Арке, резко убивает меня.

Рубан три секунды молчал, а затем кивнул.

— А что, почему бы и нет. Переночуем в Арке, а потом я наведаюсь… к коллегам. Пошли.

Как-то подозрительно быстро и легко он согласился. Как будто… не утолил злость, избивая этих двоих, и хочет отыграться ещё на ком-нибудь?

Впрочем, мне было плевать. Если это поможет мне исправить то, что произошло в Империи по моей вине, и разобраться с Родионом — не всё ли равно, чем будет руководствоваться Рубан?

— Вот только так просто вам туда идти нельзя, — определил агент, глядя на нас с Элизой. — Возможно, вы успели забыть, но вообще-то вы здесь верховная власть. И если вы не хотите, чтобы к утру весь город стоял на ушах от приезда господина короля и госпожи королевы, то стоит замаскироваться.

Я задумчиво поглядел на него.

— Или нет. Ты же сам сказал, мы здесь верховная власть. Что, если заявиться в полицию, потребовать…

— Чушь, — фыркнул Рубан. — Ротт, поверь тому, кто много лет проработал в Альянсе. Ваша полиция только и делает, что закрывает глаза, если не на действия КОБР, то на действия УБИ, а иногда и ваших кланов. Одно слово на ухо — и начальник полиции…

— Но не в присутствии же глав государства, — удивилась Элиза.

— Это на бумаге вы главы государства, — оборвал её Рубан. — А по факту вы для них два юнца, которые возомнили о себе невесть что. Устроят вам пышный приём, сгонят репортёров, либо замучают бюрократией — всё, что угодно, но только не сделают то, что вам нужно.

Он покачал головой.

— Нет уж. Если действовать, то действовать по моему плану. И первый его шаг — замаскировать вас так, чтобы мама родная не узнала.

— Человека, который засветился на весь континент? — заметил я. — Тут явно будет мало простых очков и натянутого на нос капюшона.

— О, Ротт, — довольно усмехнулся Рубан, потирая ссаженные до крови костяшки пальцев. — Ты не представляешь, как далеко шагнуло искусство маскировки в УБИ.

Глава 12

…багровое небо простиралось так далеко, как хватало взгляда — а взгляда хватало надолго. Пустошь — иначе это место было не назвать — представляла из себя потрескавшуюся землю; иногда то тут, то там пробивались пятна побуревшей сухой травы, иногда встречались развалины, но все достаточно низкие, чтобы не застилать горизонт и чёрное, мёртвое солнце, низко нависшее над ним.

Я брёл и брёл вперёд. Или назад? Поскольку со всех сторон здесь было одно и то же, то и чёткого направления у меня не было; я просто брёл.

Мёртвые тела попадались мне то тут, то там, и их облик был мне слишком знаком, чтобы не понять, отчего они умерли. Чёрная потрескавшаяся кожа, выгоревшая до костей плоть.

Скверна.

Я до сих пор слышал вдалеке её голос — тот же самый неумолчный, ужасающий крик. Но… как? Откуда взялся этот взрыв, что погубило всех этих людей? Неужели… я?

Спотыкаясь, я бросился вперёд. Сухой асфальт трескался под ногами, как яичная скорлупа.

— Бежишь от себя, Марк?

Я судорожно обернулся; сбоку от меня бежал Родион. Разговор на такой скорости не представлял для него никаких неудобств, старик ехидно улыбался в своей обычной манере.

— Какого…

— И куда ты намерен убежать, позволь узнать? — старик не отводил от меня взгляда.

— Подальше от тебя, — буркнул я.

— А может, подальше от себя? Туда, где мир не будет сожжённой пустыней?

Его улыбка стала ещё омерзительней.

— Позволь дать тебе совет, Марк. Прежде, чем бежать куда-то — подумай, почему ты видишь вокруг себя одну только скверну? Уж не потому ли, что несёшь её с собой?

— По твоей милости, — огрызнулся я.

— Может быть, и так, но что это меняет? Ты бежишь и ищешь цветущие земли с живыми людьми, но даже не замечаешь, что с твоим приближением они превращаются… в это.

Родион обвёл рукой пейзаж вокруг; тоскливый крик воплощённой Скверны стал ещё громче.

— Ты бежишь — а впереди тебя бежит стена скверны в несколько километров. Всё гибнет и разрушается раньше, чем ты

даже успеваешь его увидеть.

Старик впился в меня взглядом; мы оба не сбавляли скорость.

— Задумайся об этом, Марк, прежде чем бежать куда-то ещё и губить кого-то ещё.

— Я не…

— Задумайся, — припечатал старик. — Хотя бы раз.

* * *

Тяжело дыша, я сел на кровати. Ирреальность ночного кошмара смешивалась с его реалистичностью, а слова Родиона пугали — тем, что могли оказаться правдой.

Вокруг стояло утро, но утро раннее; рассветные лучи ещё только озарили небо.

Тем не менее, за окном и не пахло тишиной. Звуки уборочных машин, шаги людей, негромкий говор. Курортный город готовился к насыщенному дню. Несмотря на то, что осень — не самое туристическое время, Морбрег ещё не перешёл к холодному сезону, а значит, жил полной жизнью. Многочисленные магазины и магазинчики, аттракционы для туристов, кафе, бары, ночные клубы и все прочее — все работали в тройном режиме.

И это здесь, на окраине. Что творилось в центре — я даже не представлял; вчера ночью нас хватило лишь на то, чтобы добраться до дешёвой окраинной гостиницы.

За номера заплатил Рубан, проворчав, что когда всё закончится — я буду должен ему целое состояние; он же позаботился о том, чтобы нас заселили безо всяких документов — просто показав своё удостоверение сотрудника УБИ. Мы с Элизой в это время старались не светить лицами и не привлекать к себе внимания.

Морбрег. Я бывал здесь раньше, с отцом — раза четыре, наверное. Шумное и пёстрое место, полное людей. Одни желают получить побольше впечатлений, другие стремятся во что бы то ни стало впарить свой товар. Нас, конечно, никто чрезмерно не доставал — жители Морбрега давно научились отличать местных от приезжих, а уж тем более клановых от простых людей. Но всё равно возвращались мы отсюда с кучей всякого ненужного барахла — до сих пор помню ту жуткую майку с логотипом фестиваля «Жемчужина» и не пойму, как нас с отцом уговорили купить её.

Эти мысли и воспоминания немного помогли мне; недавний сон ушёл на второй план. Отбросив смятое одеяло в сторону, я зашагал в душ, по пути отметив, что Рубана в номере уже нет.

Потом опять будет ворчать, что ему не удалось нормально выспаться, но в целом он прав — обещал с утра озаботиться нашей маскировкой и озаботился. Я понятия не имел, что такое он собирается нам предложить, но доверял ему в этом вопросе.

Струи горячей воды подействовали как лучшее лекарство, смывая с меня пот и страх недавнего сна. Чушь, всё это полная чушь. Я не убиваю всё на своём пути. Да, риск есть, но…

Я вздохнул. Что, если риск действительно слишком велик? Что, если мне проще и правда запереться в каком-нибудь бункере, пока другие сделают всё за меня? Те, чья смерть не грозит уничтожить очередной город.

Я помотал головой. Постоянные смерти и воскрешения привели к тому, что я уже не воспринимал смерть… как что-то конечное. Досадная неприятность, короткая болезненная задержка на пути к конечной цели — не более.

Нужно снова вспомнить, что такое смерть. Что для всех, кроме меня, она — насовсем… и поэтому я не имею никакого права перекладывать весь риск и всю ответственность на других.

Люций сказал, что я должен всё исправить. Именно я, а не кто-то другой.

…закончив с водными процедурами, я спокойно оделся. Хотелось есть, но я решил не торопить события. Улёгшись на незастеленную кровать, я заложил руки под голову и постарался расслабиться.

В дверь постучали примерно через полчаса.

— Да? — я сел на кровати.

— Марк, я вхожу?

Элиза.

— Да, заходи, — ответил я. Дверь распахнулась, и девушка зашла внутрь.

Занятно. Я, конечно, понимал, что она не сунется на люди кое-как, но всё же думал хотя бы с утра увидеть её без идеально уложенной причёски. Где уж там — волосок к волоску.

— Рубан прислал СМС, — сообщила мне она. — Сказал, будет тут через пять минут, и просил собраться в одном номере.

Я молча кивнул, рукой указывая ей на вторую кровать. Постель Рубана была идеально застелена, не то, что моя; Элиза уселась на самый краешек и неловко поглядела на меня.

— Ты так и не рассказал мне всё, что произошло, — заметила она. — Свою часть истории. Того, как…

— Как всё вылилось в тотальный ужас и разруху, — вздохнул я. — Расскажу потом, но в целом всё просто. Один очень насыщенный день, несколько драк с осквернённой хренью, и вот я падаю с вертолёта. Напоролся грудью на ветку и умер.

Элиза едва заметно вздрогнула.

— Ты говоришь об этом так спокойно…

— Не спокойно, просто сдержанно, — ответил я. — Не устраивать же каждый раз трагедию и драму.

Мы помолчали, затем Элиза снова поглядела на меня.

— Рубан… Насколько ты ему доверяешь?

Я пожал плечами.

— Мы на одной стороне. Сейчас, по крайней мере. Это не дружба и не слепое доверие, просто у нас одна цель — избавить город от скверны. Это его родной город, так что да, я верю, что он пойдёт почти на всё, чтобы спасти его.

— А…

— В Тине я уверен тем более, — продолжил я. — Лев Дюбуа… его я пойти не знаю, и да, всё ещё сомневаюсь в нём. Но ему верит Тина, так что пока он с нами.

Элиза молча покачала головой.

— После всего, что было… я уже не знаю, чему верить. На какое-то короткое время я и правда поверила, что КОБРовцы нам помогут… и вот что из этого вышло.

Ответить я не успел — дверь без стука отворилась, и в номер вошёл довольный Рубан с двумя объёмистыми пакетами.

Мы с Элизой вытаращились на него в изумлении, и было от чего. Я ожидал увидеть его в любом виде, но… шорты, шлёпанцы на носки и пёстрая гавайская рубашка? Это уже перебор.

— Мой счёт к тебе растёт, Ротт, — Рубан кинул мне один пакет. — На всё это барахло пришлось потратиться.

— Я заплачу, но… — начала было Элиза.

— У тебя с собой наличка есть? — Рубан быстро посмотрел на неё. — Или только карта?

— Карта…

— Тогда забудь о ней до тех пор, пока не вернёмся в мирные места, — закончил агент. — Мы здесь инкогнито, а в КОБР не дураки работают.

Элиза виновато захлопала глазами.

— Что это? — я потянул первую вещь из пакета — та оказалась такими же шортами, как на Рубане, только посветлее; из-под них выпали солнечные очки и дешёвый фотоаппарат-«мыльница» на ремешке, я и не знал, что такие до сих пор в ходу.

— А ты чего ждал? — Рубан глянул на меня. — Это лучшая маскировка в этом месте.

— После твоих вчерашних слов про искусство маскировки в УБИ я ждал совсем не этого, — растерялся я. — Думал, принесёшь какой-нибудь гель, меняющий цвет волос, или что-то,

чтобы поменять форму лица…

— Кино про шпионов пересмотрел, Ротт? — усмехнулся Рубан. — Искусство маскировки заключается не в технических штучках, а в понимании того, где и как лучше маскироваться. И поверь моему опыту, как бы ты ни оделся, здесь, в курортном городке, ты будешь бросаться в глаза…

— Если только не станешь типичным туристом! — закончила Элиза, вынимая из своего пакета кошмарную песочного цвета панамку.

— Именно, — кивнул Рубан. — На тебя даже не посмотрят. Точнее, посмотрят и ещё как, но вот в лицо вглядываться не станут. Здесь таких, как мы — целое море, и смотреть на каждого — никаких глаз не достанет.

Я поморгал. Ну, ладно, определённая логика в этом была.

— Я это не надену! — внезапно запротестовала Элиза, вытаскивая из кучи безвкусные солнечные очки с ярко-красной оправой «под коралл». — Даже панамку можно стерпеть, но не это…

— Придётся, — оборвал её Рубан. — Как бы там ни было, а вы всё ещё знаменитости, и прикрыть лицо ты обязана.

— Но почему этим, а не чем-нибудь поприличнее?

— Ну, во-первых, эти — самые дешёвые, — агент пожал плечами. — А во-вторых — они большие. Если закроешь только глаза, толку от этого будет немного.

Элиза поглядела на очки с сомнением и брезгливостью.

— Но…

— Ради дела, — кивнул Рубан. — Воспринимай это как неприятную обязанность. Я же воспринимаю так все наши странствия.

* * *

Я с сомнением смотрел на Элизу, Элиза же с сомнением смотрела на меня. Видик у нас был… мягко скажем, странный.

— Не смотрите так друг на друга — посмотрите на себя в зеркало, — порекомендовал Рубан.

— Это… какой-то кошмар, — пробормотала про себя Элиза, а затем поглядела на меня. — Марк! Даже не вздумай снимать меня!

Я покосился вниз, на «мыльницу», что висела у меня на шее. Признаться, я вообще не собирался снимать на неё что-либо.

— Да ладно вам, — усмехнулся Рубан. — Как раз и увидите, какое количество народу одевается похожим образом совершенно

добровольно, и убедитесь, что это ещё не самое страшное в жизни.

— Ладно, — я поглядел на него. — Допустим, маскировка у нас есть. Что дальше? Куда нам?

— По тому адресу, разве нет? — Элиза тоже отвлеклась от того, чтобы теребить в руках «коралловые» очки.

— А зачем? — хитро улыбнулся Рубан. — Что вы собираетесь сказать КОБРовцам? Попросить у них помощи?

Я только раскрыл рот, но Рубан не дал мне даже возразить.

— Я тебя знаю, Марк. Решишь, что осквернённая столица — проблема для всех, а значит, можно наплевать на международную политику и можно вмешивать в свои дела каждого встречного.

— Это и правда проблема для них, — заметила Элиза.

— Конечно, — согласился Рубан. — По твоим же собственным словам, это помешало им напасть на мою страну. Вы правда думали, что я пойду на переговоры с открытым врагом или позволю вам сделать это? Может быть, иногда я иду против начальства, но не против своей страны.

Мы с Элизой переглянулись.

— Тогда… каков наш план?

— О, — усмехнулся Рубан. — Я ждал этого вопроса. А план у нас такой. Садимся в какой-нибудь кафешке неподалёку от места встречи и вычисляем КОБРовцев. Когда вычислим — нужно похитить одного из них.

— В центре города, на глазах у людей? — не поверил я.

— С каких пор ты сомневаешься во мне, Марк? — отбрил меня Рубан. — А дальше — допрос и выгодный обмен.

— Как минимум, одна из частей Гьяллархорна находится в Республике, — сообщил я. — Я видел это вчера, когда…

— Я понял, понял, Марк, — Рубан чуть поморщился. — Во-первых, ты у нас, конечно, офигенный медиум и всё такое, но мы не можем доверять твоим видениям на сто процентов. Во-вторых, с чего ты взял, что те, с кем Карлов и Укольцев должны были встретиться, знают что-нибудь о Гляллархорне?

— Шраут мог спрятать его так хорошо, что о нём никто не знает, — заметила Элиза. — Если это так…

— Если это так, всё очень плохо, — согласился Рубан. — Но я бы на это не ставил. Республиканцы нашли Арк — а это легенда из легенд — значит, уж на своей территории они бункер точно обнаружили. А может, эти штуки изначально лежали в Империи или здесь, в Альянсе, просто были найдены ими и вывезены к себе.

Мы с Элизой снова переглянулись.

— Так, ладно, — вздохнул я. — Какие у нас шансы?

— Особо никаких, — согласился Рубан. — И да, пару месяцев назад — до знакомства с тобой, Ротт — я бы сказал, что шансов у нас нет вообще. Но всё то, что происходит вокруг тебя… оно не поддаётся логике.

Я замер. Сам того не зная, Рубан задел меня за больное, заговорив на ту же тему, что и недавний сон.

— Думаешь, мне не стоит ехать в Республику за остальными частями? — уточнил я чуть охрипшим голосом. — Очень бы не хотелось ещё и там всё погубить.

— Погубить всё — это ты умеешь, — кивнул Рубан. — А ещё ты умеешь взять и спасти ситуацию там, где уже, казалось бы, нет никакой надежды. Я же говорю — вне логики и вне вероятности. Нам сейчас если что и поможет, так это капелька невероятного, так что… без тебя не обойтись.

Он поднялся с места и махнул нам рукой.

— Ну, идём? Эти ребята прибудут через час, а нам ещё нужно добраться до места. И успеть поесть что-нибудь. Я голодный, а в местных кафе, кажется, в это время счастливые часы.

Глава 13

Сидя в летнем кафе на многолюдной набережной, я чувствовал себя полным идиотом, причём, как говорится, за свои же деньги.

Нет, Рубан оказался совершенно прав — по улицам сновали десятки туристов. В ярких и пёстрых костюмах, в непомерных солнечных очках и панамках, тычущих пальцами, галдящих на разных языках, снимающих что-то на свои камеры… вот только отчего-то мне казалось, что среди всего этого разнообразия нет никого, кто был бы одет тупее и стереотипнее нашей троицы. Может, и правда казалось?

Элизу, судя по отсутствию особого аппетита, угнетали те же мысли. Она вяло ковыряла ложечкой в яйце в мешочек, пока рядом остывала чашка крепкого кофе, и старалась не смотреть по сторонам. Зато Рубан был явно в своей тарелке, набрав со шведского стола всё, что душе было угодно, и сейчас весело завтракая. При этом он так вертел головой, что…

Что да — его можно было принять только за туриста.

Я сам придерживался чего-то среднего — не сидел, уткнувшись носом в свой завтрак, но и не оглядывался так, что вот-вот шея сломается. Я старался посматривать по сторонам осторожно, пытаясь не привлечь к себе внимания — насколько это вообще было возможно с таким нарядом — и вообще сидел на иголках. Наверное, это нормально, когда ты под прикрытием и пытаешься вычислить вражеского агента, чтобы похитить его для допроса.

Никаким бравым Джеймсом Бондом я себя не ощущал, а ощущал, как уже и сказал до этого, идиотом в дурацком костюме. О таком не снимают фильмы и не пишут книги… вот только риск ощущался всерьёз, а не в шутку.

— Ты уверен, что мы их не упустили? — я проводил глазами двух небритых мужчин в костюмах мусорщиков, что быстро прошли по мостовой и скрылись за углом.

— Ты ешь, Марк, — заботливо посоветовал Рубан. — Ешь, не отвлекайся. Когда нужно будет что-то делать, я непременно сообщу.

— Но….

— Честно говоря, тебя сюда взяли с одной целью, — поморщился агент. — Чтобы ты не ошивался возле Гьяллархорна, если от него тебе плохеет.

— Марк, — Элиза сняла очки и поглядела на меня в упор. — Это КОБР, они всё ещё серьёзные противники. А скверна из тебя

никуда не делась.

— Они не идиоты и тоже знают, что будет, если они меня прикончат… — неуверенно пробормотал я.

— Это если они тебя узнают, — кивнул Рубан. — Элиза, надень очки, живо. А тебя, Марк, я смею уверить, что есть куча способов обезвредить человека, не убивая его — но сильно легче тебе от этого не будет.

Я нервно кивнул и переключился на кофе. Мой взгляд зацепился за молодую пару, что со смехом шла по набережной. Мне кажется, или девушка держалась за руку парня как-то слишком уж неестественно, по-театральному?..

Пару раз моргнув, я отвёл взгляд от пары. Так и параноиком стать недолго.

Наверное, будь я здесь при других обстоятельствах — и правда бы расслабился и полюбовался видом. Морской пейзаж действительно завораживал; над набережной летали чайки и ещё какие-то птицы, вдалеке ходили небольшие прогулочные катерки. Свежий ветер действительно пах солью и водорослями.

Погода радовала, наверное, последними тёплыми неделями, и люди как будто чувствовали это, спеша отдохнуть на полную катушку. Откуда-то из соседнего квартала играла музыка — то ли из какого-то туристического магазинчика, то ли из аттракциона.

В общем, идиллия, жить бы и радоваться, но…

— А эти? — я попытался как можно незаметнее кивнуть в сторону крепкого мужчины за сорок в камуфляже — тот выглядел или как отставной военный, или как заядлый турист — и его спутницы.

— Марк, я же сказал, ешь и не отвлекайся, — закатил глаза Рубан. — Знаешь, что? Сейчас у тебя есть возможность поесть по-человечески, в кои-то веки, но я понятия не имею, будет ли она у тебя завтра или послезавтра. Так что на твоём месте я бы пользовался ей…

Элиза тихо отпила полуостывший кофе из чашки; от меня не укрылось, как она вздрогнула.

Ладно. Может, он и прав. Я откусил от сэндвича…

— А вот теперь встаём, — вдруг тем же будничным тоном сообщил Рубан, закидывая в рот ещё пару кусочков картошки фри и запихивая в карман что-то из оставшегося на тарелке. — Встаём и делаем чётко то, что я скажу.

А? Я оглянулся по сторонам. Кого он увидел, и куда смотреть мне?

— Не верти головой, Марк, иди спокойно, — тихо проговорил Рубан. — Значит, так. Видите большой фургон? Идёте к нему и ждёте меня там, что бы ни случилось — из-за фургона не

выходить. Вас не должно быть видно со стороны улицы.

Фургон? Мы с Элизой переглянулись, но всё же встали и быстро направились к большому фургону с надписью «Пломбирвана» и огромным эскимо на боку. Двери фургона были открыты, и прямо сейчас грузчик, чьё лицо уже с утра выглядело усталым (а может, оно у него всегда было таким) вытаскивал оттуда большие ящики с мороженным

— Ты поняла, кого он увидел? — я снова оглянулся на Элизу. Та помотала головой и ускорила шаг; её всё это нервировало не меньше, чем меня, а то и больше. Кажется, сейчас она сама была не рада, что предложила всё это, или, на худой конец, не осталась в гостинице.

Ну и ладно, сейчас увижу сам. Оказавшись на месте, я обернулся… и замер.

Рубан стоял у прилавка того самого кафе и о чём-то спокойно беседовал с парнем, на вид — моим ровесником.

— Это? — тихо прошептал я, удивлённо глянув на Элизу. — Это — агент КОБР? Серьёзно?

Та странно посмотрела на меня в ответ и пожала плечами.

— Уж тебя-то, Марк, что удивляет?

— Да так, я просто ждал… — я развёл руками. — Кого-то поочевиднее.

Пожалуй, Элиза права: во мне тоже не заподозришь главу государства, преступника Империи номер один и вместилище скверны целой страны. И всё же…

Парень был одет буднично, хотя и без броских туристских шмоток, как у нас; он стоял и спокойно, даже чуть расслабленно смотрел на Рубана. О чём эти двое говорили, отсюда слышно не было, но лица обоих были просты и безмятежны, как при самом обычном случайном диалоге.

— И как он собирается его похищать? — я снова обернулся на Элизу, стараясь, чтобы наших слов не услышали посторонние. Впрочем, ответить она не успела, лишь раскрыла рот, а затем…

Одной резкой подсечкой Рубан уронил парня на асфальт; затем сильный удар в лицо. Оба удара заняли у Рубана не больше секунды — а тот уже закинул паренька на плечо и буквально в несколько прыжков оказался у машины с мороженым. В кафе кто-то заорал, и я ощутил, что к нам прикованы все взгляды.

— Марк, в кабину, за руль! — рявкнул Рубан, буквально зашвыривая свою «ношу» внутрь фургона, прямо на ящики с мороженым, и захлопывая дверь.

— Я? — изумился я. — Почему я?

— Вопросы, Ротт! — Рубан быстро оглянулся. — Потому что мы с Элизой будем заняты.

— Эй, что ты творишь, *б твою… — закончить матерную тираду грузчик не успел, потому что Рубан быстрым движением двинул ему в лоб, и тот грузно осел на асфальт; усталое выражение лица сменилось злобно-удивлённым.

Решив больше не искушать судьбу, я послушно нырнул в кабину; Элиза уселась рядом. По счастью, ключ зажигания уже торчал здесь. Интересно, а если бы его не было?

Я оглянулся назад; Рубан как раз заканчивал фиксировать дверцы фургона, когда позади него взревела мотором неприметная чёрная легковушка, направляясь прямо в нашу сторону.

— А вот и наши друзья, — пробормотал Рубан, вытаскивая откуда-то из-под безразмерной гавайки пистолет и стреляя машине по колёсам. Кто-то снова завизжал; люди брызнули из кафе и соседних магазинчиков кто куда, создавая панику и давку, а Рубан запрыгнул в кабину третьим; стало тесно.

— Гони, Ротт, — приказал он. — Вдоль набережной, в любую из сторон. Быстрее!

Я послушно повернул ключ зажигания и втопил педаль газа в пол. Фургон дёрнулся и понёсся по набережной; то, что я сбил один из столиков кафе, я понял лишь по звуку — кажется, людей там не было, и то хорошо.

— Куда мы…

— Когда надо будет ехать куда-то, я скажу, Марк, — Рубан пригляделся к зеркалу заднего вида. — А пока езжай просто по берегу. Ровнее!

— Я водил машину всего пару раз! — возмутился я. — Тем более, грузовик и во время погони! Его заносит.

— Плевать… — Рубан сощурился. — Не отстают, сволочи… Элиза!

— А? — девушка сидела, вжавшись в сидение, и явно очень хотела оказаться сейчас не здесь.

— Ты, кажется, владеешь замораживающими навыками, так?

— Откуда ты…

— Читал твоё досье, — усмехнулся Рубан. — Ты знаешь, что делать. Заморозь за нами дорогу, нужно оторваться.

— Я не дотянусь до окна, — попыталась возразить Элиза, но Рубан буквально рывком пересадил её на своё место, а сам нырнул на неё.

— Давай, время не ждёт. И можешь уже снять эти очки, если что!

Элиза сорвала с себя аксессуар буквально в ту же секунду и выкинула его в окно с таким остервенением, будто это была граната.

— Я не знаю, на какое время меня хватит, — призналась она. — Всё-таки мои навыки не рассчитаны на такое…

— Пока можешь — делай, а там посмотрим, — «успокоил» её Рубан. — Давай.

Я еле справлялся с управлением; раньше я и понятия не имел, насколько большую роль играет вес автомобиля. Ну, машина и машина, мотор со всем справится, так? Но нет; фургон швыряло и заносило; из задней части доносился грохот, кажется, нашего «гостя» било обо все стены и ящики с мороженым, что там только были.

Элиза высунулась из окна почти по пояс и без лишних слов выполняла то, что ей было сказано; судя по ледяному скрипу колёс, свой посильный вклад в заносы машины она тоже вносила. Хотелось бы верить, что пользы от этой ледяной трассы для нас будет больше, чем вреда, и преследователь отстанет… но я бы не был уверен в этом наверняка.

— Рубан, — выдохнул я, выворачивая руль. — Вот скажи честно… в этом городе есть другие агенты УБИ?

— Наверняка, — кивнул он. — Полно. Это же Альянс Пяти, да ещё и город, где собирается море иностранцев.

— Так неужели это был самый простой способ? — я сжал зубы. — Похищать человека среди бела дня, угонять машину, ввязываться в погони и перестрелки…

— Время, Ротт, время, — хмыкнул агент. — Плюс, агентов КОБР здесь не меньше, и где гарантия, что на этом тихом курорте они не спелись и не обмениваются информацией друг с другом?

— Тихом? — выдохнул я. Да он шутит, наверное! Мы со свистом проскочили мимо большой карусели с сидениями в виде волн, рыб и дельфинов; Элиза ойкнула — кажется, её лёд попал прямо в аттракцион, прекратив движение.

— К тому же, мы с тобой оба персоны нон грата среди УБИ, забыл? — напомнил Рубан. — Если новости доходят до этой дыры медленно, тот как убийца Императора и его пособник, а если быстро — то как враги нового режима. Белецкая, ты как, справляешься?

— Еле… — выдохнула девушка. — Почти не могу. Это уже не лёд, а так, наледь…

— Давай… — Рубан вгляделся в зеркало заднего вида. — Ага, вот, они завернули, хотят перехватить нас… Ротт, давай — рули в море.

— Куда?!! — синхронно выдохнули мы с Элизой; та от изумления прекратила создавать лёд.

— В море, — спокойно пояснил Рубан, хрустя костяшками пальцев; пистолет лежал на бардачке, окна фургона были

открыты, и я отчётливо понял одно — либо у Рубана есть какой-то действительно мощный план, либо наш бравый агент сошёл с ума от захватившего его адреналина.

— Погоди, ты же не серьёзно?

— Серьёзнее некуда, Ротт, — кивнул он. — Давай, быстрее, пока они не выехали. В море, к рыбкам, к дельфинам, к морским, мать их, звёздам. В море!

Мы всё ещё неслись по набережной на полной скорости; глянув на Рубана со смесью сомнения и ужаса, я зажмурил один глаз — и вывернул руль вправо. Низкий парапет жалобно хрустнул под колёсами тяжёлого грузовика; нас всех впечатало в сидения, а из кузова раздались удар — и приглушённый мат, а затем…

Миг, когда машина висела над берегом, показался мне вечностью. Падение, куча брызг, вкус соли во рту, и…

Воздушный карман, который, охватил нас.

Капли воды и целые надутые пузыри летали мимо нас туда-сюда. Не удержавшись, я тронул один из них, и он растёкся по моей руке.

— Что ты… — не поняла Элиза.

— Маленький эксперимент, — ответил Рубан. — Раньше у меня был навык, способный сильно увеличивать вокруг меня гравитацию. Помогало устоять при тряске, держать удар и всё такое… но, благодаря Марку, все мои навыки теперь работают «наизнанку», а значит, гравитационное поле теперь должно не притягивать, а отталкивать.

— Погоди, — я помотал головой. — Хочешь сказать, что ты… не знал наверняка, что это сработает?

Рубан посмотрел на меня внимательно — и внезапно расхохотался.

— Ну, вот как-то так мы в УБИ и работаем, Марк.

Машина медленно опускалась на дно. Находясь близко к Рубану, мы чувствовали лишь лёгкое отталкивание, но чем дальше — тем больше расходилась вода, сохраняя воздух, «захваченный» нами с поверхности.

— Времени у нас немного, — предупредил Рубан. — Здесь побережье, относительно мелко, так что поедем по дну. Но как машина заглохнет, это лишь вопрос времени, поэтому нам нужно заранее выбраться на берег вместе с грузом.

Он хмыкнул.

— По счастью, я изучил маршрут. В полутора километрах отсюда есть лесистый берег, туда мы и доберёмся. Вроде бы должны успеть.

Вроде бы. Я вздрогнул. Мне бы твою уверенность, Рубан.

* * *

— Куда они делись? — не поверила Рита.

— Рухнули в воду, — Фёдор как будто и сам не верил в то, что говорил. — Чёрт, я же как знал — нельзя было отпускать парня одного… Кто это вообще был? Кто-то из УБИ? Откуда они здесь взялись, их же никто не ждал…

— Тихо, — Рита выбралась из машины и подошла к берегу, к тому месту, где было сломано низенькое медное ограждение. — От неприятностей в нашей работе никто не застрахован. Такого безумия не ожидал никто.

— Просто куплю пончиков перед встречей… — пробормотал Фёдор, передразнивая чужую интонацию. — Заодно гляну, что да как… Тьфу.

— Успокойся, — Рита глянула вниз. — Они ведь не утопиться решили, так? У них был какой-то план. Куда они могли сбежать, на какую-нибудь яхту?

— Ещё скажи, на подлодку, — сердито фыркнул Фёдор. — Ну, начался день…

— Не шуми, говорю! — на третий раз Рита повысила голос. — Ты всё усложняешь. Ситуация совсем не так кошмарна. Сейчас мы поедем с штаб и попытаемся выяснить, кто это был и что они хотели. А они… В конце концов, они остались с Иваном один на один. И либо они вскоре выйдут с нами на связь, чтобы вернуть его, либо…

Она усмехнулась.

— …не успеют.

Глава 14

Импровизированная четырёхколёсная субмарина катила по морскому дну так непринуждённо и спокойно, что Рубан едва ли не насвистывал что-то. Мы же с Элизой сидели как на иголках. Ощущение влаги и аромат солёного бриза были устойчивыми; как же в это время себя чувствовал «пассажир» нашего «корабля» — я не знал. Во всяком случае, стуки и приглушённое бормотание там стихли.

— Напомни, — Элиза посмотрела на Рубана, — о чём там ты хочешь его допрашивать?

— Обо всём, что знает, — глазом не моргнув, сообщил агент. — В нашем деле никакая информация лишней не будет. Но если ты о том, какую информацию я хочу из него вытянуть — то никакую.

— Чего?! — не понял я, повернувшись к Рубану. — Тогда зачем…

— Затем, что нам нужен был заложник, — напомнил тот. — Вряд ли этот парнишка, ваш ровесник, знает множество секретов. Но вот поторговаться за него выйдет.

— С КОБР? — усомнилась Элиза. — Ты же знаешь их принципы. «Когда страна стать прикажет героем — у нас героем становится любой», и чаще всего — посмертно.

— Действительно, — кивнул я. — С чего ты взял, что он достаточно ценен, чтобы ради него вели переговоры с террористами вроде нас?

— Ну уж террористы, — мрачно поглядел на нас Рубан. — Да, снесли пару ограждений, причём за рулём был ты.

— А про разлив скверны в Империи ты не забыл?

— А к этому я тем более никакого отношения не имею, — пожал плечами Рубан. — Но, кстати, именно из-за этого разлива я и надеюсь, что наш план… не будет слишком уж безнадёжен.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вы же изначально предлагали сотрудничать с ними, — пояснил агент. — Мол, им, как и нам, ничуть не выгодна осквернённая столица… Так вот, этим я и собираюсь заняться. Только — в отличие от того, что предлагали вы — уже не с позиции униженного просителя, или даже союзника… а с позиции требований.

— Требований, — кивнула Элиза. — А если они твоих требований не удовлетворят? Что тогда? Прикончишь паренька-стажёра, или что?

— А вот эту часть оставьте мне, — ухмыльнулся Рубан. —

Пока всё идёт так, как я задумал — ну, с минимальными отклонениями от плана и лёгкой импровизацией.

Он поглядел на нас таким насмешливым взглядом, что я покраснел. Чёрт, почему он так смотрит?

— Дайте угадаю, — Рубан слегка покачал головой. — Ты никогда не играл в покер?

— Я много чего никогда не делал… — пробормотал я. — Например, не ездил по дну морскому в машине мороженщика с заложником в кузове…

— А уже почти приехали, — Рубан указал куда-то вперёд. — Смотрите, мы как раз у берега.

И действительно, он был прав. Вода вокруг нас мелела, уровень её опускался ниже; фух. Вскоре я мог уже нормально дышать без опасений, что один сбой в способности Рубана — и нас захлестнёт солёной водой.

Машина, дребезжа и трясясь, выехала на дикий песчаный пляжик, усыпанный шишками; сосновые деревья нависли буквально в десятке метров от него. Пожалуй, это место можно было бы даже назвать живописным… если бы в этот момент меня интересовали подобные тонкие материи.

Машина остановилась.

— Да, — Рубан похлопал по приборной панели. — Не жилец теперь этот автомобильчик, не жилец. Ну, свою службу он выполнил. Вылезаем!

Фух, наконец-то. Здесь нас просить лишний раз не пришлось; насквозь мокрые, мы спрыгнули на прибрежный песок. Я с отвращением стянул с себя безразмерную панамку и швырнул её в волны.

— Не засоряй природу, Марк, — заметил Рубан всё тем же насмешливым тоном.

— Кто бы говорил, — парировал я. — Знаешь, сколько бензиновых паров ушло в воду из-за тебя?

Рубан неопределённо пожал плечами и шагнул к чуть покосившемуся фургону. Двери холодильника были всё ещё закрыты. Я лишь понадеялся, что наш заложник не превратился там в ледяную сосульку со смёрзшейся от воды коркой.

— Погоди, — Рубан уже протянул было руку, чтобы открыть дверцу, но я вдруг остановил его.

— Что такое? — агент с лёгким недоумением оглянулся на меня. — Ему там, в общем-то, не жарко, а мне он нужен живым.

— Да… — я поморщился. — Вначале одна предосторожность. Хочу… защитить Элизу. Так же, как вас, там, перед разливом скверны.

Рубан скептически приподнял бровь.

— Опять твои непонятные штучки… хотя, конечно, грех жаловаться, учитывая, что они спасли мне жизнь уже… дважды, так?

— Да, — кивнул я — и обернулся на Элизу. — Слушай, я…

— Ротт, ты уверен, что это нужен сделать здесь и сейчас? — Рубан покосился на меня. — Всё же…

— Кто знает, вдруг нас уже ищут с вертолётами, — пожал я плечами.

Сдвиг.

Фигура одного из осквернённых апостолов зависла рядом со мной; по счастью, в голубоватом свечении сложно было разобрать лицо и понять, кто это был при жизни — всё-таки Элиза его знала.

Впрочем, сейчас меня смущало совсем не это. Сдвиг очистил мой разум от лишних эмоций и вопросов, и теперь у меня вызывал большие вопросы сам план Рубана. Конечно, он был опытным агентом, он знал, что делал.

С другой стороны, он был задолбанным жизнью, невыспавшимся человеком, привыкшим к совсем иным условиям. А ещё он был слишком самоуверенным.

Шаг первый. Апостол шагнул к Элизе.

— Лучше не пользуйся сейчас навыками, — предупредил я. — Они будут работать наизнанку. Проверь каждый из них, прежде чем пускать в ход.

— Наизнанку? — Элиза поглядела на меня. — Я слышала об этом, но как это вообще работает?

— Скверна, — весомо ответил я.

Затем Рубан. Идти на попятную, разумеется, было поздно, и теперь я мог лишь подстраховать наш безумный, ненадёжный план.

— Давай, — я встал рядом с агентом. — Открывай.

В конце концов, это просто паренёк, стажёр из КОБР или что-то в этом роде?..

И тем не менее, хотелось бы избежать любых неожиданностей.

Рубан кивнул мне — и вытащил подпорку из дверей.

…дальнейшие события развивались слишком быстро. Одно можно было сказать точно — не будь я под Сдвигом, и всё закончилось бы куда хуже.

Двери распахнулись навстречу мне и Рубану — быстро и тяжело, как будто кто-то пнул их изнутри. Агент успел скользнуть вниз, пригибаясь, как герой боевика от летящих пуль. Я лишь засветился чёрной энергией — и дверь, врезавшаяся в меня на полном ходу, остановилась, слегка смявшись.

Уже секунду спустя я вынырнул из-за неё, готовясь максимально жёстким образом обездвижить цель, но не успел — фигура, вылетевшая из грузовика, ринулась в сторону Рубана. Я глянул в сторону противника…

И меня буквально скрутило дикой болью. Прикрыв глаза руками, я отвёл взгляд — боль исходила… именно от самой фигуры. Она словно светилась нестерпимо ярким светом, как раскалённая, обжигая мне лицо, заставляя жмуриться…

Какого чёрта? Там, в кафе, ничего подобного не было. Из-за Сдвига?

— Ротт! — донёсся до меня рёв Рубана — как через слой ватного тумана. — Что бы ты ни делал, продолжай в том же духе. На него это действует!

А?

Фигура была слишком яркой, чтобы я мог различить какие-то отдельные детали или разобрать позу, но… мне показалось, или она стала ниже?

Из пяти апостолов скверны незадействованным оставался только один; вот его и следовало отправить в бой — кажется, Рубану доставалось, и неплохо так. Я лишь понадеялся, что последний апостол не испарится от этого нестерпимого сияния.

Но, кажется, обошлось. Из-за свечения я мог наблюдать драку лишь сбоку, но видел, как синяя фигура врезала светящейся фигуре. Я мысленно отдал сущности приказ — если только получится, оставить парня в живых; я слишком хорошо помнил, как пару дней назад он и его «собратья» раз за разом расправлялись со старухой Дюбуа.

Гул в ушах нарастал; я понимал, что, если отключу Сдвиг — смогу нормально видеть. Но, с другой стороны, если я его отключу… получится ли у меня нормально противостоять этому парню?

Любые наивные предположения, будто мы «взяли» обычного стажёра, уже остались в прошлом. Разумеется, это кто-то посерьёзнее. Одно то, как он сражается с Рубаном и, кажется, начинает побеждать — уже говорит об этом.

— Ротт! — вновь заорал агент. — Встань перед ним, встань ближе! Я не знаю, что с ним не так, но его — уффф — корёжит, когда он смотрит на тебя!

— Меня тоже, — отозвался я… и замер. Значит, эффект действует не только на меня, но и на него?

Чёрт с ним, должно получиться. Прикрывая глаза рукой, я метнулся к трём дерущимся фигурам — и, размахнувшись, врезал по светящейся. Внешне — насколько я вообще мог видеть, потому что перед глазами у меня в этот момент стояли в основном

цветовые пятна — это выглядело так, будто я бью огонь или частицу солнца.

…вот только частица солнца мой удар вполне себе ощутила.

В следующую секунду я почувствовал тошноту и приступ слабости. Согнувшись, я вывалил на песок всё, что успел съесть в кафе, и едва не рухнул следом; если бы не Сдвиг, так бы наверняка и произошло.

И всё же я сумел удержаться на ногах. Тело дрожало, но я сделал светящемуся солнечному мальчику подсечку, роняя его на мокрый песок. Тот рухнул… и, хрипло кашлянув, затих.

Чёрт. Если он воздействует на меня настолько сильно, когда я под сдвигом… Кто же он такой?

— Ротт, не стой столбом, — Рубан несколько раз методично вмазал по лежащей фигуре, а затем почему-то зашёлся в кашле. — Он… кха… только на минуту выбыл… кха… сейчас встанет, давай…

И действительно, светящийся парень уже приподнимался; голубая фигура апостола била и била его, но, следуя моим указаниям — осторожно, чтобы не прикончить. И, кажется… не имела особого успеха.

Светящаяся рука выбросилась наверх, хватая меня за запястье; меня снова скрутила слабость.

— Ты ведь Марк Ротт, так? — хмыкнул кто-то из этой светящейся массы; черты лица я не смог бы разглядеть при всём желании. — Значит, воскреснешь в любом случае…

— Я-то да, — парировал я. — А вот всё живое на сотню километров вокруг…

Откуда этот парень меня знает?.. Впрочем, ответ и без того был очевиден: Рубан называл меня по фамилии за время драки уже раза три. Сложить два и два, думаю, умеет любой сотрудник КОБР.

Гораздо важнее вопрос, как далеко он готов зайти. Ну… по крайней мере, в ответ на мои слова он выпустил мою руку.

— Тогда попробуем по-другому, — хмыкнул он.

Ну, уже прогресс. По крайней мере, осквернение всего Морбрега с окрестными лесами в его задачи не входит. Вот только сдаваться от не собирается.

— Успокойся и поговорим, — я зажмурился — терпеть это свечение не было уже никаких сил — и врезал ему под дых. — Мы привезли тебя сюда не драться, а…

— Не знаю, для чего вы меня сюда привезли, — «солнечный мальчик» резко увернулся от моего удара, а затем в один момент оказался на ногах. — Но меня вы забыть явно спросили.

— Ой, а может, заткнётесь оба? — поморщился Рубан. —

Дерёмся, так дерёмся молча.

— Рубан, ты не помогаешь, — заметил я. Рука светящегося парня чуть не врезалась мне в лицо, но апостол скверны быстро заслонил меня. Я выбросил вперёд кулак — и снова свалил парня на песок; всё-таки в состоянии Сдвига я был куда сильнее обычного человека.

— Ладно… — пробормотал тот. — Поговорим… если бы твоя смерть не запускала…

— Если бы да кабы, рассуждать будем после, — я встал, стараясь смотреть в сторону; глаза не то чтобы привыкли к этому свечению — привыкнуть было невозможно, как не получится привыкнуть смотреть на солнце — но боль немного поутихла.

Ладно, рискнём. Парень, кажется, не дёргался.

Я отключил сдвиг.

…сияние гасло медленно, как будто тлея. На земле лежал обычный парень в грязной от налипшего песка, насквозь мокрой одежды, и смотрел на меня… нет, не с неприязнью. Скорее, задумчиво и сосредоточенно.

— Этих двоих я мог бы убить за секунду, — он кивнул на настороженного Рубана и отошедшую подальше от драки Элизу. — Но ты ведь от этого сговорчивей не станешь?

— Верное решение, — кивнул я.

— Верное или нет — это ещё большой вопрос… — начал было Рубан, но парень перебил его:

— Большой вопрос? Знаешь, что спасло тебе жизнь, здоровяк?

Рубан промолчал, подняв вверх бровь, мол — удиви меня.

— То, что ты назвал его по фамилии, — парень сел. — Я уже почти прикончил тебя.

Затем он повернулся ко мне.

— Так вот ты какой вживую, Марк Ротт.

Я хмыкнул, отряхивая от песка мокрую гавайку.

— Обычно я хожу… в чём-то более сдержанном. Так, значит, уже весь КОБР заинтересован в сотрудничестве со мной?

— Того, кого нельзя прикончить, и игнорировать не получится, — парень медленно поднялся на ноги и кивнул себе за спину, на покосившийся грузовик с распахнутыми, погнутыми дверями. — Мороженного? Как бы там ни было, а у нас его теперь полный кузов, и оно портится.

— Думаю, оно уже испортилось, когда искупалось в солёной воде, — я изучающе посмотрел на парня. Мой ровесник, простоватое лицо, но взгляд опытный.

Рубан стоял напряжённый, готовый в любой момент снова кинуться в бой — но, кажется, этот тип… особо не переживал. Как будто сообразив, кто я, он… задумал что-то.

И это меня напрягало куда больше, чем его странные угрозы, что он мог бы прикончить моих спутников в секунды. Ненавижу ситуации, когда я знаю о ком-то меньше, чем он — обо мне.

А ещё этот странный эффект… почему я видел его как светящееся пятно? И почему он сам видел меня… чёрт, да я даже не знаю, как именно.

Но задавать вопросы следовало постепенно, с умом.

— Ты ведь не просто стажёр из КОБР, — заметил я, садясь на поваленное бревно.

— С какой стати я буду вам хоть что-то говорить, — усмехнулся парень. — Вы похитили меня; убивать вас я не буду, но и сотрудничать с вами…

— Тогда что ты думаешь делать?

— Да просто дождусь своих, — он пожал плечами. — Рано или поздно, они меня найдут. А до тех пор… посижу, покушаю мороженку.

Он действительно вытащил из кузова пару штук эскимо, и помахал одним в направлении Элизы:

— А ты Элиза Белецкая, кажется? Видел тебя в новостях. Будешь?

— Я не ем ворованное мороженное, — фыркнула та.

— Угнанное, скорее.

Странно. Разве этот парень не должен был дрожать от холода? Двадцать минут в морозилке, мокрый насквозь… Но он с аппетитом уплетал эскимо… а вот Рубан выглядел так, будто это он провёл полчаса в холодильнике, потирая руки и оглушительно кашляя.

Что-то щёлкнуло у меня в голове.

— Так ты у нас что-то вроде большой куклы вуду? — заметил я, беря второе эскимо.

— Я ничего не подтверждаю и ничего не отрицаю, — развёл руками парень.

— А я и не спрашиваю, — я бросил обёртку через плечо. — Ты передал своё состояние Рубану. Интересный фокус.

Молчание в ответ.

— Ладно, — кивнул я. — Не хочешь с нами сотрудничать — не надо. Но ведь ты не стал меня убивать не только потому, что не выжил бы сам?..

— Уничтожать город-другой в мои планы не входило, — согласился он.

— Тогда как насчёт спасти город-другой? — глянул я. — Возможно, этот вариант больше тебе подходит?

К любому человеку можно найти подход, правильно его замотивировав. И сейчас у меня было полно времени, чтобы

подобрать ключик к этому парню.

Он… чем-то напоминал мне себя самого. Неуловимо и лишь отчасти, но всё-таки.

* * *

Внимание, автор в очередной раз вспомнил про то, что у него есть паблик ВК — https://vk.cc/azYfao!

В этот раз планируется серьезно им заняться. В паблике автор будет размещать актуальную информацию по книгам (старым и новым), эксплуатировать художников, которые будут рисовать арты и иллюстрации по книгам и проводить всяческий интерактив.

Для начала там будет опрос — в какой серии у нас самые отвратительные обложки!

А также по достижению 600 подписчиков начнётся конкурс на 6 промокодов.

Присоединяйтесь, будет весело.

Глава 15

Император сидел неподвижно, глядя прямо перед собой; не зная, что к чему, его можно было бы принять за восковую статую или за… труп?

Или это и есть труп?

Нет, нет; Мадлен Дюбуа гнала от себя подобные мысли. В конце концов, ей ли — столько раз вырывавшейся из лап смерти — сомневаться в нём? Люций вернулся в мир живых, а как, почему и какую цену он заплатил за это — неважно. Даже думать об этом — уже предательство; нужно сосредоточиться на делах.

— …и выехали в сторону границы, по дороге, ведущей на северное побережье Альянса, к Остзейскому морю, — заключил Фрэнк Абнер, один из полудесятка заместителей главы УБИ. — Это последнее место, где нам удалось отследить Герберта Шраута и тех, кто ехал с ним.

— Стоит ли расценивать всё это как предательство? — склонил голову ещё один из царедворцев. — Мы не знаем, с какой целью Герберт сделал то, что сделал, но он не поставил в известность никого из нас, он не отчитался Императору, и, возможно, он нелоялен его власти?

Мадлен согласно кивнула.

— Шрауты — давно уже позорное пятно на полотне имперской аристократии, — отрезала она. — Я знала Герберта Шраута ещё давно, во времена войны, я знаю, как много он сделал для Империи тогда. Но сейчас всё иначе. Сам старик играет в свою игру; его сын с супругой притащили в Империю чёртового Марка Ротта, а его внучка подкинула им эту идею…

— Нет ничего плохого в том, что Марк Ротт попал в Империю, — провозгласил Император. Теперь он смотрел прямо на неё, и Мадлен машинально вздрогнула — от этого холодного, неживого взгляда становилось не по себе. — Плохо другое — то, что мы не знаем, где он сейчас.

— Мой Император, — попытался возразить Абнер, — но если именно Ротт виновен в том, что произошло со столицей…

Он осёкся и сел на место; теперь взор Императора был устремлён на него.

— Возможно, Герберт Шраут нас предал, — выждав паузу, заговорил Император, обводя взглядом всех сидящих за этим столом — четырнадцать человек из числа самых доверенных лиц главы Империи. — Возможно. Но никто не назовёт меня неблагодарным. Я помню былые заслуги Герберта, и знаю, что он ещё может послужить мне в будущем.

Дело ведь… в этом? В будущем, а не в прошлом? Люцию просто не хочется выбрасывать такой хороший инструмент, признавать, что он сломался.

Мадлен поморгала. Откуда эти мысли? Она не должна думать так, не должна обвинять его.

— И уж совсем глупость — считать, что в каком-то заговоре виновны две напыщенные пустышки, умирающий мальчик и девушка, почти отрёкшаяся от семьи, — заключил Люций. — Если вы докажете обратное — приходите ко мне в любое время суток, приносите доказательства, и я буду действовать. До тех пор — мы говорим только о Герберте Шрауте и только то, что точно знаем о нём.

Повисла пауза, достаточно тяжёлая, чтобы все поёжились от ощущения мороза по коже.

— Да, должен признать — во всём этом есть немалая доля моей вины, — признал Зигмар Стросс, глава пограничной службы Империи. Кажется, он заговорил только для того, чтобы сменить тему, готовый даже взять удар на себя, только бы не затягивать эту паузу. — Почти не подлежит сомнению, что Герберт Шраут и его спутники — кем бы они ни были — покинули границы Империи, а значит, мои люди их пропустили…

— Ваши люди, Зигмар, пропускают кого угодно, — поморщился Абнер; он тоже был рад найти нового виновника и тем самым отвести от себя беду. — Граница Империи — настоящее решето, и те же агенты КОБР пользуются этим.

— Разве? — Стросс сообразил, что перегнул палку, и волком поглядел на своего оппонента. — А у меня есть прямые указания от твоего босса, Фрэнк — пропускать агентов КОБР через границу, чтобы было легче следить за ними.

— И как, следите? — двое мужчин смотрели друг другу прямо в глаза. — Мы вешаем «хвост» на каждого республиканца, о котором вы сообщаете, но как насчёт тех, кто действительно обводят вас вокруг пальцев? Поддельные документы, воздушная граница?

— С чего ты вообще взял, что… — завёлся было Стросс, но такой же спокойный и тяжеловесный голос Императора оборвал его.

— Тихо, — припечатал Люций, глядя на спорщиков. — Неважно, проникли агенты Республики в Империю с вашего благословения или без него. Это порочная практика, которую давно было пора прекратить. Впускать врагов к себе в дом, чтобы следить за ними — слабость и трусость.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — попытался возразить побледневший Абнер, кляня себя за то, что вообще

открыл рот на эту тему, — но это приносит большую пользу, мы узнали уйму полезной информации за счёт…

— Полезной? — Император нахмурился. — Полезной для кого или для чего? Для мирного сосуществования с Республикой — может быть, но это остаётся в прошлом. Если не нападём мы — нападёт Республика.

— Ваше Величество, нет никаких причин считать, что Республика готовит нападение, — возразил ещё один из УБИшников. — Такая информация мимо нас бы уж точно не прошла…

Император не стал отвечать ему — лишь посмотрел, испепеляюще, уничижительно. Затем он вновь обвёл всех присутствующих взглядом — и поднялся с места.

— Первое, — отчеканил он. — Отправить группу агентов вслед за Гербертом Шраутом. Выяснить, что он затевает; если пошёл против меня — если даже возникло такое подозрение — привезти сюда живым, жизнь его спутников значения не имеет.

Он сделал паузу.

— Второе, — он поглядел прямо на Мадлен, и та с готовностью выпрямилась. — Найти Марка Ротта. К нему относится то же самое, что и к Шрауту. Самого живым, спутников — неважно. И третье. В ближайшие двадцать четыре часа ликвидировать всех известных агентов КОБР.

— Всего за сутки? — Абнер помотал головой. — Ваше Величество, за сутки такую операцию тихо не провернуть. Пойдут слухи, и люди…

— Люди? — Император вновь уставился на него, нахмурив брови. — Вы не поняли, Абнер. Вы давно выглядывали наружу?

— Наружу? — Абнер поморгал. — Ваше Величество, вы о…

— Я о скверне, разлитой по столице, — подтвердил Император всё так же беспристрастно. — Люди напуганы переменами. Пригород обезлюдел, сотни людей попросту сгорели заживо или сошли с ума. В городе паника, беспорядки, многие уезжают. Болеют и умирают дети, старики.

Остановившись, он наклонился над столом, будто придвигаясь ближе к собравшимся.

— Людям нужна надежда. То, что воодушевит их, вдохнёт дух патриотизма. Поэтому… Не нужно проводить операцию тихо. Не нужно ничего скрывать от своего народа. Сделайте всё показательно — люди должны знать и видеть, как их враги умирают.

Он не улыбнулся ни краем рта, но отчего-то его тон в этот миг показался всем торжествующим.

— Задачи ясны? — у самых дверей он остановился и вновь

обернулся на всех.

— Да, — кивнула Мадлен, — вот только…

— Что ещё? — он мигом перевёл взгляд на старуху.

— Что насчёт Родиона Долгова? — она пожала плечами. — Он и его приспешники тоже ещё где-то в столице, их цели нам неизвестны, а возможности…

— А, это, — Император презрительно поморщился. — Не забивайте себе голову тем, о чём вам не нужно думать. Делайте то, что я сказал, а Родионом Долговым…

Он шагнул за дверь, и окончание фразы донеслось до всех собравшихся уже из коридора.

— …я займусь сам.

* * *

Всё это было… странно. Настолько, что чёрное солнце и багровые небеса за окном казались лишь маленькой деталью на фоне всех странностей последних дней.

Казалось бы, отец умер только позавчера, и это должно было быть главным, что заботит Марианну. Смерть родного человека, и неважно, кем он был. Но почему-то — то ли на фоне всех треволнений, то ли ещё почему — боль по убитому отцу ушла на задний план, дав место… обиде и возмущению.

Они не высказывались вслух, и снующие вокруг неё слуги с виноватым видом притворялись, будто не понимают её состояния. Разумеется, всё они понимали. Те, кто прислуживал ей много лет, многие знали её ещё с детства. Они просто не могли не видеть, как тяжело ей это даётся.

Заперта в четырёх стенах. Окружена всем, кроме… свободы. Низведена до уровня содержанки с непонятным статусом. Это она-то! Дочь полноправного Императора, наследница целой страны!

То ли Люций боялся, что она захочет пойти против него, то ли — что в условиях беспорядков и осквернения она сама может пострадать, но — да. Со вчерашнего дня, с самой казни «Марка Ротта», она стала пленницей собственного дворца.

К ней относились с почтением, тут же кидаясь выполнять каждый ей приказ — едва ли не резвее, чем до того. Будто подчёркивали, что она всё ещё принцесса. Но… выйти ей не удавалось.

Так что она сидела в своих покоях одна. Лука и Давид? Мертвы. Лев? Пропал без вести, судя по услышанным Марианной слухам — после той странной ночи, когда появился Люций, и

некоего крушения вертолёта.

Остальные из её «друзей» (читай — подхалимов) тоже не появлялись. Может, уехали из города, может, были заняты во всей этой суматохе. А может — сами или по наущению родителей, таких же придворных лизоблюдов — решили, что нет смысла общаться с бывшей наследницей престола, потерявшей фактическую власть.

Делать было решительно нечего. Марианна пыталась было убить время в Интернете, но связь безбожно тормозила. Проблемы из-за скверны? Не исключено, но… скорее всего, дело в другом, и связь барахлит из-за того, что её «пасут» и здесь. Не дают написать чего-нибудь запретного, вынести за пределы дворца какой-то секрет.

Вот же идиоты. Неужели они и правда думают, что дочь Императора не смогла за свою жизнь запомнить, что ей при её статусе можно писать в Интернете, а что нет?

Застонав, Марианна закатила глаза и нажала на кнопку вызова слуг. Дверь поспешно распахнулась, и в комнату вбежал личный камердинер.

— У меня барахлит Интернет, — мстительно уставившись на него, сообщила Марианна. — Вызови мастера.

Если это их рук дело — пускай побегают. Марианна откинулась в кресле и прикрыла глаза.

Всё было слишком странно.

— …так, значит, Интернет барахлит?

Голос раздался в комнате так резко и так неожиданно, что Марианна дёрнулась — и едва не свалилась с кресла.

— Кто вы такой? — она уставилась на стоящего у окна незнакомого парня в одежде обслуживающего персонала. — Как вы вошли?

— Пришёл починить Интернет, — вальяжно улыбнулся тот. — Проблема досадная, но её, по крайней мере, ещё можно исправить.

— Что? — Марианна встала. — Вы… не морочь мне голову. Говори, кто ты такой, или я зову охрану.

— А стоит ли? — парень улыбнулся; затем его лицо смялось, точно было из пластилина…

Марианна узнала его сразу. Тот старик, в которого превратился «Марк Ротт» после неудавшейся казни. Она была там, видела схватку Люция с ним.

— Родион Долгов, к вашим услугам, — старик церемонно наклонил голову. — Так что, ваше императорское высочество? Будем чинить Интернет… или же перейдём к более насущным проблемам и тому, как можно их решить?

Марианна дважды моргнула.

— Ты, — прошипела она, делая шаг вперёд. — Это ведь ты убил отца на самом деле.

— А может, это был настоящий Марк Ротт? — ухмыльнулся Родион.

— Нет, — Марианна покачала головой. — Ты убил его. Зачем ты сделал это?

— Политические причины, принцесса, — Родион больше не стал отпираться. — Ты должна меня понять. Жертвовать фигурами, от пешки до короля, ради своих целей — то, чему тебя учили с детства.

— Я не…

— Да? — Родион наклонил голову. — А кто отправил своих приятелей, Луку и Давида — на верную смерть? Ну правда, не думала же ты, что они справятся с тем, кто миновал охрану дворца и убил твоего отца одним ударом.

Марианна застыла на месте. С такой позиции она… ещё этого не рассматривала.

Так. Ладно. Кем бы он ни был, зачем бы он ни совершил то, что уже сделано — мёртвых не воскресить. А вот…

— Так и зачем ты явился? — она поглядела на Родиона, скрестив руки на груди. — Ведь не ради починки Интернета.

— Как я и сказал, — подтвердил старик, — есть проблемы понасущнее. Скажем… Люций. Если честно, я надеялся, что он будет послушным мальчиком, но он откровенно слетел с катушек. А Императорская Печать в его руках — слишком опасный козырь.

— Нужен смертник? — поморщилась Марианна, усаживаясь обратно в кресло. — Да, я могу её коснуться, во мне течёт его кровь. Но на этом всё. Люций носит Печать при себе, и даже если я сумею обойти охрану — разве он её мне отдаст?

Родион издал короткий смешок.

— А ведь ты видела всё своими глазами, — заметил он. — Как мы с ним сражались. И как он позорно проиграл.

— Это твой план переворота? — Марианна была полна скептицизма. — Пойти и вырубить Люция силой, во дворце, полном охраны? А после отдать Печать дочери человека, которого ты убил?

— Является ли для меня угрозой Люций? — хмыкнул Родион. — Да, а потому Печать опасна, пока он ей владеет. Вы же, ваше принцессье высочество, для меня не опасны. Можешь оставить печать себе, если захочешь.

— Даже так, — кивнула Марианна. — Я уже сказала про дворец и охрану. Что ты ответишь на это… Родион Долгов?

— О, — старик присел в кресло напротив, — а я забыл

сказать, да? Всё случится не во дворце. А что до охраны или, допустим, армии… она будет слишком занята, чтобы отвлекаться на нас.

Он вновь улыбнулся.

— Как и сам Император будет слишком занят. Поверь.

* * *

Фрэнк Абнер добрался до своего кабинета бледным, вспотевшим. Ватные ноги буквально подгибались.

Чёрт. Как же всё невовремя. Этот разлив скверны… У них же было всё готово. А теперь армия Республики замерла, не зная, что ей делать.

Он знал. Он отлично знал. Старый Император был вполне терпим для того, чтобы Республика могла мирно сосуществовать с ним. Но этот, новый… он показал себя во всей красе. Отдать приказ о показательном истреблении всех республиканцев мог лишь полный тиран.

Нет уж. Не для того он, агент КОБР, тридцать лет жил в Империи, не для того поднялся по служебной лестнице от новичка до заместителя главы УБИ, чтобы так просто взять и всё запороть.

Он подаст сигнал. Вполне возможно, это будет последнее, что он сделает — в свете последних дней, вряд ли у него получится связаться со своими и сохранить легенду. Но он подаст сигнал.

Наступление на Империю начнётся. Сегодня же.

Глава 16

Всё-таки вытащить под шумок бумажник у того богатенького имперского паренька — Льва Дюбуа, кажется? — было хорошей идеей.

Сара не промышляла карманными кражами уже очень много лет; собственно говоря, она никогда не была профессиональной карманницей, никогда не зарабатывала этим себе на жизнь — так, навык из подросткового возраста, кратковременное хобби из трущоб. Но сейчас он пригодился.

Утро определённо удалось.

Казалось бы, ничего такого. Но после нескольких дней постоянных путешествий, после перестрелок и казней, погонь, всего, что ей выдалось пережить… да, это было сродни манне небесной.

Просто проснуться в мягкой постели. Гостиничное окно было широким и чистым, пропускавшим свет во всю ширь, и сегодняшнее утро уже полностью вступило в свои права. Сара блаженно потянулась и откинула одеяло.

Просто принять душ. Струи обжигающе горячей воды прямо с утра — что может быть лучше? Взяв шампунь, она начала неспешно намыливаться. И торопиться никуда не надо, она предоставлена только сама себе.

Просто почистить зубы. Для кого-то будет откровением, но больше всего в долгом пути угнетает именно вот такое, невозможность привести себя в порядок. Мятный вкус во рту успокаивал, снова вносил в бурную жизнь девушки размеренность и ощущение правильности.

Одежда, конечно, после погони в торговом центре, нескольких дней пути и пряток в лесу была мятая и испачканная, но здесь уж придётся подождать… до первого магазина. Наверное, это будет странно выглядеть, когда она войдёт туда в своём испачканном тряпье, а выйдет в чём-нибудь получше.

А вот тёмные очки, закрывающие лицо Сары чуть ли не наполовину, были куплены ещё вчера, в маленьком круглосуточном магазинчике «Всё по 15». Всё-таки она медийная личность, в каком-то смысле: не хватало ещё, чтобы кто-нибудь узнал в ней лидера протестов и беспорядков, что ещё несколько дней назад шумели в столице страны. Интересно, что бы подумали люди, если бы узнали её? Что все её слова были громким фарсом, сказанным за деньги, и сейчас она кутит на гонорар?

Ха. Если бы это на самом деле было бы так — ей бы хватило

ума уехать отдыхать в другую страну.

Заглянув в бумажник — скорее ритуал, чем что-то, имеющие подлинный смысл — и убедившись, что он по-прежнему полон, Сара вышла на улицу.

Вначале — магазин. Есть хотелось, и сильно — вчера, во время путешествия, они лишь перекусили парой буррито, купленных в дорогу перед вылетом — но всё же ещё сильнее ей хотелось избавиться от всей дорожной грязи.

Это было нужно ей даже не само по себе, а… как доказательство того, что с беготнёй покончено. Покончено с Марком Роттом, покончено с его странными друзьями, странными врагами и странными событиями, которые разворачиваются вокруг этого парня. Покончено с жертвами, принесёнными невесть во имя чего, в наказание за то, что она подошла к Марку слишком близко.

Что потом? Потом она вернётся в столицу. Продолжит борьбу. Сейчас отличный момент — если Родион Долгов и его приспешники в Империи, заняты новыми проблемами, значит, им не до Альянса. Скорее всего, власть сейчас у Белецкого, и это проблема, которую она намерена решить.

Вот только сначала отдохнёт тут хотя бы полдня. Она заслужила.

…платье она выбирала долго, не менее получаса. Выбирала бы и дольше — Сара вошла во вкус — но в магазине на неё уже начали поглядывать. Как она и ожидала, да — это смотрелось странно. Кто-нибудь мог бы вглядеться повнимательнее, узнать в ней ту самую Сару Крамер, и…

…по счастью, любые вопросы сразу пропали, как только она достала деньги. Повезло всё же, что у этого напыщенного аристо была не карточка. И что в Морбреге в любое время суток можно поменять имперские деньги на местные по текущему курсу.

Что ж, теперь она чувствовала себя… по-человечески. Что там дальше по списку, кафе? Найдя подходящее местечко, Сара уселась за столик с видом на набережную.

— Кофе без сахара, — обворожительно улыбнулась она официантке. — И половинку грейпфрута, пожалуйста.

Совсем не её манеры, совсем не её диета. Но иногда приятно расслабиться.

Почему она заказала именно это? Вчерашние буррито испарились как сон, и организм требовал чего-то ещё. Чего-нибудь вроде большой пиццы или в этом роде. Но… нет, Сара и сама точно не могла сказать, почему оставила это на потом.

Она никуда не торопится, так? Начать с кофе… потому что это красиво. Потому что это краешек той жизни, которой у неё

никогда не было, сколько она ни мечтала о ней.

Осторожно приподняв очки, она глянула на морской берег. Здесь всё-таки красиво. Солнечно, тихо, и море спокойное…

С Морбрегом девушку связывало много воспоминаний — всё-таки они с братом бывали здесь относительно часто. Самый настоящий курорт, с пляжами, морем, концертами и так далее — не за тридевять земель, а здесь, по цене обычного автобусного билета! Отдыхали, конечно, «дикарями», но от души и со вкусом.

Сейчас в её распоряжении был туго набитый бумажник, она могла зайти во все кафе, во все магазины…

…а Макса рядом не было.

А утро точно удалось?

— И… девушка, принесите ещё, пожалуйста, пиццу пепперони, — бросила она, когда к ней подошла официантка с кофе и грейпфрутом на блюдечке. — Большую.

Желание играть в красивую жизнь как-то разом испарилось, уступив место мрачным воспоминаниям.

Нет, нечего ей тут задерживаться. Сейчас доест, ну, может, пройдётся по набережной — и сразу в столицу. Там и так, наверное, гадают, куда она пропала. А может, и ещё хуже — вдруг Белецкий закрутил гайки?

…Сару разрывало двойственное ощущение. С одной стороны, чувство долга звало её в столицу. Память о брате, память о сотне ребят, погибших ни за что, не отпускали её. С другой — солнце, курорт, деньги в кармане…

Просто пройтись по набережной. Купить мороженное — если после пиццы ещё что-то влезет. Посмотреть на все эти туристические аттракционы… и сразу на вокзал. Домой и за дело.

Девушка медленно подошла к парапету и поглядела на море. Спокойное, тихое. Как будто ничего не происходит. Словно…

…отчаянный визг тормозов вырвал её из размышлений. Отпрянув в сторону, Сара перепуганно посмотрела вперёд, туда, где мчался разукрашенный грузовик с изображением эскимо на боку. Скорость, с которой он нёсся, его безумная траектория, ледяной след, что он оставлял за собой — всё говорило о том, что творится какое-то безумие.

Но кое-что другое говорило об этом красноречивее. Ей показалось, или за рулём и правда сидел… Марк?

Рассмотреть как следует она не успела. Фургончик пролетел мимо неё, как стрела — а через двести метров неожиданно повернул и нырнул прямо в море.

…что?

У Сары закружилась голова. Что происходит? Какого чёрта? И во что опять вляпался этот Марк Ротт?

Так, спокойнее, спокойнее. Это ведь не её дело, так? Пусть Марк Ротт с друзьями угоняют фургоны, пусть топятся в Остзейском море — плевать. Её дело сейчас — идти на вокзал и брать билет до дома…

Решительно развернувшись, Сара зашагала в другую сторону. Не думать о Марке Ротте. Не думать о нём — и всё…

Как будто это так просто.

— Спокойно, — Сара вздрогнула, услышав этот голос, и быстро отвернулась к парапету. — Далеко они не уйдут.

Краем глаза она видела остановившуюся рядом машину, вышедших из неё людей. Если только те вглядятся в её фигуру — то…

По счастью, и Карлов, и Укольцев, и те, кто был с ними, смотрели совсем в другую сторону.

— Мы знаем, где они, — подтвердил вслед за напарником Укольцев. — Или, точнее, куда они направятся.

— Здесь были трое, значит, остальные двое там, — Карлов смотрел вдаль, туда, откуда машина сиганула в море.

Что они здесь делают?.. Когда Сара видела этих двоих в последний раз — агенты были надёжно связаны по рукам и ногам, и Рубан разговаривал с ними «по душам».

Видимо, не так уж и надёжно.

— А что насчёт заложника?

— О, насчёт него не бойтесь, — произнёс ещё один голос, незнакомый. — Он-то за себя постоит.

— Тогда по коням, — определился Укольцев. — Подберёмся поближе, выждем, пока они соединятся — или Рубан сообразит, что к чему — и возьмём их всех разом.

…чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

Кажется, вокзал пока отменялся.

* * *

На самом деле, это было не так-то просто — делать вид, будто ты невозмутим и всё в порядке.

Нет, Ивана уже захватывали в плен в его жизни. Более того — его даже пытали, хотя он и умудрился стереть это воспоминание из своей памяти.

Эти трое… они были не похожи на Пашу, вообще на тех, кто собирается прибегнуть к пыткам. Но Иван прекрасно осознавал: непохожесть не означает, что этого не случится.

Сидящий перед ним парень-ровесник со слегка растерянным лицом — Марк Ротт. Аристократ, формальный правитель Альянса

Пяти, человек, обвинявшийся в убийстве Императора и виновный в осквернении столицы Империи. На словах он, может, и хочет всё вернуть на место, всех спасти… но то на словах.

Иван отлично помнил, как на его глазах этот тип превратился… в тёмная пятно. Чёрная дыра в форме человека, настолько оглушительный мрак, что глаза было больно на него смотреть.

Разумеется, это была скверна внутри него. Из-за своей связи с Силой он видел её яснее остальных… а сам Ротт, судя по тому, как он отворачивал от него лицо, видел его Силу.

Нет, что бы он ни сказал — доверять ему нельзя.

— Хочешь спасти столицу? — усмехнулся Иван. — Давай. Вываливай то, что знаешь, мне, я передам в КОБР, и мы сделаем всё сами. А ты и так уже сделал достаточно, так что…

— Доверить спасение Империи республиканцам? — хмыкнул высокий мужчина лет сорока, тот, что двинул его в лицо перед тем, как схватить и закинуть в холодильник на колёсах; Рубан, кажется. — Ты нас за идиотов держишь? Или, думаешь, мы не знаем о том, что вы начали войну?

Иван пожал плечами.

— Я лично ничего не начинал… да и прекратить тоже не могу. Согласен, война объявлена. Но мы не собираемся трогать мирное население, да и снять заслон скверны в наших интересах.

Он снова перевёл взгляд на Марка Ротта. С тех пор, как тот выключил свой навык, тёмная аура исчезла, и он видел парня человеком… но всё же было в нём что-то. Что-то такое.

Нет, остальные не лучше. Агент УБИ есть агент УБИ, он способен на всё. Не со зла, а просто работа у него такая. Элиза Белецкая… ещё один лидер нации. Занесло же его в эту компанию! Что ж, она политик, а политикам Иван не доверял. Даже таким юным и соблазнительным.

— Ладно, — Рубан уселся на ближайшее бревно, подозрительно косясь на него. — Мой план всё равно основан не на твоей сговорчивости.

Иван улыбнулся и откусил от эскимо. Главное — не показывать виду, что ему действительно не по себе; в конце концов, и не через такое проходил, да и к тому же…

…голова у парня закружилась так внезапно, что он и сам не успел понять, что произошло. Эскимо выпало из его руки; тело скользнуло с бревна на мокрый, просоленный песок — и Иван Свердлов потерял сознание.

…

…

…

— СЛУШАЙ ВНИМАТЕЛЬНО.

А? Иван поднял голову. Зрелище-то привычное — Сила стояла перед ним, светясь и мерцая. Вот только почему сейчас, и как…

— МНЕ ПРИШЛОСЬ ВЫДЕРНУТЬ ТЕБЯ ИЗ РЕАЛЬНОСТИ, ЧТОБЫ СВЯЗАТЬСЯ. СЛИШКОМ ДАЛЕКО. У МЕНЯ МАЛО СИЛ И ВРЕМЕНИ.

— А просто… дождаться, пока я засну — не вариант? — покачал головой Иван. Впрочем… ответ он уже знал.

— ЭТО СЛИШКОМ СРОЧНО, — ответила Сила. Если приглядеться… да, её мерцание было слабее, чем обычно. Она не лжёт — ей и правда тяжело связываться с ним на таком расстоянии.

— Говори, — согласился Иван. Если вопрос так серьёзен — лучше не отвлекаться на лишние расспросы.

— ИДИ ВМЕСТЕ С МАРКОМ РОТТОМ. ПОМОГИ ЕМУ СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ОН ЗАДУМАЛ.

Ого. Так сразу? А это точно не какой-то фокус?.. С другой стороны, какой фокус смог бы узнать о его связи с Силой?

— Ты уверена? — уточнил Иван, глядя на свою собеседницу. — Он полон скверны, он…

— ОН НЕ СЛУЖИТ СКВЕРНЕ.

— Он сам почти как скверна, — хмыкнул Иван. — Я видел его во время боя.

— СКВЕРНА ВЫБРАЛА ЕГО. НО ОНА ОШИБЛАСЬ. ОН СЛУЖИТ НЕ ЕЙ, ОН ПРОТИВ НЕЁ. ПОДДЕРЖИ ЕГО.

— Хорошо-хорошо, босс, — кивнул Иван. — Вот только что мне делать?

— ДОБЕРИСЬ ДО МЕНЯ. ДО САТО. СЛЕДУЮЩАЯ ЧАСТЬ У НЕГО.

— Следующая часть чего?

— МАРК РОТТ ЗНАЕТ, ЧЕГО. СКАЖИ ЕМУ. ОН ПОЙМЁТ.

Иван пожал плечами.

— Ладно… это всё.

— НЕТ. ВАМ НУЖНО ПОТОРОПИТЬСЯ.

— Не знаю, заметила ли ты, — усмехнулся парень, — но в настоящий момент я в положении пленника, которому могут не поверить. Трое моих пленителей сидят на берегу без транспорта, а все КОБРовцы Морбрега ищут нас. Добраться до Республики быстро едва ли получится.

— ПРИДЁТСЯ, — отрезала Сила. — КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРОМЕДЛЕНИЯ — ЖЕРТВЫ.

Вспышка — и перед глазами Ивана понеслись видения. Как кадры кинескопа, одно за другим.

Солдаты в форме Республики против солдат в форме Империи.

Битва. Масштабная. Трупы.

Трупы… встают? Глаза светятся тёмным огнём.

Фигура над всем этим. Тёмная, высокая. Это не Марк Ротт, это кто-то другой.

Людей всё меньше. Осквернённых всё больше…

— СДЕЛАЙ ЭТО. БЫСТРЕЕ. ТАК БЫСТРО, КАК СМОЖЕШЬ.

…

…

…

Иван потёр затылок, поднимаясь. Силе легко говорить. Просто сделай — и всё тут. Её голос ещё звучал у него в ушах, когда он счищал налипший на волосы песок.

— Эй, что это было? — все трое стояли возле него; Рубан глядел на него скептически, Элиза Белецкая скорее удивлённо, Марк Ротт немного взволнованно.

— Так, — пожал плечами Иван, всё ещё злой от того, что на него в очередной раз возложили сверхважную миссию по спасению мира, о которой он не просил. — Кое-кто связался со мной.

— Че-го? — раздельно произнёс Рубан, подняв бровь. — В последнее время вокруг меня одни экстрасенсы.

…и как ему сделать то, что она сказала? Откуда взять транспорт, как попасть в Республику, и главное — как провезти туда людей, который арестуют, как только они пересекут границу страны, а то и ещё раньше?

Ладно. Начнём с самого простого.

— И этот кое-кто, — Иван повернулся к Марку, — передал кое-что. Послание. Для тебя.

— Послание? — теперь уже удивился Марк. — Ну… говори, наверное. Что за послание?

— Мне сообщили, — чуть помедлил Иван, — где… Следующая часть. Вроде как, ты должен знать, что это значит.

Глава 17

Рубан, Элиза, наш пленник — все смотрели прямо на меня, не мигая и не отводя глаза. И у каждого во взгляде читалось что-то своё.

Рубан буквально сигнализировал — «Ротт, ну ты же не настолько дебил! Нельзя доверять первому встречному только потому, что он сказал то, что ты хочешь услышать!». Да, пожалуй, он прав. Узнать, говорит ли парень правду, невозможно, и если он просто врёт, желая выкрутиться… То, доверившись ему, мы можем поставить крест на всех своих планах.

В глазах Элизы можно было увидеть скептицизм — и усталость. Не привыкшая к подобному потоку приключений, к моему безумному ритму, девушка просто хотела одного: чтобы всё закончилось. И если это — наш шанс сделать всё быстро и легко… то надо просто сказать «да» и отправляться дальше.

Сам же пленник глядел на нас с показным равнодушием. Слишком фальшивым, чтобы я поверил, что ему всё равно. Нет, у него тут свой интерес… вот только какой? Обмануть нас — или что-то большее?

— Ротт, — с лёгкой угрозой в голосе начал Рубан. — Ты же не собираешься…

Я пожал плечами. Что ж, я видел этого парня во время боя, когда применял Сдвиг. А ещё…

Я видел его во время этого короткого и странного обморока. Видел его фигуру, видел, как она мягко — куда слабее прежнего — начала светиться… И видел фигуру, стоящую рядом. Бледную, то и дело пропадающую. Казалось, для фигуры, сотканной из света, было сложной задачей оставаться рядом с ним.

Никакого разговора между ними я, увы, не слышал. Но в том, что некий разговор между этим парнем и кем-то состоялся — не сомневался.

— Так, ладно, эээ… — я с вопросом посмотрел на парня.

— Иван, — бросил тот. — Я разве забыл представиться? Ну, простите, где мои манеры. Обычно я представляюсь тем, кто похищает меня и везёт в холодильном фургончике.

— Ладно, Иван, — кивнул я. — Давай без экивоков, по конкретике. Что ты предлагаешь, чего ты хочешь и так далее?

Рубан, стоящий за его спиной, замахал руками, но, на мой взгляд, он нервничал и перестраховывался. Что будет от того, что я просто спрошу? Вопрос не принуждает меня тут же следовать его плану.

— Я знаю, где следующая часть… чего бы то ни было, —

сообщил тот.

— Так ты даже не знаешь, что мы ищем? — теперь и Элиза глядела на него с недоверием. — Что за чушь…

— Я передаю то, что мне сказали.

— Да брось, — фыркнула девушка. — Ты тут комедию ломаешь. Не было никакого разговора…

— Был, — подтвердил я. — Был.

Рубан и Элиза изумлённо посмотрели на меня.

— Чёртовы экстрасенсы, никуда от вас не деться… — скептически проворчал Рубан. — Ладно, допустим. И где же… эта заветная и загадочная вещь?

— В штабе корпорации Сато, — отозвался Иван. — Или под ней, если точнее. Там, где обитает Сила.

Мы переглянулись. Пока это всё тянуло на выдумку или бред. Но, с другой стороны — разве не бредом было всё, что творилось вокруг меня в последние недели?

— Почему именно там? — потребовал я.

Иван лишь пожал плечами.

— Знаю, знаю, тебе передали, ты говоришь нам, — я поднял ладонь. — Но что это за место, какая Сила там обитает…

— Насколько я понимаю, — усмехнулся он, — ты встречался со Скверной лично.

Я кивнул.

— Ну, вот, — подытожил он. — А там — её неискажённая версия. Сато держит её взаперти, чтобы не натворила чего…

— Мудрый человек, — вставил Рубан.

— …а я общаюсь с ней. Можно сказать, её доверенное лицо.

Я долгим, оценивающим взглядом пробежался по фигуре нашего пленника — с головы до ног.

— Так ты, можно сказать, мой антипод? — заметил я.

— Можно сказать и так, — кивнул Иван. — Добираться к Сато будем, или останемся здесь сидеть? Мороженого ещё много, если что.

— Так, стоп, — поморщился я. — «Будем»? Кто тебе сказал, что мы уже в одной команде?

— Ты сам предлагал мне спасти столицу Империи, — возразил Иван. — Ну, вот. Я не против.

— Даже если мы бы согласились на твоё захватывающее предложение, — со скучающим видом парировал Рубан, — то хочу тебя огорчить — мы не доберёмся дотуда вчетвером, на этом фургончике. Всё несколько сложнее.

— Конечно, — не стал спорить тот. — Поэтому просто дайте мне мобильник.

— Мобильник? — мы переглянулись.

— Мой от влаги отказал, — пояснил парень. — Может, у кого из вас работают? Я сделаю буквально один звонок, и Сато пришлёт вертолёт сразу, как сможет.

— …так, хватит, — отрезал Рубан. — А я ведь уже почти начал думать, не начать ли доверять тебе.

— Рубан… — начал было я.

— Что? — агент уставился на меня. — Прикажешь верить ему после такого дешёвого трюка? В УБИ даже стажёры выдумают что-нибудь получше.

— Можно подумать над вариантами, — я пожал плечами. Светящаяся фигура, что я видел, не давала мне покоя. Правда ли это — сама Сила, сестра Скверны?

— Вариантами? — Рубан был само недоверие. — Например?

— Например — ты же хотел использовать его как заложника, — съехидничал я. — Вот и используй. Оставайся с ним тут, угрожай ему пистолетом или чем там ещё, а мы с Элизой полетим к этому Сато.

— Издеваешься? — Рубан поглядел на меня. — Ты правда веришь, что прилетит какой-то вертолёт от какого-то Сато? Может, ты ещё и в пятьсот эскимо веришь?

— А твой план — до старости партизанить по лесам, не показываясь на глаза КОБРовцам? — рассердился я. — Тебе всё равно нужно, чтобы республиканцы вышли на нас, иначе какой во всём этом похищении смысл?

— Мне нужно, — покачал головой агент, — чтобы это произошло тогда, когда я хочу, там, где я хочу, и так, как я хочу. Ты не представляешь, как много значит, в нашем деле инициатива.

Разгорячённый этим спором, я хотел было сказать что-то ещё… но поздно. Как только Рубан замолчал — звуки шагов стали очевидны. Республиканцы шли, не скрываясь; сучья трещали у них под ногами.

— Чёрт! — пробормотал Рубан, затравленно оглядываясь по сторонам. — Если бы ты нас не отвлёк…

— То что? — я уставился на него. — Это твоя пресловутая инициатива? А может быть, план изначально был безумной идеей?

— Стоять на месте, — раздался совсем рядом с нами усиленный громкоговорителем голос. — Руки держать на виду. Не делайте глупостей, и никто не пострадает…

— Эй, там, стоять! — рявкнул Рубан, кидаясь к Ивану. — Это вы стойте! У меня заложник, и я…

Его рука машинально метнулась к кобуре… и ничего там не нащупала.

Я подбросил в руке пистолет, вытащенный парой секунд ранее. Нет, Рубан, может, и спец, заслуженный агент УБИ с огромным послужным списком за плечами… но в этот раз что-то явно пошло не так. И трюк с заложником, скорее всего, не сработает. Слишком большой перевес сил.

Шагнув вперёд, на самый берег, я приставил пистолет к своему же виску.

— Слушайте внимательно, — я не кричал, но говорил максимально громко. — Если вы пришли сюда, то, скорее всего, вы знаете, кто я такой. Если не знаете, то я поясню. Я — Марк Ротт, и я, нахрен, бессмертный.

КОБРовцы выходили из леса; в тёмной форме, с оружием в руках. Из-за масок на лицах было неясно, как они воспринимают всё моё выступление. Ну, ладно.

— Вы также знаете, что случилось в Империи сутки назад, — продолжил я. — Так вот. Если я выстрелю себе в голову — случится то же самое. Хотите рискнуть собой и всем Морбрегом?

Солдаты переглянулись.

— Блеф, — раздалось сзади.

— Карлов, — изумлённо обернулся Рубан. — Укольцев. Какого хрена…

— Ты не умеешь вязать верёвки, Рубан, признай это, — заметил Укольцев, выходя вперёд солдат, которые уже окружили нас плотным полукольцом. — Раньше их всегда вязала Баркер, но теперь её нет… а ты вяжешь узлы, которые распутываются за пять минут.

— Но мы тут не об этом говорим, верно? — улыбнулся Карлов. — Марк. Мы знаем тебя. Ты блефуешь, потому что ты совершенно не хочешь пожертвовать целым городом, полным невинных людей. Да ещё и в своей стране.

— Кстати, об этом, — холодно заметила Элиза, оглядывающаяся по сторонам. — О нашей стране. Вы же помните, что сейчас целитесь из автоматов в двух её фактических правителей?

— Правда? — хмыкнул Укольцев. — А может, госпожа Белецкая, вы отказались от этого титула, когда покинули с нами свою страну, отдав её зомби-версии собственного отца?

— Комедия, — мрачно хмыкнул Рубан. — Им плевать, кто ты, Элиза. Империи плевать на Альянс, Республике плевать на Альянс. Силы у вас нет.

— Эй! — дёрнулся я. — Блеф, говорите? А давайте проверим. Мне нужно лишь…

Именно в этот момент что-то вонзилось в меня сзади, и моё тело прошил многовольтный электрический разряд.

* * *

Сознание возвращалось медленно, нехотя. В этот раз я отрубился начисто, без видений — или же я забыл их. Открыв глаза, я медленно обозрел небольшую камеру. Рубан и Элиза сидели напротив, скрестив глаза и мрачно глядя на меня.

— Наигрался в супергероя? — кивнул Рубан. — Если бы ты не спёр мой пистолет…

— …то у тебя всё равно бы ничего не вышло, — заключил я, вставая и потирая саднящую голову. — Сам видел — этот Иван что кукла вуду, ему сложно нанести какое-то ранение.

— Давай я сам буду в следующий раз решать, что у меня вышло бы, а что нет, — пожал плечами Рубан. — Если, конечно, у нас теперь будет этот следующий раз — после твоих выкрутасов.

Я с лёгким стоном сел прямо. Камера была крохотной — три на три метра максимум. Окон не было, свет давала единственная тусклая лампочка на потолке, а дверь была массивной и металлической. Попали, блин. Впрочем… были ли у нас варианты? По тому, как быстро нас нашли…

Грохнул замок; мы все повернули голову в ту сторону. Дверь открылась, и на пороге появился человек лет тридцати в гражданском.

— Марк Ротт? — поглядел он на меня. — На выход.

Я посмотрел на Рубана, на Элизу, затем на вошедшего.

Э… ладно? Во всяком случае, это лучше, чем сидеть здесь. Может быть, найду какой-нибудь способ всем помочь. Может, сбегу и доберусь до Тины со Львом Дюбуа.

Кстати, о них. Внутри меня шевельнулась тревога. Если два КОБРовца выбрались… то что с ними? Не могли ли они прикончить эту парочку, уходя?

Конвоир вывел меня по ступенькам наверх; похоже, мы сидели в каком-то подвале.

— Сюда, — он подтолкнул меня к кабинету.

Что ж, допрос начался. Я шагнул к двери и распахнул её.

— Проходи, Марк, проходи, — улыбнулся Укольцев, глядя на меня.

…чёрт, и тут они.

Захлопнув за собой дверь, я без приглашения плюхнулся на стул и обвёл глазами всех троих людей в помещении. Кроме Карлова с Укольцевым, здесь был ещё один тип — пожилой, за шестьдесят, лысый, как коленка, зато с капитанскими седыми усами. Все трое были в гражданском — видимо, КОБР не спешил сообщать жителям и гостям Морбрега о себе.

— И на что вы надеетесь? — бросил я. — Что я буду работать

на вас или с вами — после того, что вы сделали? Серьёзно?

— А что, собственно, такое мы сделали? — пожал плечами Карлов. — Мы выполняли свою работу. Будь уверен, Рубан или Тина Шраут — не говоря уже про её деда — сделали бы то же самое, не задумываясь.

— Может быть, — я оставался равнодушен и непоколебим. — Вы делали то, что сочли нужным — убили кучу народу, попытались убить моих друзей, использовали Элизу и Сару и едва не заперли меня в бункере без еды на невесть какой срок. Отлично, молодцы. Знаете устав. Но вот завербовать меня у вас после этого вряд ли получится.

Укольцев хмыкнул.

— Не говори «гоп», пока не перескочишь, Марк. Один раз мы совершили ошибку — понадеялись на то, что после пары недель взаперти ты станешь сговорчивей. Недооценили тебя, правда. Но теперь… Рубан и Элиза всё ещё там, внизу, и остальные твои приятели тоже уже схвачены.

— Блеф, — сходу определил я.

— С чего ты решил? — даже обиделся, казалось, Укольцев.

— С того же, с чего ты понял, что я блефую там, на берегу, — заметил я. — Будь они у вас в руках — вы бы показали их мне, а не рассказали на словах. Для наглядности, чтобы быстрее соглашался.

— Довольно, — лысый старик тряхнул усами и привстал, глядя прямо на меня. — Карлов. Укольцев. Выйдите.

— Эээ… простите? — не поняли агенты.

— Вон, — он указал пальцем на дверь. — Хватит церемоний. Я поясню всё молодому человеку сам, один на один…

— При всём уважении, полковник, — возразил Карлов, — это наше дело, и у нас есть чёткие инструкции, как его вести…

— Вы уже провалили дело, когда позволили связать себя в бункере, — поморщился полковник. — И когда дали похитить нашего агента. Теперь предоставьте это мне.

Я лениво смотрел на всё это — во всяком случае, так это выглядело внешне. На самом же деле, я думал, и думал лихорадочно.

Первое: что республиканцам нужно от меня? Конечно, если сейчас я скажу «да», они нагородят мне кучу всего, но где гарантии, что мне скажут правду? Если я соглашусь работать на них — кому это навредит?

Второе: что я могу им возразить? При всём при том, Рубан и Элиза действительно у них. Даже если остальные на свободе — мы не можем штурмовать их подвалы. Или… можем?

Включить «сдвиг», сорвать с петель эту дверь. Что-то

подсказывало мне, что я смогу это сделать. Стрелять в меня они не посмеют, знают, что тогда случится… Могут попасть в Рубана и Элизу — но те, в конце концов, тоже не беззащитны…

Решено.

Сдвиг.

Я собрался, прикрыл глаза, активируя навык…

И ничего не произошло. Ну, кроме того, что на столе у полковника что-то запищало.

— Ха, — уничижительно фыркнул он. — Серьёзно, господин Ротт?

— Что? — я поднял на него глаза.

— Здание изолировано, — заметил он. — От любых навыков. Только старое доброе оружие. А теперь — вы двое вон, а мы с вами поговорим, кому вы будете подчиняться и какие у вас гарантии…

В дверь решительно и громко постучали. Снова. Карлов с Укольцевым уже встали, но не успели дойти до неё; полковник поглядел на дверь с удивлением — кажется, он никого не ждал.

А затем дверь распахнулась.

Глава 18

— Вы? — пропыхтел полковник, привставая над столом. Его локти растопырились в сторону, делая его больше — примерно так расправляет капюшон над своей жертвой кобра, одновременно поднимаясь вверх; даже усы полковника сейчас, казалось, зашевелились, тоже по-своему угрожая.

— Я, — согласился Иван, заходя в кабинет.

— У меня тут допрос, а не проходной двор… — вскипел офицер.

— Ага, — не удержался я. — Меня допрашивают. А у тебя что-то срочное, или подождёшь, пока мне вырвут ногти?

— С удовольствием дождался бы этого момента, — пожал плечами Иван, — но — да, срочное. Полковник — вас к телефону.

С этими словами он протянул ему смартфон.

Шагом разъярённого кавалериста полковник вышел из-за стола (при этом оказавшись в рост где-то по плечи Карлову и Укольцеву) и, грозно впечатывая ботинки в красный ковёр на полу, прошествовал к Ивану. Трубку он у него из рук вырывал таким движением, каким берут подписанный документ о капитуляции у побеждённого врага или изымают у преступника неопровержимое доказательство его вины. Казалось, он весь — Власть, и сейчас только он решает здесь, кому жить, а кому — умереть.

— Да! — прокаркал он в трубку, прижимая её к уху слишком сильно, как будто хотел раздавить. — Да, это я, а кто…

А затем — как по щелчку тумблера — всё кончилось. Как будто Власть превратилась в Услужливость, мелкую и лебезящую.

— Да, — сообщил полковник уже совсем другим тоном. — Да-да. Конечно.

Он моментально вытянулся в струнку; свободная рука была также прижата к боку в идеально ровном положении. Странно, учитывая, что собеседник его не видел — но, похоже, сказывалась многолетняя армейская привычка.

— Вас понял, — кивнул он. Карлов и Укольцев, всё ещё стоящие у дверей, но так и не покинувшие его кабинет, переглянулись. Ха!.. Интересно было бы посмотреть на них в такой ситуации. После попытки убить моих друзей и запереть меня в Арке я не испытывал к ним никакой симпатии, но… отчего-то мне казалось, что они — полевые агенты, повидавшие всякого, а не штабные офицеры на тёплом (в буквальном смысле слова) местечке — повели бы себя достойнее.

— Конечно, — продолжал, тем временем, полковник, чьи усы

поникли и теперь покорно смотрели вниз. — Я всё обеспечу, господин Сато. Как скажете.

Господин Сато? Я глянул на Ивана, но тот лишь загадочно улыбался. Что он успел устроить за это время, что мы сидели в подвале? И… неужели он всё-таки на нашей стороне?

Наконец, полковник кивнул в последний раз — и с видом потрясённого страдальца, потерявшего веру в человечество, протянул телефон обратно Ивану.

— В-вас, — сообщил он, оставаясь на месте.

— Да, господин Сато, — Иван спокойно прошёлся обратно к двери. — Проследить?.. Разумеется, прослежу. Ваш приказ выполнят точно и без косяков, не сомневайтесь. Это и в моих интересах, в конце концов.

Он, не торопясь, сбросил звонок… и обвёл глазами всех нас, находящихся в помещении.

— Ну что, господа? Возможно, стоит не стоять на месте, а заниматься делом?

Полковник снова закивал — с такой быстротой, какую в этом теле сложно было подозревать.

— …кто такой этот Сато? — я старался ничем не выдать своего изумления от произошедшего, а потому бросил эту фразу идущему рядом Ивану максимально буднично.

— В смысле? — а вот он посмотрел на меня действительно удивлённо. — Ты не знаешь, кто такой Рюдзи Сато? Глава корпорации «Сато»?

— Понятия не имею, — честно признался я. — То есть — как. Конечно, я слышал это имя в новостях, время от времени, и я знаю, что где-то в Республике есть влиятельный бизнесмен с таким именем. Но кто он такой конкретно, чем занимается, а главное, почему полковник КОБР при разговоре с ним вытягивается по стойке «смирно»…

— Разведка, — пояснил Иван. — Сато принадлежит корпорация, которая занимается разведкой, слежением, сбором информации… и контроль.

Ха. Интересный складывался образ. Понятно было, что Сато — азиат, но почему-то в моём сознании тут же всплыл облик незабвенного Родиона. Тот тоже был подобным пауком — сидел себе в уголочке да плёл паутину, запутывая в неё всех и вся, что попадётся на пути.

— Плюс, технологии, — продолжал Иван. — Сато владеет научными лабораториями, заточенными… под его область.

— В общем, он один из влиятельнейших людей в стране, я понял, — кивнул я. — Да ещё и сама Сила заперта у него в подвале.

— Звучит забавно в таком варианте, — усмехнулся Иван. — Но да. В подземном святилище, если быть точнее.

— Святилище? — я приподнял бровь. — Он что, молится ей?

— Он делает всё, чтобы наладить с ней контакт, — пояснил мой собеседник. — Хватается за любые шансы, потому что считает, что иначе Сила опасна для мира. Я — один из этих шансов.

Звучало запутанно, но… ладно, пусть.

— Получается, — заключил я, — что Сато владеет КОБР? Ведь слежение — это именно их епархия.

— Корпорации не владеют государственными структурами, — на лице парня повисла странная улыбка — видимо, он думал о чём-то своём, неизвестном мне. — Так, по крайней мере, считается. Не столь давно они пытались надавить на корпорации, напомнить им об этом…

Я молчал; он щёлкнул пальцами.

— И вот что вышло — результат ты видел сам. Одно слово Сато, и…

— У вашей власти всё настолько плохо? — удивился я.

— Может быть, другие корпорации действительно потеряют во власти, но не Сато, — Иван пожал плечами. — Кто поставляет КОБР все передовые технологии? Сато. Кто даёт властям инструменты для контроля над населением? Сато. Кто добровольно ограничивает свою же власть, тем самым выказывая им лояльность? Снова Сато.

— Я понял, понял, — закивал я. — За последние две минуты я больше раз услышал слово «Сато», чем за всю предыдущую жизнь.

— Да, — подытожил Иван. — Вот и выходит, что власти не могут отказать ему… в маленьких просьбах.

Ага. Кстати, об этом. Я расспрашивал Ивана про Сато, ходил вокруг да около — но так и не коснулся главной темы.

Что именно этот азиат приказал со мной сделать?

Вроде как, не казнить и не пытать — иначе я бы уже узнал об этом. Прямо сейчас мы ехали в бронированной машине по улицам Морбрега, но из-за наглухо затемнённых стёкол я даже не видел, где мы.

Мне до ужаса хотелось узнать — что же мне предстоит? В конце концов, Иван отвезёт меня и уберётся, а мне дальше с этим жить. Но спросить сейчас напрямую значило потерять лицо.

Иван говорил спокойно, дружелюбно… но он явно не забыл, как только пару часов назад мы двинули ему в лицо и запихнули в холодильник. Пусть даже это был не я лично — пока я не мог доверять ему.

Потому оставалось лишь выспрашивать намёками и вытягивать информацию по капле.

— Впрочем, — парень заметил мою заминку, — скоро ты сам получишь шанс познакомиться с ним.

— С Сато?! — а вот и ответ… и, если честно, я не знал, нужно ли мне это. Если Сато действительно сродни Родиону или старухе Дюбуа… то такие встречи для меня никогда хорошо не заканчивались.

— Ага. Его очень заинтересовало твоё дело.

— Так мы что… едем в Республику? — изумился я.

— Пхах, — фыркнул Иван с таким видом, будто я сообщил ему что-то невероятно смешное. — Шутишь, что ли?

— А что не так? — осторожно уточнил я.

— Ты — атомная бомба на ножках! Без обид, ладно? — Иван поднял ладони. — Но это было первое, что Сато мне ответил. У всех спецслужб Республики сейчас приоритет номер один — делать что угодно, пренебрегать любыми другими интересами, но не пускать тебя на территорию нашей страны.

Ну… да. Наверное, это было логично. И обидно. И всё равно логично.

— То есть, он приедет сюда, — кивнул я.

— Да, — подтвердил Иван. — Как только сможет. А до тех пор тебя разместят со всеми удобствами, и твоих спутников тоже — для того, чтобы не портить отношения.

— Разместят, — хмыкнул я. — То есть, я всё ещё пленник?

— Гость, — дипломатично поправил меня Иван.

— Пленник, — покачал я головой. — Почётный, но всё-таки пленник.

* * *

Хвойный лес был насквозь пропитан приятным смоляным ароматом; вокруг светило солнце, чьи лучи пробивались через хитросплетения веток и красиво ниспадали на траву; самозабвенно пели птицы.

На этом плюсы ситуации, собственно, и кончались.

— В город нельзя, — констатировала Тина и так всем понятную вещь. — Там наверняка уже знают, кого искать, и если только нас увидят…

— Ч-чёрт, — Сара, не сдерживаясь, пнула ближайший ни в чём не повинный пенёк. — Связалась же с вами… Если бы не этот чёртов Марк — я бы села на автобус и уже сейчас была бы на полпути к столице. Нет, если бы не грёбаный Марк — я бы

вообще здесь не оказалась!

— А тебя здесь никто и не держит, — заметил Лев. — Лицо Тины знает любой КОБРовец, меня тоже опознают быстро, а ты…

— Может быть, ты не в курсе новостей, — злобно нахмурилась Сара, — но я тоже слегка засветилась в Альянсе. И вообще — где хоть немного благодарности? Если бы я не успела вас предупредить — вы бы уже были схвачены.

Лев пожал плечами.

— Я благодарен, правда. Но, по-моему, ты свою известность преувеличиваешь. Серьёзно, хочешь вернуться к себе — возвращайся.

Сара едко посмотрела на него.

Да уж. Не сглупила ли она, пожертвовав возможностью убраться отсюда ради двух малознакомых аристо?

Нет. Она сделала это не ради них, напомнила она себе. Ради того, чтобы они успели вынести эти штуки — две громоздкие базуки, которые сейчас лежали на траве. Основа для оружия, которое уберёт скверну из столицы Империи.

Какое ей было, собственно, дело до Империи?.. Сара и сама не знала. Наверное, её вело то же чувство, которое заставило её лезть на баррикады и устраивать протесты — чувство обострённой жажды справедливости.

История ведь повторяется снова и снова. Один аристократ — Марк Ротт — летит в Империю, чтобы добиться своих важных целей. Другой аристократ — Мадлен Дюбуа — пытается ему помешать. Аристократы с одной стороны, аристократы с другой стороны, Император… Каждый считает себя правым, победитель зачисляет себя в герои, проигравший — в мученники…

А страдает в итоге простой народ. Обычные люди, населяющие столицу Империи; обыватели, мужчины и женщины, дети и старики. Больнее всего это бьёт по ним.

— Вы же в курсе, что Республика вот-вот нападёт на Империю? — зачем-то невпопад спросила она.

— Да, — мрачно отозвалась Тина. — Но тут, боюсь, мы ничего не сможем сделать. К сожалению, чудо-артефакта, который бы успокоил две враждующие армии, ещё не изобрели.

— Уверена? — Лев поглядел на неё. — Императорская печать.

— Она помешала тебе сейчас строить планы против Императора? — парировала Сара.

— Сара права, — кивнула девушка, доставая из кармана сигарету — и тут же пряча её обратно. Курить хотелось невероятно, но всё-таки выжить хотелось больше, а потому нельзя было допустить, чтобы их нашли по окуркам, дыму или

зажжённому огоньку. — Допустим, имперцев Печать успокоит. Допустим, только допустим, потому что на деле всё будет куда сложнее. Но что делать с республиканцами?

Лев пожал плечами.

— Возможно, если успеть заранее…

— Никуда мы не успеем, — Сара уселась на тот самый пенёк, который недавно пинала, и скрестила руки на груди. — Да и не наше это дело — заниматься разборками между двумя сверхдержавами. В принципе, даже выправлять косяки Марка — тоже не наше дело, просто… так вышло, что в него мы уже впряглись.

На заросшей хвоей и кустами полянке повисло молчание; Лев молча подкидывал в воздух сосновую шишку и ловил её, Тина снова крутила в руках пачку сигарет, Сара просто сердито смотрела в никуда…

— Ладно, — в очередной раз засунув курево во внутренний карман, произнесла Тина. — Давайте спокойно: какие у нас варианты?

— Морбрег отпадает, — отшвырнув шишку подальше, загнул палец Лев. — Там нас ищут, и если мы только попробуем сунуться — схватят.

— Значит, отступаем? — Сара поглядела на него. — К столице Альянса? Или обратно в Империю?

— Предлагаете бросить их? — Тина помотала головой. — Нет. Нет, это как-то неправильно, и…

— Лично я ничего неправильного в этом не вижу, — спокойно пожал плечами Лев. — Да, я понимаю, Тина — они твои друзья, тебе хочется, чтобы всё закончилось хорошо. Но это война, и нужно чем-то жертвовать.

— Хорошо, — теперь уже Тина обозлённо поглядела на него. — Допустим, нам удалось удалиться от Морбрега и нас не схватили, не заметили, не отправили погоню. Что дальше? Вернёшься в зачумлённую столицу? Пойдёшь бить республиканцев? Или свергать Люция?

— Постараюсь выйти на кого-нибудь, кто думает так же, как и я, — парировал Дюбуа. — Не пойми неправильно, Тина. Я не холодный красавчик из аниме, которому плевать на всех окружающих; я не знаю ни Рубана, ни Марка — но вовсе не хочу им смерти. Но в одиночку, в этом лесу… мы попросту ничего не сможем сделать. Даже просто выжить.

Снова повисла пауза. Все понимали правоту друг друга, все понимали собственное бессилие… и это бесило. Как дошло до этого? Как так получилось, что против всего мира — они трое?

Сара пожала плечами.

— Меня не касаются ни война, ни Император. Помочь со скверной… да, я хотела бы. Но если для этого придётся жертвовать всем — то я, простите, не готова. У меня ещё своя война не закончена. И мне нужно в столицу Альянса, чтобы её продолжить.

Тина и Лев переглянулись.

— А что, если? — пробормотал Дюбуа. — Добираемся дотуда вместе. Свергаем Белецкого при помощи этих штук, которые вычищают скверну, а затем — мы уже не одни, можно спасать Империю!

— Что?! — Сара, закипая, привстала и уставилась на него. — Как всегда, да? Как всегда, Империя использует мою страну в своих интересах, как простой инструмент? Думаешь, я правда соглашусь на это?

— Тихо, — нахмурилась Тина.

— Конечно, заткни меня, — прошипела Сара, отступая на два шага назад. — А я… какая же я идиотка. Для вас я всего лишь простолюдинка из Альянса, так? И…

— Нет, правда, тихо, — зашептала Тина, замахав руками. — Кто-то идёт.

Сара осеклась, расширив глаза.

— Ну как? — раздался из-за её спины старческий скрипучий голос. — Прохлаждаетесь тут? Уже дозрели до разумных решений, или хотите ещё побегать по лесам?

Обернувшаяся девушка неверяще смотрела, как на поляну выходит самодовольно улыбающийся Родион.

Глава 19

Как летело время? Медленно, чертовски медленно. Вернее было бы сказать, что оно не летело, а тянулось, как улитка, размазывая каждый час по моему сознанию, растягивая всё происходящее. Прошло каких-то четыре дня, но к началу пятого я уже чувствовал себя так, будто просидел в своей «почётной тюрьме» несколько долгих лет.

Больше всего угнетала даже не невозможность выйти, а то, что мы ничего не знали о происходящем снаружи. КОБР выполнили распоряжение господина Сато и переселили нас из сырого подвала в неплохой двухэтажный особняк с забитым холодильником, душевой кабинкой и полным шкафом DVD… Но здесь по-прежнему не было никакой связи, никаких новостей по телевизору, и даже окна (закрытые наглухо) выводили на потрясающе красивое, но совершенно безынформативное хвойное побережье.

И Рубан, и Элиза полностью разделяли моё состояние. Их так же тяготило всё это, и они так же ничего не могли с этим поделать. Больше всего, понятно, ярился Рубан — после информации о том, что между его страной и Республикой вот-вот начнётся война.

— Я говорил, что эти лживые ублюдки отреагируют на исчезновение всей скверны с территории Альянса!.. — он ходил по комнате, как тигр по клетке, меряя шагами дорогой ковёр. Помещение, похоже, имело тройное назначение — его можно было использовать и как особняк для встречи дорогих гостей, и как место, где агент может залечь на дно… и как тюрьму, разумеется.

Почётную, само собой.

— Они отреагировали не только на это, — заметила тогда Элиза. — Появление Императора, скверна в столице…

— Да, — поддержал я. — Думаю, республиканцы сами перепугались до усрачки, вот и поспешили сделать первый шаг, чтобы хотя бы инициативу сохранить.

— Да кто им сказал, что Империя собиралась нападать? — ощетинился Рубан. — Нужны они нам больно…

— Старая Империя, может, и не собиралась, — спокойно ответил я. — А вот что до Люция… то, по-моему, он считает иначе.

Моё спокойствие тоже было внешним; я точно так же рвался наружу, к жизни, к новостям.

Что ж, они вернулись к нам утром пятого дня, вместе с

приходом Ивана.

— Сато сообщил, — вместо приветствия оповестил он всех нас, сидящих за столом, — он прилетает завтра. Где-то ночью или ранним утром… я решил зайти, предупредить вас.

Я молча кивнул; Рубан и Элиза никак не реагировали — только обменивались взглядами.

— Эй, — он нахмурился. — Я и так сделал, что мог. Я связался с Сато на свой страх и риск, я вытащил вас из того подвала, и самое главное — я позаботился о том, чтобы вы получили вторую часть… чего бы вы там не искали.

Рубан пожал плечами.

— Ну, допустим, спасибо, — бросил он, но его тон совершенно не выражал никакой благодарности.

— Лично я вообще ничего не искала, — заметила Элиза. — Никаких штук. Если твой Сато так всемогущ, почему было не настоять, чтобы меня просто отпустили обратно в столицу?

Так, ладно; этот цирк пора было заканчивать, тем более, что парень действительно сделал для нас всё возможное. На языке вертелось что-то вроде «Но ты, тем не менее, пошла с нами похищать вот его» — но я силой воли не дал провокационной фразе вырваться. Вместо этого я развернулся и как можно более непринуждённым тоном спросил:

— А что нового там, снаружи?

— Где конкретно? — уточнил Иван.

— Ты знаешь, где конкретно, — таким же тоном поддержал меня Рубан — но теперь в его глазах, по крайней мере, зажёгся огонёк заинтересованности. — В Империи, в столице…

— И в столице Альянса, — кивнула Элиза.

— Про Альянс не знаю, кажется, ничего нового, — Иван присел в кресло, — а в Империи… возможно, новости вас обрадуют. Возможно — и нет.

— Говори уже, — кивнул я.

— Наши пошли в атаку, — вздохнул тот. — Была большая битва… где-то у приграничья, но всё-таки на территории Империи. На следующий день после того, как вас сюда привезли.

— Какого чёрта? — не выдержав, вскочил Рубан. — Как ваши войска пересекли границу, почему их не остановили ещё в Альянсе?

Иван пожал плечами.

— Вот уж чего не знаю, того не знаю. Может, наши подкупили кого надо, а может, вашим просто было не до того, со всеми этими новостями. Но, в общем… битву мы продули. Подчистую. Одна из армий Республики полностью уничтожена, и дальше наши не рискуют соваться в Империю, выжидают.

— И почему эта новость должна нас обрадовать? — Рубан нахмурился. — Ничего не закончилось, первая битва — это только первая битва. И дай угадаю: теперь в Империи уже не один, а два осквернённых города, так?

— Там не город, поля… но да, — подтвердил Иван. — И… вот ещё. Битву вы выиграли не просто так.

Что-то в его голосе мне сильно не понравилось. В интонации.

— Император, — безошибочно угадал я. — Это как-то связано с ним, так?

— Да, — кивнул парень. — Он… в общем, он поднимал мёртвых. Всех — и имперцев, и республиканцев. Любая смерть на поле боле усиливала имперскую армию, так что…

Рубан промолчал. Было видно, что ему хочется сказать очень многое, но он сдерживался, чтобы не сорваться окончательно.

— Погоди, — кивнул я. — То есть, сейчас Император не в столице? Или он уже вернулся туда?

— Не знаю точно, — Иван мотнул головой. — Но могу узнать, если…

— …п**дец, — ёмко и коротко высказался Рубан, наконец, определившись с выражением. — Полный. Безоговорочный.

Пожалуй, в этом с ним было сложно спорить.

— А Родион Долгов? — уточнил я. — О нём что-нибудь слышно, проявлял себя как-нибудь?

— Родион Долгов? — повторил Иван, сощурившись. — Никогда о таком не слышал.

Счастливчик.

— Ладно, — кивнул я. — А что насчёт остальных наших? Тина Шраут, Сара и Лев Дюбуа…

— В бункере их не было, когда наши пришли туда, — подтвердил Иван. — Они ушли… и унесли оттуда то, за чем пришли.

— Ну хоть что-то хорошее, — проворчал Рубан.

— Да где уж тут хорошее, — заметила Элиза. — Если они партизанят сейчас по лесам, пятый день… Кто знает, что с ними сейчас и где они? Да и вообще — может, их схватили, просто ему, — она кивнула на Ивана, — не говорят, чтобы он нам не передал?..

Иван растерянно развёл руками — мол, об этом ничего не знаю.

— Сато приедет сюда завтра, очень рано, — он встал с кресла и поглядел на нас чуть виновато. — Надеюсь… вы сможете сделать то, что задумали.

— Тебе-то что? — хмыкнул Рубан. — Ты на стороне наших врагов, разве нет?

— А разве да? — парировал Иван.

— Ну, — Рубан покачал головой, — может, с твоей точки зрения всё иначе. Может, ты видишь себя хорошим парнем, помогающим делу мира и справедливости, вот только реальность однозначна. Республика напала на Империю, я на стороне второй, а ты на стороне первой.

— Я на стороне тех, кто предпочёл бы жить, не воюя и не мешая жить другим, — ответил Иван, направляясь к двери. — А вот вы… едва ли кто-то из вас действительно на одной стороне с осквернённым Императором-некромантом.

У нас не нашлось что ответить ему, и мы лишь молча глядели, как он выходит из помещения.

* * *

Господин Сато заявился к нам в двадцать минут пятого — и сумел удивить всех, даже невозмутимого и скептически настроенного Рубана. И дело тут было вовсе не в неудачном времени для визита.

На всякий случай, мы все не ложились спать, чтобы не пропустить появление высокопоставленного гостя. Всё то время, что я напряжённо сидел за столом, ожидая, когда раскроется дверь, у меня в голове вертелся его образ — тот, что я вообразил себе. Почтенный старик с азиатскими чертами лица; что-то вроде узкоглазого Родиона. И… может быть, это стереотип, но я почему-то представлял его себе в азиатской традиционной одежде, дорогом кимоно с узорами в виде лотосов, крадущихся тигров и затаившихся драконов.

Поэтому, думаю, я долго и с глупым видом хлопал глазами, когда входная дверь особняка раскрылась, и в прихожую вошёл…

Подросток. На вид ему было лет тринадцать или четырнадцать; одетый в дорогой костюм, но безо всяких украшений и узоров; за его спиной маячили четыре телохранителя, но решить, что Сато — это один из них, было невозможно. Массивные фигуры, костюмы почти что в обтяжку, не сдобренные особым интеллектом лица — нет, это были типичные охранники.

Ну, и к тому же из всех пятерых вошедших только подросток был азиатом. Я бы даже сказал, типичным японским школьником. Даже костюм на нём смотрелся чем-то вроде школьной формы.

Войдя, подросток бегло оглядел помещение, скользнул взглядом по Рубану, Элизе… и остановил свой взгляд на мне.

— Так вот ты какой вживую, Марк Ротт, — усмехнулся он. —

Совершенно не похож на человека, способного убить Императора. Знаешь, а ведь когда новость только появилась, я почему-то сразу подумал, что это на самом деле вовсе не ты.

— Эээ… — я попытался что-то ответить, но слова не шли на ум. — Спасибо… если это комплимент, конечно.

— Удивлены? — Сато вовсю улыбался, наслаждаясь произведённым эффектом. — Думали, что я выгляжу как-то иначе?

— То-о-очно, — вдруг протянул Рубан, хлопая себя ладонью по лбу. — Теперь я вспомнил. Феникс.

— Феникс, — подтвердил Сато. — Фэнхуан, если быть точнее. Я как человек, проживающий жизнь с нуля — старею по часам.

— Что? — удивилась Элиза. — Так вы тоже… вроде бессмертного?

— Вроде, только со своей фишкой, — согласился Сато. — Поэтому и был заинтересован в том, чтобы увидеть другого бессмертного лично. Уже третьего… после меня и Ивана.

— Развели бессмертных… — фыркнул Рубан, садясь на диван в прихожей.

— Если вы так хотели видеть меня, — нахмурился я, совладав с первым удивлением, — то могли бы прибыть и раньше.

— Прибыл так скоро, как только смог, — улыбка на лице Сато погасла. — Как видишь, мой график достаточно плотный, чтобы я сумел выбраться сюда только в это время, непригодное для обычных бизнес-встреч. Партнёры, хоть и знают о моей особенности… предпочитают, чтобы перед ними сидел взрослый человек. Я решил, что вы… менее консервативны, господин Ротт.

Он махнул рукой на ближайшую дверь.

— Госпожа Белецкая, господин Рубан. Я прошу у вас прощения за эту небольшую бестактность, но мне хотелось бы побеседовать с господином Роттом один на один.

— Милости просим, — проворчал Рубан.

— Не огорчайтесь, — Сато двинулся к двери, и я последовал за ним. — Уже к ближайшему рассвету вы будете совершенно свободны. Я позабочусь, чтобы вам предоставили транспорт и всё необходимое…

— А что насчёт обещанного? — напомнил я. — Гьяллархорн.

— Вот именно это, — кивнул подросток, — мы и обсудим один на один.

…дверь за нами захлопнулась. Все четверо охранников остались снаружи, но, судя по тяжёлым шагам, встали как раз у самой двери — чтобы никто из моих товарищей не вздумал подслушивать.

— И в чём причина такой секретности? — уточнил я, садясь в

кресло.

Сато спокойно оглядел помещение. Несмотря на то, что ему на самом деле было невесть сколько лет, его движения и взгляды действительно отдавали чем-то подростковым.

— В условии, — медленно заключил он, садясь напротив меня. — В условии, которое я вам поставлю, господин Ротт.

Я вопросительно поглядел на него.

— Когда-то давно — почти сто лет назад, — начал он издалека, — один мой старый друг сообщил мне о разработке проекта Гьяллархорн. Недавно почивший друг, насколько я узнал. Герберт Шраут.

Я приподнял бровь.

— Серьёзно? Глава УБИ и один из фактических правителей Республики — друзья?

— Жизнь, особенно такая долгая и насыщенная, порой разводит друзей очень далеко, — вот в этом вздохе я почувствовал вовсе не детские нотки. — Герберт… никогда не видел во мне республиканца. Он знал меня ещё выходцем из Азиатского Конгломерата, и резонно полагал, что Республика для меня — способ достижения целей, и не более.

— А ещё он знал о вас что-то такое, — хмыкнул я. — Как он говорил?.. Кажется, «то, что может разрушить жизнь в пыль».

— Знал, — не стал отрицать Сато. — Как и я о нём.

Он покивал своим мыслям и продолжил.

— Так вот. О чём я… одну из частей Гьяллархорна он оставил на хранение мне, вторую — вывез и вовсе в Конгломерат. Третья была припрятана здесь, под Морбрегом, и, кажется, вы уже заполучили её.

— Практически, — я решил не развивать ту тему, что Тина и остальные, заполучившие эту часть, сейчас обретаются невесть где.

— Так вот, — заключил Сато. — Вы спрашивали, почему я не приехал побыстрее. Отвечу: я улаживал вопросы. Убеждал правительство Республики, что война бесперспективна, и что их агрессия погубит всех. Приводил доводы. А кроме того… я послал своих людей в Конгломерат, за ещё одной частью Гьяллархорна.

Я вытаращился на Сато.

— Но вам-то это зачем…

— Я живу в этом мире уже очень давно, — поморщился он. — И, знаете, предпочитаю спокойствие. Я не миротворец, но я знаю, что такое война — а это, поверьте, очень неприятная штука. Особенно для деловых людей.

Он вновь улыбнулся задорной мальчишеской улыбкой.

— Итак, моё условие. Ваши спутники могут склонить вас к

решению, но я хотел бы, чтобы вы, господин Ротт, приняли его сами. Поэтому мы говорим наедине. Согласитесь — и я отдам вам обе части Гьяллархорна.

— А если не соглашусь? — уточнил я.

— Война мне невыгодна, но вот то, останется ли столица Империи заражённой или нет — абсолютно всё равно, — азиат пожал плечами.

— Ладно, — кивнул я. — Говорите своё условие.

— Итак, — удовлетворённо поглядел на меня Сато. — Я передам вам Гьяллархорн; вы завершите своё дело в Империи, очистите её столицу — если у вас получится, конечно. А затем вы должны будете сделать вот что…

…я слушал его условие молча, спокойно, но в моей голове метались сотни мыслей. Соглашаться? Не соглашаться? Но что тогда будет со столицей Империи? Сколько людей погибнет из-за того, что я решу настоять на своём?

С другой стороны, кто мне эти люди? С третьей… это ведь я виноват с том, что произошло, да и Люций…

Я помотал головой.

— Не спешите, подумайте, — кивнул Сато. — Поймите одну вещь: это нужно не только мне. Если вы вдумаетесь, господин Ротт, то осознаете: это и для вас наилучший выход. Только так вы сможете…

— Не надо распинаться, господин Сато, — вздохнул я. — Я согласен на ваше условие.

Глава 20

…в собранном виде «Гьяллархорн» представлял из себя… сооружение не больше трансформаторной будки. Просто металлическая коробка с окошками, прямоугольный свинцовый гроб, поставленный на попа. Аскетичный дизайн, из-за которого орудие против скверны можно было спутать с сейфом или древним компьютером — ровные стены, прямые углы, никаких светящихся кнопок и пищащих датчиков. Словом, ничего инопланетного.

Он стоял в кузове небольшого, но крайне выносливого пикапа, прикреплённый к нему строительными ремнями — ровно в том виде, в каком господин Сато доставлял его до нас. После нашего разговора столетний подросток попросту вручил мне ключи от автомобиля и сказал, что ни один агент КОБР на территории Альянса не станет препятствовать нашему отъезду, да и проезд через границу со стороны Морбрега останется открыт специально для нас.

Всё, что нас оставалось — это сесть в машину и ехать, покинув уже опостылевший курортный город. Вот только…

— Коробка, — выпустив воздух из ноздрей, прокомментировал Рубан наши общие мысли. — Попросту коробка без каких-либо полезных функций.

Он был прав: без последнего компонента, самого важного, это громоздкое сооружение действительно было просто коробкой. А точнее, без первого, того, что уже был у нас в руках: «батарейки», взятой в Арке.

— Итак, — я помотал головой и распахнул переднее сидение. — Что мы делаем, куда едем?

— А смысл куда-то ехать с этой махиной, если она не работает? — Рубан выглядел мрачнее мрачного. — Нужно сообразить, где Тина и остальные, если они вообще живы, и тогда…

— Я про это и говорю, — согласился я. — Нужно сначала найти их, а дальше узнать…

— Ротт, — устало выдохнул Рубан, садясь на водительское сидение. — Я понятия не имею, где они могут находиться. Телефон Тины не отвечает, а других зацепок у меня нет.

Он выглядел усталым, хотя — казалось бы, в последние дни он наконец-то выспался, впервые за очень, очень, очень долгое время.

— Нет — или вы не хотите думать, агент? — Элиза покосилась на него. — Как насчёт наведаться обратно в Арк?

— И что мы там забыли? — он смотрел на неё устало-скептическим взглядом.

— Они ушли оттуда, это мы знаем, — девушка пожала плечами. — И они знали, что мы будем их искать. Возможно, они оставили нам какой-то знак?

На мой взгляд, логика в этих словах была… но у Рубана просто включился режим скептика и ворчуна.

— Вы настолько уверены во всемогуществе Сато? — хмыкнул он. — КОБР отпустили нас, но вот лезть в Арк…

— Сказал человек, который недавно катал нас по дну морскому в фургончике от мороженного, — заметил я, вновь вспоминая солёный аромат морской воды. — Серьёзно, Рубан. Нужно хотя бы заглянуть.

— Ох… ладно, — Рубан хлопнул ладонями о руль. — Убедили. Садимся и едем.

…большую часть пути мы проехали молча, но уже на подъезде к Арку я не выдержал.

— Рубан, — заметил я. — Ты сегодня сам не свой.

Рубан повернул голову и поглядел на меня долгим, выразительным взглядом.

— В моей стране за последнюю неделю произошло, — заметил он, — убийство Императора, воскрешение нового, разлив скверны в столице и начало войны. Причём я замешан во всём этом — и сейчас пытаюсь всё поправить, надеясь невесть на что.

— Такое ощущение, что уже не надеешься, — настаивал я на своём.

Рубан пожал плечами.

— Эта штука способна обращать время вспять? А, Ротт? А мёртвых воскрешать она способна? Даже если мы сейчас встретимся с Тиной, даже если соберём её целиком и заставим работать — способна?

Я переглянулся с Элизой. Похоже, агент принялся хандрить всерьёз и надолго. Что ж, я знал способ, который мог бы подействовать на него.

— Ну, — спокойно отозвался я с равнодушным лицом, — добро пожаловать в мой мир.

Рубан резко затормозил — и уставился на меня в упор.

— Что? — отозвался я. — По момента, как это всё началось, я был обычным домашним мальчиком. Не опытным агентом с многолетним стажем, а просто… никем, причём никем, выросшим в тепличных условиях и не привыкшим ни к чему такому.

Рубан молчал, и я продолжил, глядя на него с кривой усмешкой:

— Мне тоже всё это было в новинку, Рубан. Смерти вокруг

меня. Потеря близких людей. Предательства. То, что все вокруг хотят мной для чего-то воспользоваться, сделать переменной в своих хитрых планах.

— Ты правда думаешь, будто понимаешь, что я чувствую? — Рубан глядел на меня исподлобья.

— Правда, — подтвердил я. — Я потерял отца. Потерял свой клан. Весь мой мир — прежний мир, в котором я жил — просто исчез. А в новом… войны, скверна и Император. И я посреди всего этого, замешан во всём так тесно, что не выпутаться.

Секунд пятнадцать ничего не происходило; Рубан просто смотрел на меня, я — на него, не отводя взгляда. Первым сдался он, и, пробормотав что-то нецензурное, пустил машину полным ходом. Сильно веселее, конечно, не стал, но… что-то в его поведении всё же изменилось.

— Так что за условие поставил тебе Сато? — уточнила Элиза. Во время моего короткого диалога с Рубаном она молчала, не вмешиваясь, а сейчас решила разбавить тему. — Ты сказал, что он стребовал с тебя какое-то обещание, но так и не сказал, какое.

Я пожал плечами.

— Он не хотел, чтобы я говорил вам о нём. Лучше сейчас сосредоточиться на цели. Когда придёт время — сами узнаете.

Если честно, я понимал, почему Сато не хотел посвящать остальных в это дело. Рубан, кстати, может, и поддержал бы эту мысль, а вот Элиза могла и запротестовать.

— Кончайте трепаться, — спокойно и буднично оповестил Рубан, как будто ничего не было. — Приехали.

…вход в Арк теперь выглядел совершенно иначе — не таким, как я его запомнил. И дело было даже не в том, что, когда мы прибыли сюда в прошлый раз, стояла ночь, а сейчас был день. Просто… теперь тут и не пахло секретностью, укромностью. Вместо входа, замаскированного так, что, не зная, куда смотреть, его просто не найдёшь — нас ждала поляна, оцепленная красно-белой лентой, как на месте происшествия.

— Уверен, они и камер тут понаставили, — поморщился Рубан (хотя никто не заговаривал на эту тему). — Хорошо ещё, если внутри не караулят.

— А если и караулят — что с того? — заметил я. — Пошли.

Бункер, долгие годы считавшийся легендой, бункер, в существование которого не верили лучшие агенты разных стран… просто стоял, распахнув двери настежь. Как будто вся секретность, вся легендарность — всё это ушло со смертью его создателя. Было в этом что-то печальное и задумчивое.

Внутри был всё тот же полумрак; Рубан щёлкнул выключателем, освещая коридор.

— Интересно, что республиканцы вообще намерены делать с этим местом? — заметил я.

— Надеюсь, ничего, — Элиза бросила на меня сердитый взгляд. — Это собственность Альянса, и не хотелось бы, чтобы они и дальше вытирали о нас ноги.

— Это собственность Империи, госпожа Белецкая, — усмехнулся Рубан. — Империи, и только.

— Возведённая на территории Альянса.

Я пожал плечами.

— На данный момент это просто развалины, разве нет? Всё ценное вывезено, просто пустой бункер вдали от города. Было бы лучше, если бы он стал просто… остатком старых эпох, разве нет?

И Рубан, и Элиза скептически хмыкнули — так синхронно, что это выглядело, будто они сговорились.

Миновав коридор, мы шагнули было внутрь… И Рубан резко затормозил на пороге. Рука сама потянулась было к пустой кобуре (увы, КОБР и не подумали вернуть ему оружие).

— Эй, кто там? — сердито позвал он. — Хватит ныкаться в темноте, будь у меня пистолет — я бы уже выстрелил в вас.

Он оглянулся на нас — мол, что я говорил? Я сощурился, вглядываясь в две фигуры, стоящие вдалеке…

А затем Элиза щёлкнула выключателем.

— У вас нет пистолета, агент Рубан, — усмехнулась красивая, высокая женщина, спокойно шагая нам навстречу. — У вас нет пистолета — как нет и необходимости стрелять.

Когда я увидел, кто шагает вслед за ней… у меня опять перехватило дыхание.

— Вы! — Элиза дёрнулась, как будто её ударили током. — Снова вы…

Женщина покосилась на неё.

— Добрый день, Элиза.

— Вот только не надо… — девушка попятилась назад. — Вы пытались убить меня, и теперь…

— Мы пытались, — согласился мой отец, вышагивая по бункеру на металлических протезах. Со времени нашей последней встречи он обрёл… более очеловеченный вид, что ли? Не было такого ощущения, что смотришь на что-то несуразно-чуждое, мёртвое…

Впрочем, и с живыми людьми эту пару спутать было нельзя.

— Мы пытались, потому что ты отвергла наше предложение, — кивнула женщина. — Но сейчас ты на правильном пути. Ты поехала в Империю, чтобы спасти моего сына, Элиза. Мы с Алексом готовы дать тебе второй шанс.

Ч… что? У меня перехватило дыхание.

Облик матери… за те годы, что я не видел её, он почти стёрся у меня из сознания. Что-то усреднённо-прекрасное, иконизированное детским восприятием, не более. Но теперь всё медленно возвращалось мне в память.

— Мама? — тихо прошептал я, расширяя глаза.

— Это не твоя мать, Марк, — холодно заметила Элиза. Она прекратила отступать, но глядела на парочку с лютой ненавистью. — И не твой отец. Я знаю, о чём говорю. Моего отца они тоже сделали таким — осквернённым зомби.

— Тебе ли бояться скверны, Марк? — отец поглядел на меня. — После всего, что было? Что для тебя важнее: кровные узы или суеверный испуг перед неизвестным?

— Я бы послушал сейчас Элизу, Марк, — Рубан глядел на нас. — Тем более, что пришли-то, кажется, к тебе.

Слова застряли у меня в горле; все возможные эмоции, смешавшись воедино, образовали в голове невообразимый белый шум, из которого было невозможно вычленить что-то конкретное. Вопросы, упрёки, страхи и надежды…

— Долго ждали нас тут? — осведомился Рубан, проходя вперёд. Кажется, убивать нас прямо сейчас не собирались… и он решил немного подыграть гостям.

— Два дня, — кивнула моя мать. — Не страшно.

— А если бы мы не пришли сюда? — Элиза двинулась вслед за Рубаном, один я как стоял в проходе, так и остался там стоять. — Если бы поехали напрямую в Империю или ещё куда-то?

— Вы бы пришли, — возразила женщина. — Просто чтобы проверить. Я знаю своего сына. Это ведь была его идея, так?

Я молча указал на Элизу.

— Моя, вообще-то, — с милой улыбочкой заметила та. — Есть ещё вопросы.

Моя мать молча пожала плечами.

— Так ради чего такое упорство? — Рубан осматривал Арк. Отсюда вынесли всё мало-мальски ценное, оставив почти голые стены, но пустой контейнер от «Гьяллархорна» по-прежнему стоял в центре комнаты, сиротливо распахнув створки. — Зачем вы пришли? Хотели бы напасть — уже напали бы, значит, вы здесь не для этого.

— Какая проницательность, агент Рубан, — усмехнулся мой отец. — Нет. Мы здесь для того, чтобы помочь сыну.

— С-с-с чего мне вам верить? — речь медленно возвращалась ко мне, и я из последних сил пытался рассуждать логически. — Вы же заодно с Родионом.

— А кто тебе сказал, что Родион против тебя? — подняла

бровь мать. — Мы на одной стороне, сынок. Ты знаешь, где твои враги и кто они. Люций, Дюбуа — вот это враги.

— Человек, закачавший в меня скверну целой страны — не враг? — почему-то такая наглая ложь отрезвила меня, как ведро холодной воды. — Человек, подставивший меня перед всей страной, сделавший преступником номер один, причём дважды — не враг?

— Тебя следовало направить, — мать улыбнулась. — Указать тебе путь.

— Ах, вот как? — усмехнулся я. — Так, значит?

— Ты и сейчас ещё не закончил этот путь, — согласилась она. — Но ты делаешь большие успехи. Я горжусь тобой, Марк.

Сбоку от меня что-то вспыхнуло; я покосился вправо и увидел Элизу, рука которой горела пламенем.

— Вы, кажется, боитесь огня, твари? — заметила она, подкидывая горящий шар в ладони. — Насколько помню.

— Как и все люди, — согласился Алекс.

— Вы не люди.

— Порождения скверны, да-да, — заметила моя мать. — Элиза. Даже способность управлять огнём к тебе пришла из-за скверны. Ты используешь её прямо сейчас, и всё равно боишься и ненавидишь. Никак не поймёшь, что скверна — это просто сила, и она не хочет зла.

Действительно. Управление огнём — это способность Элизы повелевать льдом, вывернутая наизнанку.

— Бесполезно, — заметил я. — Можете взывать к моим сыновним чувствам, можете уговаривать или доказывать — мы с вами по разные стороны баррикад. Лучше просто скажите, чего хотите, и разойдёмся.

— Хорошо, — кивнула моя мать. — Кстати… девочка, если ты попытаешься напасть — то совершишь большую глупость. Я не причиню вреда своему сыну, а вот ты и агент Рубан…

Она покачала головой, и от её фигуры начали развеваться во все стороны чёрные щупальца-жгуты. Элиза фыркнула и погасила огненный шар.

— Так вот, — мать поглядела на меня. — Марк. Я знаю, что ты не согласен с нами, что считаешь нас врагами. Мы с твоим отцом… и не ждём, что ты всё поймёшь прямо сейчас. Это долгий путь.

— Короче, — бросил я. Сердце колотилось как бешеное, но я старался не подать виду.

— Твои друзья уже присоединились к Родиону, — кивнула женщина. — Тина, Сара и Лев.

— Чего? — сощурился Рубан. — Слушайте, дамочка, я не

знаю, что там сделали Крамер и Дюбуа, но Тина бы никогда…

— Сначала она тоже не хотела, — согласился мой отец. — Родион нашёл для неё нужные слова. В конце концов, она имперка. Родилась и выросла в стране, захваченной сейчас безумцем. А мы — те, кто имеет реальные шансы ему противостоять.

— И вы пришли, чтобы и нас позвать в вашу дружную команду? — я скептически глядел на родителей. Да, Элиза права. Как бы они ни выглядели, что бы они не говорили — это не они. Это подобия, слепленные из скверны; возможно, сама скверна, примерившая на себя отпечаток сознания покойных людей, поверившая в то, что она и есть эти люди…

Но это не они.

— Мы пришли, чтобы сделать жест доброй воли, — кивнула моя мать. — Тина сказала, вам это пригодится.

Спокойным шагом пройдя к соседней комнате, она распахнула дверь — и без особых усилий вынесла оттуда громоздкую установку, нечто среднее между базукой и батарейкой..

Третья часть «Гъяллархорна».

— Собственно, на этом всё, — улыбнулась она. — Забирайте. Делайте, что собирались. А если надумаете к нам присоединиться…

Мы все замерли, ожидая, когда же она закончит фразу. Возможно, это шанс узнать, где Тина и остальные…

— …то Родион сам вас найдёт, — подытожила она — и, вместе с моим отцом, быстро зашагала к выходу из бункера.

Глава 21

Комната была обставлена довольно прилично — хорошая, пусть и старая, мебель, отдельная ванная с туалетом, все удобства. Никаких казематов и сырых подвалов, которые появляются в сознании при слове «тюрьма».

И всё-таки это была именно тюрьма. Обставь её как хочешь, повесь на окна какие хочешь занавески — ничего не уберёт того факта, что занавески висят поверх решёток. Тина Шраут маялась здесь уже пятый день, и ничем иным, кроме тюрьмы, назвать это место не могла.

Одиночество, тишина, прерываемая редкими шагами и голосами в других помещениях — вот и всё, что окружало агента УБИ. В помещении не было даже книг, журналов или ещё чего-нибудь, чтобы убить медленно плетущееся время. Либо их здесь не было в принципе… либо Родион принципиально предпочитал брать её измором, ожидая, когда же она сломается, сдастся и согласится на его «выгодные» условия.

Грёбаный Родион. Грёбаные предатели Лев и Сара!..

Ключ повернулся в замке; Тина неподвижно сидела на кровати, ожидая, пока откроется дверь. Хоть какое-то развлечение.

— Привет, — деловито и непринуждённо — как будто ничего не случилось — кивнула ей Сара, внося в комнату дымящиеся тарелки и ставя их ни стол.

— Виделись сегодня, — поморщилась Тина. — Поставь и убирайся.

— Эй, — Сара поглядела на неё. — Мне в какой раз повторить? Я сама не рада тому, что происходит. Но это на пользу.

— На пользу для кого? — Тина уставилась на неё, затем перевела взгляд на Льва, что стоял у дверей с ключами в руках, подчёркнуто глядя в другую сторону и даже не пытаясь заговорить. — С каких пор вы решаете, что на пользу для других, а что нет?

— Мы не пытаемся, но…

— Ладно он, — Тина как можно более обезличенно махнула рукой в сторону Льва, — но ты же знаешь, кто такой Родион, знаешь, что он — не тот, кому можно доверять…

— Именно он спас нас тогда из телестудии, — напомнила Сара.

— А потом послал своих гончих, чтобы убить тебя и Элизу, — отрезала Тина. — Ты для него пешка. Все для него — пешки. Пока

ему выгодно — вы живёте, но стоит ему задумать очередной хитрый гамбит, как вы пойдёте в расход. И вам ещё сильно повезёт, если цель будет действительно такой, как он говорит!

— Плевать, — резко и раздражённо бросил Лев, развернувшись к Тине. — Плевать мне на то, кто он такой и чего хочет, пока он делает то, чего хочу я — борется с Люцием.

Он махнул рукой, звякнув ключами.

— Мы с твоими Рубаном и Роттом потратили несколько дней. И на что? На идиотские планы? На то, что нас почти накрыли, как только они попытались выбраться в город?

— А сколько времени мы уже торчим здесь? — парировала Тина. — И что — за это время что-то изменилось? Родион победил Императора, спас Империю?

— У него, во всяком случае, есть план, который действительно может сработать, — пожал плечами Лев. — У твоих дружков — только красивые слова, фантазии да всякий трэш, творящийся везде, где бы они не появились.

Ха. У Родиона есть план — конечно же, у Родиона всегда есть план, и не один. Родион и планы — это как Том и Джерри, каклайк и подписка, как алкоголизм и цирроз печени. Неотъемлемы друг от друга. У Родиона есть планы на любой случай жизни, вот только в свои подлинные планы Родион посвящает только одного человека.

Родиона.

— Даже сейчас, — продолжил Лев, — твои дружки думают, что действуют по собственной воле, катаясь по Империи и очищая её от скверны, но они только делают то, что хочет от них Родион.

Значит, Марк на свободе, а Гьяллархорн собран? Хороший, видимо, план. Такой, что Лев готов наплевать на всё остальное, наивно думая, что тот открыл ему если не всю правду, то хотя бы её часть.

— Тогда почему же Родион не отпустит меня к ним? — презрительно фыркнула Тина. — Какая ему разница, сколько его пешек будут выполнять его же волю — три или четыре?

— Ты прекрасно знаешь, почему ты здесь, — отозвался Дюбуа. — Никому не нужно, чтобы ты рассказала Ротту и остальным, где находится Родион. Просто дождись результата, всё случится уже скоро, и тогда…

Повисла пауза; до Льва дошло, что он сказал лишнего.

Можно было бы сказать в ответ многое… сказать, какие они идиоты, что поверили старому проходимцу, какие предатели — особенно он, Лев, которому она, казалось бы, только-только поверила снова…

Но всё уже было сказано, а то, что она сказать не успела —

они все трое понимали и так. Каждый верил в то, во что хотел верить. Каждый совершал свои ошибки.

— Курева мне принесите, — мрачно заявила Тина, всем своим видом показывая, что обсуждать предыдущую тему больше не хочет.

— Родион против, — тут же заявил Лев. — Думает, ты можешь при помощи дыма можешь подать сигнал.

— Сигнал? — еле сдерживая смех, заметила Тина. — Кому и как? Мы в каком-то лесу, кругом стена деревьев!.. Ротт и остальные могут быть за сотни километров отсюда, и шанс, что они случайно заедут сюда — один из тысячи. Даже если я зажгу всю пачку одновременно — кому и какой знак я смогу подать? Вы смеётесь?

— Эй, — примиряющим, чуть виноватым тоном отозвалась Сара. — Да, я знаю, что это полный абсурд. Но он так сказал, и…

— А ты уже даже не хочешь включить своё критическое мышление? — взорвалась Тина. — Ладно, ты согласилась запереть меня здесь, идя на поводу у того, кто уже пытался убить тебя. Но хотя бы курева ты мне принести можешь? Я же с ума тут сойду, пока буду сидеть!..

Лев переглянулся с Сарой.

— Вот только не надо… — начал было он.

Сара пожала плечами, проходя мимо.

— Я сама решу, надо или не надо, — отозвалась она. — Занимайся своим делом и не указывай мне, что делать.

— Я не… — он захлопнул дверь, и дальше голоса доносились уже оттуда. Ключ повернулся в замке, и спор начал отдаляться.

Тина пожала плечами и придвинула к себе столик с едой. По крайней мере, кормили здесь неплохо — что бы это ни было за место. За те пять дней, что она здесь провела, ей так и не сообщили, что это за здание…

Ну и к чёрту.

…второй раз Сара явилась где-то через час, одна.

— Две пачки, — сообщила она с порога. — И один коробок спичек… то, что пока удалось достать.

— Ну, хоть так, — равнодушно пожала плечами Тина.

— Слушай, я… — начала было Сара, но Тина оборвала её:

— Не оправдывайся. Что бы ты не делала — не оправдывайся. Просто поступай так, как знаешь, и не удивляйся, если последствия тебя не обрадуют.

— Родион — сволочь, но без него у нас нет шансов одолеть самого Императора, — всё-таки продолжила Сара.

— И зачем это тебе? — Тина щёлкнула спичкой и с нескрываемым удовольствием затянулась. Пять дней без

сигарет… Господи, она чуть с ума не сошла. Даже заключённым в тюрьме дают сигареты, а тут… — Ты даже не из Империи.

— Я не идиотка, — отозвалась Сара. — Я прекрасно понимаю, что будет с моим родным Альянсом, если Люций поведёт через него свои войска, покорять Республику. Такое уже было однажды, и теперь он хочет всё повторить.

Тина пожала плечами.

— А что будет после? Знаешь, Рубан и Ротт — не такие гении тактики, как Родион, но всё-таки с ними мне не нужно бояться, что они захотят захватить мир или использовать своих же соратников как разменные пешки.

Сара только покачала головой.

— Знаю. Знаю. Я… в общем, я долго думала, правильно или нет я поступила. Столько мыслей… но я всё-таки рискнула. Родион — не тот, кем хочет казаться, но и я знаю это, я настороже…

— Если он захочет обвести тебя вокруг пальца, то обведёт, — ответила Тина. — Настороже ты или нет. Есть только один путь — не верить ему изначально.

Она поморщилась.

— И перестаньте каждый раз стоять у дверей, так, словно боитесь, что я собью вас с ног и убегу. Я не идиотка, если захочу сбежать — то сделаю это не таким дурацким способом.

Она обернулась на решётки на окне.

Сара молчала.

— Л-ладно, — вымолвила она наконец. — Увидимся вечером, и… постарайся всё же понять, зачем я это делаю.

Не давая Тине отпустить в ответ очередную колкость, она выскочила за дверь и быстро её заперла.

Тина снова затянулась.

Всё-таки Родион умный сукин сын. Догадался, зачем ей нужны сигареты (кроме прямого назначения, конечно же). Вот только за всем не уследишь.

Пора подавать знак.

* * *

— …есть множество способов подать знак, если тебя где-то удерживают силой, — Рубан говорил это таким тоном, будто жевал бумагу. Ему совершенно не улыбалось читать все эти инструкции новой сотруднице (или, скорее, подопечной, как он сам считал), но начальство велело, и он делал. — Вот, например, сигареты. Ты куришь?

— Нет, — Тина покачала головой. — Я… нет.

— Закуришь, — усмехнулся Рубан, и на его лице впервые с начала разговора появились какие-то живые эмоции. — На этой работе все курят, поверь мне.

— Так уж все, — холодно заметила Баркер, отрываясь от бумаг, которые читала в этот момент.

— В общем, сигарета, — продолжил Рубан, делая вид, что не услышал комментария со стороны. — Лучше тебе начать курить прямо сейчас, потому что, во-первых, быстрее начнёшь — быстрее привыкнешь, во-вторых, как я слышал, сигаретный дым слегка глушит вещи вроде твоей магической синестезии. Ну, а в-третьих, сигаретная пачка — это целая куча сигнальных приспособлений, которые не вызовут никакого подозрения у таких врагов.

— Серьёзно? — Тина уставилась на него. — Что нужно сделать, чтобы подать знак сигаретным дымом на расстоянии дольше пяти метров? Зажечь пачку, или целый блок?

— Достаточно всего одной сигареты, какого-нибудь подходящего навыка — и фантазии, — Рубан зажёг сигарету и затянулся. — Смотри внимательно. Чем, казалось бы, может помочь навык точной стрельбы?..

Миг — и струйка дыма, которую он выпустил изо рта, стрелой заскользила через всю комнату, образовывая ровную линию.

— Фантазия, — заключил агент. — Навыки… они ведь у нас в голове. Скажи человеку «этот навык помогает метко стрелять» — и он начнёт использовать его для стрельбы из пистолета, ружья, лука. Но ведь стрелять можно чем угодно и откуда угодно. Навык — это ограничитель, созданный нашим мозгом, нечто вроде барьера в голове. Убеди свой мозг, что прицельное пускание дыма изо рта — это тоже стрельба, и вуаля!

— Прицельное пускание дыма изо рта — это пижонство, — заметила Баркер, на этот раз даже не отрываясь от бумаг.

— Конечно, пижонство, — довольный, что сумел произвести на новичка впечатление, хмыкнул Рубан. — Пижонство, которое уже дважды спасало нам жизнь.

Баркер пожала плечами.

— Ну, с этим трудно спорить. Но всё равно пижонство.

Рубан коротко хохотнул — и протянул Тине дымящуюся сигарету.

— Итак, агент Шраут? Твой ход. Покажи, какой конкретно способ пижонства применишь ты и насколько гибко твоё сознание.

* * *

Дым вылетал в забранное решёткой окно. Конечно же, он просто растворялся в пространстве — не давая никакого знака, даже не собираясь. Просто… курево прочищало голову, позволяя решить задачку, которая без этого казалась слишком уж сложной.

Иронично, конечно, что совет Рубана ни разу ей не пригодился. Нет, курение действительно отчасти глушило синестезию — и потому она так много курила. Но… на этом всё.

Да, она выучила трюк с управлением дымом. Навык легкого телекинеза позволял придавать ему разные формы, посылать фигуры из дыма аж на несколько километров, писать слова… Смешно. Но ситуация, когда это пригодилось бы на практике, ей так и не встретилась.

До сих пор. И вот теперь, когда это было бы ей так нужно… Марк Ротт исказил её навыки, заставив их работать наоборот. Чёрт, он ей этим жизнь спас… но как же всё странно.

Тина щёлкнула пальцами, активируя навык. Вместо привычных белых линий по телу разбежались ярко-голубые, неонового оттенка. Всё… было сложно.

Если раньше она могла передвигать лёгкие предметы, просто мысленно указывая направление, то теперь… Ох. Это напоминало магнит, развёрнутый не тем полюсом. Она словно отталкивала от себя всё — включая дым.

А если захватить его с другой стороны?..

Струйка тонкого дыма, шатаясь из стороны в сторону, вылетела в окно. Едва ли она сумеет подать сигнал… но нужно хотя бы потренироваться перед тем, как сделать настоящую попытку.

* * *

Егор Железин всегда гордился своей фамилией. Железный — так его звали друзья в детстве, так это пошло и дальше, в армии. Успехи на тренировках и учениях, первые звания, офицеры, пророчащие «Железному» больше будущее…

…о том, что такое — быть по настоящему железным, несгибаемым, Егор узнал только здесь, на войне. И это было точно не про него.

Впрочем, кто мог бы обвинить его? Их готовили ко всякому, к тому, что имперцы не сдадутся миром, и придётся отдать свои жизни. И он, Егор — был готов отдать жизнь за интересы родной Республики!

Но как согласиться отдать посмертие? Как смириться с тем, что он видел — как его убитые товарищи падали, а затем

вставали, и в их глазах горело чёрное пламя, мёртвый огонь скверны? Как они убивали своих же, затем, чтобы те тоже встали и присоединились к армии мертвецов?

Многие не выдержали в тот день, многие побежали. Егор был в их числе. В той сутолоке легко было потеряться, и… это и произошло. Егор понятия не имел, где он теперь, и где свои. Он не собирался быть дезертиром; его ела мысль о том, что надо выйти к своим, надо собраться, чтобы быть готовыми дать реванш…

Вот только где они, свои? Остался ли кто-то в живых, есть ли шанс на реванш? Лес был слишком густым, а Егор слишком плохо ориентировался.

Так что Егор просто… выживал, бродя по дорогам. Этот лес давал укрытие, а пищей служили — пока — подходящий к концу запас сухих пайков и грибы. Ещё день — и запас кончится. Останутся только грибы.

Найти людей. Люди — его единственный шанс выжить, единственный вариант снова вернуться к цивилизации. Республиканцев, имперцев… кого угодно.

Чувства Егора обострились от голода; он прислушивался к каждому звуку, приглядывался к каждому движению впереди, ведомый одной мыслью — выбраться. Выжить. Снова выйти к людям, не сгинуть в этом бесконечном, словно заколдованном лесу…

Поэтому запах сигаретного дыма — запах жизни, цивилизации, запах людей! — он уловил сразу же, в первую же секунду.

Глава 22

…багровое небо стало заметно издалека — ещё на подступах к столице. Чёрное солнце всё так же светило на нём, время от времени скрываясь за облаками цвета пролитой крови, а ощущение глобального вымирания давило ещё сильнее, чем в прошлый раз.

— Мне кажется, или она стала больше? — тихо протянула Элиза, приглядываясь к пятну скверны.

Я пожал плечами.

— Возможно. Или нет, сложно сказать…

— Осквернённые зоны постоянно растут, — угрюмо отозвался Рубан. — Странно, что вы, жители страны, наполненной мёртвыми городами, этого не знаете.

— Постоянно? — удивилась Элиза. — Почему тогда мёртвые города не захватили Альянс давным-давно?

— Рост очень медленный и мизерный, — ответил Рубан. — Пара метров в год, вроде того… Этот выброс намного сильнее, и к тому же — свежий, вот и весь секрет.

Хм. Интересно, почему я и правда слышу об этом впервые. Возможно… эту информацию не очень-то афишировали в Альянсе, чтобы никто не паниковал?

Убедившись, что новых вопросов нет, Рубан снова замолчал. Он вообще ехал большую часть пути молча, но теперь это было не отчаянное молчание человека, потерявшего цель и жизненные ориентиры, а сосредоточенное, напряжённое молчание опытного агента-профессионала. Рубан явно обдумывал наши следующие шаги, а мы и не перебивали его.

Мы и сами не очень много говорили. Обстановка не настраивала на весёлый лад, да и мысли были… тревожными.

— Заметили, насколько тут тихо и пусто? — Элиза поглядела на меня, потом на Рубана. — Как будто и правда мёртвый город. В прямом смысле слова.

Ну, это сложно было не заметить. Нет, это не было абсолютной пустотой, безжизненной пустыней…

Но когда мы ехали отсюда, параллельно с нами шло множество машин. Царило оживление, даже паника, и это было ясно — люди бегут из столицы, спасают свои жизни.

Сейчас… все уже убежали. Да, здесь кто-то остался, но жизнь стала слишком вялой, незаметной. Одна-две машины, что проедут мимо нас раз в полчаса. Одинокий старик, решивший умереть там, где родился, сидит на скамейке у дома. Свет в окнах — редкий и неяркий, окружённый множеством тёмных провалов.

В общем, картина складывалась гнетущая.

— Это ведь не закончится, даже если я сделаю всё как надо, — Рубан не глядел ни на кого из нас, и даже на дорогу смотрел как-то отсутствующе и затуманенно; впрочем, машину вёл ровно. — Столица… ничего уже не будет как прежде.

— Жизнь постоянно меняется, — пожал я плечами.

— Скорее всего, столицу куда-нибудь перенесут, — Рубан будто не услышал моих слов. — И, думаю, подальше отсюда — в другую часть Империи, может.

— А Люций? — Элиза поглядела на него. — Если от него получится избавиться — что дальше, кто придёт править после него? Та девица, дочь убитого Императора?

— Если ты о том, не сменим ли мы строй, — Рубан мрачно усмехнулся, впервые за всё время поездки, — то нет, даже не надейся. Не так важно, кого посадят на трон — её высочество Марианну или кого-то другого. Важно то, кто будет править в реальности — а там найдётся кому, даже после смерти Шраута.

Он пожал плечами.

— Но пока над столицей скверна, у власти Люций, а Республика не заявила об официальной капитуляции — это всё пустые размышления и мечты. Нужно заниматься делом, а о том, что будет дальше, позаботится история.

Медленно сбросив скорость, Рубан свернул вбок.

— Ты куда? — не понял я.

— Есть хочу, — кивнул он на придорожную забегаловку, к которой мы подъехали. — И поговорить надо.

— Так поговорим здесь.

Рубан только раздражённо хмыкнул и махнул рукой.

— Выходим.

Выйдя из машины, я бросил взгляд на строение. Странно, но это место было живым. Правда, на парковке, кроме нас, было всего лишь две машины, но всё-таки вывеска горела, а за дверью виднелись силуэты людей.

— Запри машину получше, — заметил я. — Если у нас опять уведут машину, да ещё и с «Гьяллархорном»…

— Не делай из меня идиота, Ротт, — мрачно отозвался Рубан. — Я могу ошибаться, но я не совершу одной и той же ошибки дважды.

Все так говорят, пока жизнь не убедит их в обратном. Впрочем, я промолчал — не хватало ещё начинать ссору на ровном месте. Просто сядем у окна, из которого будет видно, что происходит с машиной, вот и вся проблема.

Делать заказ Рубан тоже отправился сам, справедливо заявив нам, что лучше бы официальным правителям Альянса, одного из

которых недавно публично казнили, лишний раз не светиться на публике. Конечно, вряд ли Люций выследит нас потому, что наши лица запомнятся официанту в кафе, но… зачем рисковать?

Усевшись у окна, я посмотрел на Элизу. Она глянула в ответ, и повисла долгая, неловкая пауза.

— Думаешь, чем всё это кончится? — наконец, заговорил я.

— Думаю, как меня занесло сюда, — ответила она. — В эту компанию, в эту страну, в это… всё. Думаю о том, что ещё месяц назад всё было по-другому, и я точно знала, какой будет моя жизнь, планировала каждый день. Не играла в политические игры на выживание, не бегала от осквернённых, не похищала людей…

Я медленно кивнул.

— Понимаю. Месяц назад я тоже… ну, ни разу не умирал, например.

Я улыбнулся.

— Не каждая перемена — к худшему.

— Думаешь, в том, что сейчас происходит, есть что-то хорошее? — искренне удивилась Элиза.

— Это не перекрывает всех жертв и прочего, но… — я пожал плечами. — Как бы там ни было, я рад, что со мной это произошло. Рад, что получил шанс перестать быть тем, прежним Марком — который никогда и ничего не решал, не имел даже возможности стать кем-то, кроме как марионеткой. Да и тебе… эти перемены тоже пошли на пользу, как мне кажется.

Элиза открыла было рот, но замерла; по глазам девушки было видно, что она всерьёз обдумывает мои слова, искренне пытается докопаться, понять — согласна она с ними, или же нет.

— Так, — подошедший Рубан поставил на стол тарелки. — Хотите вы или нет, но есть разговор, и дальше с ним тянуть нельзя — мы почти добрались до столицы.

Я молча пожал плечами, придвигая к себе свою порцию.

— Что вы двое намерены делать? — задал вопрос Рубан.

Я завис.

— В… каком смысле? — осторожно сощурившись, поглядел я на Рубана. — Разве мы не едем, чтобы…

— Уничтожать скверну? — Рубан глядел в ответ серьёзно и холодно. — Не-а, Ротт. Ни разу. Это я еду в столицу за этим. Ты — нет.

— А… — начала было Элиза.

— Мы все знаем, что ты у нас полон скверной, — продолжил Рубан. — А значит, от «Гьяллархорна» тебя будет колбасить, как тогда, в Арке. Не дай Бог, загнёшься — и начинай всё по новой, второй взрыв скверны, вторая волна разрушений…

Он перевёл взгляд на Элизу.

— А ты, Белецкая, вообще изначально не имела к этому отношения. Это не твоя война, как говорится. Риск слишком велик…

— А где он не велик? — оборвала его Элиза. — В Альянсе, где пришёл к власти мой осквернённый папочка? В приграничной зоне, где недавно прошла битва с воскрешением трупов? В Морбреге, где нас держали взаперти? Где, агент?

— Понятия не имею, — пожал тот плечами. — Ты неверно меня поняла, девочка: слишком велик риск не того, что с тобой что-то случится, а того, что из-за твоей неподготовленности провалится моя миссия. Если я сейчас не сумею очистить столицу от скверны «Гьяллархорном» — то этого уже никто не сделает, и она останется мёртвым городом.

— А в одиночку, значит… — пробормотал я.

— А кто сказал, что я буду один, Марк? Это моя страна и мой город. Тут есть люди, на которых я могу положиться, — хмыкнул Рубан. — В УБИ служит много агентов, и не все они будут верны Люцию.

Элиза, судя по её виду, собиралась сказать что-то возмущённое… но я накрыл её ладонь своей.

— Не надо, Элиза. Всё так. Рубан прав, слишком много всего на кону.

— Поэтому я и спрашиваю, — кивнул агент. — Что вы двое намерены делать? Вернуться в Альянс?

Мы молчали, затем я покачал головой.

— Пока Люций у власти, Альянс обречён, — заметил я. — Значит, нужно разобраться с проблемой. А Люция не победишь до тех пор, пока у него есть Императорская Печать.

Рубан задумчиво окинул меня взглядом.

— Думаешь пробраться во дворец, похитить печать из его рук… и не попасться?

Я пожал плечами.

— Есть другие идеи? Я — единственный человек, кроме него самого, безумной старухи и взбалмошной девчонки, способный взять Печать в руки и не умереть.

Мне и самому не нравился этот план… Но я был в ответе за произошедшее. За скверну, разлитую по столице Империи, за осквернённого Люция. И я знал, что исправлять всё — тоже мне.

— В этой схватке я бы ставил не на тебя, Ротт, — проговорил Рубан с набитым ртом.

— А кто только что говорил, что у него есть друзья в УБИ? — подняла бровь Элиза. — Попроси их помочь и в этом. Пусть обеспечат безопасный проход, а Марк заберёт печать…

— Чуть сложнее, чем просто устроить мне тихий проезд по

столице, — пробормотал Рубан. — С одной стороны, ты прав — вы оба правы — но с другой…

Он покачал головой.

— Дворец Императора — не абы что. Чтобы пробраться туда, нужна целая армия. Либо…

— Либо? — насторожился я. Обычно, когда Рубан говорил такие слова, за этим следовал совершенно безумный, лишённый всякой логики, опасный, но в то же время безупречно действенный план.

— Печать всегда при Императоре? — поглядел на меня агент. — Значит, тебе нужно, чтобы Император был не во дворце. Вот только где? Охрана-то всегда следует за ним, и, думаю, немаленькая…

Повисла пауза. Сказать проще, чем сделать, и, в принципе, Рубан был прав — если я попытаюсь идти напролом, то у меня либо ничего не получится, либо… получится, но так, что лучше не надо — примеры уже были, спасибо, мне хватило на всю жизнь.

Элиза покосилась за окно… и подняла глаза на Рубана.

— А что будет с Люцием, если выстрелить в него из этой штуки?

— Не знаю, не проверял, — Рубан отхлебнул кофе. — Вариантов — море, от «ничего не будет» до «сгорит на месте».

— Но ведь второе, или что-то, близкое ко второму — более вероятно? — продолжала настаивать Элиза.

Рубан пожал плечами.

И именно в этот момент до меня дошло. Щёлкнув пальцами, я уставился на товарищей.

— Эврика!

— Ротт, ты выглядишь так, будто культивировал, культивировал и наконец выкультивировал, — заметил Рубан. — Говори, что ты там придумал.

— Странно, что нам не пришло это в голову раньше, — кивнул я. — Место битвы, линия фронта!..

Рубан впечатлённым не выглядел.

— Думаю, там сейчас мертвейший из мёртвых городов.

— Император был там, когда шла битва!

— Думаешь застать его там? — Рубан задумался. — Едва ли. Что ему делать там сейчас, когда всё закончилось?

— А кто сказал, что всё закончилось? — кажется, Элиза уловила мою мысль. — Думаешь, армия мертвецов просто ушла оттуда? Или, думаешь, республиканцы развернулись и ушли?

— Война продолжается, Рубан, — подтвердил я. — Даже если Император и вернулся в столицу, то ненадолго — дела потребуют

его присутствия там если не сегодня, то завтра, образно говоря. А ещё там его охрану в основном составляют мертвецы.

Рубан долго глядел на нас, что-то прикидывая.

— Значит, думаете стрелять из «Гъяллархорна» по мертвецам? — протянул он. — Увы, но он слишком нужен тут.

Я покачал головой.

— Скверна в столице — это серьёзно, но это наименьшая из наших проблем. Скверна уже убила тех, кого убила, и сейчас просто висит тёмным облаком. А вот Император — как и Родион со своей командой — могут заметно усложнить нам жизнь. Если разобраться хотя бы с одним из них, то исцеление столицы станет куда проще.

— Сложно спорить, — кивнула Элиза. — Сам подумай, насколько задача облегчится, если у власти встанет кто-нибудь, не желающий прикончить тебя или Марка.

Рубан вздохнул.

— Вы… мне больно видеть столицу такой. Просто больно. Это мой город, где я родился, где вырос…

— Так сделай то, что нужно для его спасения, — заметил я.

— Сделаю, куда я денусь… — поморщился Рубан. — Просто… я надеялся убрать эту дрянь как можно раньше.

Он опрокинул себе в рот остатки кофе — и встал.

— Вы правы. В столицу нам ехать пока ещё рано, лучше разобраться с Люцием.

— И с Родионом, если попадётся по пути, — кивнула Элиза. — Пусть не жалуется — он сам дал нам в руки это оружие.

Я прикрыл глаза; сам… Не сам, а через них.

Мне всё ещё было тяжело думать о моих родителях как о монстрах… И точно так же было тяжело думать о монстрах как о моих родителях. Эта двойственность была странным чувством; я помнил отца и мать живыми людьми, совершенно не похожими на тех существ, что встретили нас в бункере. Я понимал, кто они такие…

И всё же это были они. Мои родители. Осквернённые, искажённые, совсем другие… они.

Их ведь тоже придётся уничтожить? Ох… лучше думать об этом как о том, что я прерву их страдания.

Выйдя наружу, мы снова погрузились в машину; Рубан завёл мотор и развернулся.

— Нужно немного сдать назад, — пояснил он. — А то нужную дорогу мы проехали.

Вокруг стоял поздний вечер, практически ночь. И, кажется, провести эту ночь нам предстояло в дороге. Я откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

— Нужно раздобыть где-нибудь работающий телефон с интернетом, — сонно и сыто пробормотал я. — Просто для того, чтобы быть в курсе происходящего, например, знать, где Люций или что происходит в стране.

— И в Альянсе, — кивнула Элиза.

— Скажи спасибо своим дружкам-республиканцам, что даже не подумали вернуть нам телефоны, — пробормотал Рубан, снова привычно мрачнея. — Ладно, раздобудем что-нибудь.

Машина снова набрала скорость и заскользила по тёмной трассе.

* * *

Где-то за сотни километров оттуда, в старом заброшенном санатории, злобно выругался Родион.

— Что за… — старик пристально глядел на экран ноутбука, на красную точку на карте, которая — вдруг! — начала ехать совсем не туда, куда надо. — Как долго ещё ты будешь ломать мои планы, Марк?

Это уже начинало крупно раздражать… Впрочем, варианты ещё оставались, и, видимо, сейчас было самое время для того, чтобы сесть и всё обдумать.

Глава 23

Чем пахнет война?

Кто-нибудь романтичный обязательно вспомнит о пресловутом пороховом дыме или «запахе напалма поутру». Другой, реалист — тот скажет о крови. Гарь, машинное масло, кожа, пот — все они тоже найдут своё место в этой конструкции.

Я же скажу так: война не пахнет. Она воняет и смердит, как издохшая собака, чей труп отброшен на обочину проезжающей машиной.

Почему я заговорил именно о запахе? Всё просто: его мы почувствовали гораздо раньше, чем смогли увидеть что-нибудь. Запах тухлятины, мертвечины, стоял вокруг на многие километры.

— Ну, вот и приехали, — прокомментировал Рубан, закрывая окна в машине и включая кондиционер. — Готовьтесь, дальше вонять будет только сильнее.

Элиза, и без того сидящая с зажатым носом, округлила глаза.

— Люций поднял здесь уйму мертвецов, — хмыкнул агент, следя за дорогой. — Наших и республиканцев. Где они, по-вашему? Их никто не уводил отсюда. И уж конечно, никто не закапывал. Они остались тут, и гниют на ходу.

Я покосился за окно, но орд живых мертвецов там не увидел. Пустынная дорога, выжженные деревья по краям — следствие разлившейся скверны, почти как в столице, только радиусом поменьше.

— На каком моменте они вообще умирают насовсем? — пробормотал я. — Что будет, если отрубить им голову или, допустим, сжечь? Они исчезнут, или останется прах, наделённый сознанием, страдающий вечно?..

— Ну у тебя и вопросики, Ротт, — вздохнул Рубан. — Чёрт его знает, на самом деле. Никто не изучал этого и не ставил экспериментов — по крайней мере, явно, а что там творится в подвалах у КОБР или азиатов, я не знаю.

— Пообещайте мне… — Элиза поглядела на нас, разжав нос. — Пообещайте, что если я умру и стану осквернённой, вы уничтожите во мне скверну. Прекратите это…

— Да, было бы неплохо, — задумчиво кивнул Рубан. — Тебе, Марк, это не грозит… а вот если мне повезёт сдохнуть тут, то я бы тоже не отказался от вечного покоя.

Да уж, унылый чёрный пейзаж на окном, да ещё и этот тошнотворный запах гниющей падали — всё это действительно навевало именно такое мысли.

— Давайте не будем сразу писать завещания, — помотал я головой, пытаясь вырулить в какое-нибудь более жизнерадостное русло. — Может, до этого и не дойдёт…

— Может, — согласился Рубан. — Я тоже не собираюсь пока на тот свет, и очень надеюсь всё-таки дожить до пенсии, выйти в отставку и поселиться где-нибудь на средиземноморском побережье, в домике, увитом диким виноградом. Но если — если! — существует такой шанс, Ротт, что до дикого винограда я не доживу, то лучше заранее всё предусмотреть.

* * *

Спустя двадцать минут езды запах мертвечины, с одной стороны, заметно усилился, но с другой — мы притерпелись к нему. Конечно, окна мы всё ещё не открывали, да и выходить из машины лишний раз не рисковали, но разговаривали спокойно, не зажимая нос.

К тухлятине отчётливо примешивался запах дыма: по всей видимости, что-то горело. Может, кто-то пытался сжечь мертвецов, а может, хотел перебить таким образом их вонь. Это точно был не дым от военных действий: те закончились несколько дней назад, и вряд ли что-то могло пылать до сих пор.

На горизонте тихо занимался рассвет, и солнце было даже не багрово-кровавым: скверна, содержавшаяся в воздухе, «всего лишь» делала его немного тусклее обычного, из-за чего здесь будто стояли вечные сумерки. Но уже было достаточно светло, чтобы рассмотреть на горизонте то, что когда-то было приграничным городом: дома, столбы. Ехать дотуда было буквально минут пять.

— Ну, допустим, — глядя вперёд, Рубан крутанул руль — и машина вильнула вправо, на обочину и дальше по выжженному полю.

— Что ты задумал? — Элиза почти не удивилась этому, как и я.

— Задумал произвести разведку, — отозвался агент. — Мы ведь так и не раздобыли никакого источника информации — значит, придётся увидеть и услышать всё своими глазами.

Действительно. Наш план разжиться телефоном с работающим интернетом потерпел сокрушительное фиаско сразу по нескольким причинам: во-первых, последние деньги мы оставили в забегаловке (об этом ни КОБР, ни Сато и не подумали позаботиться), а во-вторых, дорога, ведущая от одного очага скверны к другому, была на редкость безлюдна. За то время, что я

не спал, нам навстречу попалось штук пять военных машин и три гражданских, и все они просвистели мимо нас, не останавливаясь.

Я продолжал надеяться, что мы выбрали верный путь. Если Император не прибудет сюда… я понятия не имел, что нам делать дальше.

— Вам придётся пока остаться в машине, — продолжал вещать Рубан, у которого, кажется, уже был если не план, то какое-то его подобие. — Сейчас найдём место, где укроем её — и я уйду на разведку. Надеюсь, за это время вы не пролюбите нашу последнюю надежду, — он указал на потолок машины.

Мы с Элизой переглянулись. План звучал как-то… неубедительно.

— Предлагаешь нам просто сидеть тут, в мёртвом городе с кучей мертвецов?

— Как будто в первый раз, — усмехнулся он. — Нет, остаётесь тут. Брать кого-то из вас в разведку — почти гарантированно провалить её. В городе, кроме мертвяков, наверняка есть и живые военные, и я не хочу, чтобы они нас заметили.

Нет, всё ещё неубедительно. То есть, в том, что Рубан способен всё разведать и вернуться к нам, я почти не сомневался… Но что делать нам, если кто-то обнаружит машину? Уезжать, теряя всякую связь с агентом? Давать отпор?

Заметив наши задумчивые взгляды, Рубан покачал головой — и, сняв с пояса пистолет (как ни странно, но его КОБР агенту всё-таки вернули), торжественно вручил его мне.

— Но… — попытался возразить я.

— Экономь патроны, Ротт.

— А если…

— Тогда не экономь.

— Но когда…

— Как только получится.

Ну, по крайней мере, теперь это был старый добрый Рубан, к которому я привык — без депрессии и меланхолии, с безумными планами и его вечным сарказмом. Он со спокойным видом вглядывался в зеркало заднего вида.

— Хреново, — Рубан помотал головой раньше, чем я смог сформулировать следующий вопрос. — Хреново, слишком мягкая почва. Машина оставляет следы.

И действительно, мы ехали по полю. Думается, неделю назад здесь были хутора, сейчас же… одна чернота.

— Может, лес? — предложила Элиза, указав за окно. Где-то вдали, практически на горизонте, действительно начинался лес — сплошь чёрный отсюда.

— Угу, — тихо пробормотал Рубан. — Километров двадцать, не меньше, а мне потом идти пешком.

— Мы можем отогнать машину сами, — пожал я плечами. — Почему нет?

Рубан пристально глядел на меня пару секунд, а затем махнул рукой.

— Ладно. Если уж доверил пистолет, то ключи от машины тем более могу доверить.

— Стоп, — нахмурилась Элиза. — А ты сможешь отыскать нас там, не зная, где именно мы остановились?

Рубан коротко хмыкнул.

— Моя работа — отыскивать то, что прячется неизвестно где.

Он притормозил посреди поля и уставился на нас.

— Запомните вот что. Не вздумайте забираться в самую тёмную дыру, чтобы укрыться от всего света. Вы всё равно не спрячетесь от того, кто будет искать вас целенаправленно — я, например. Ваша задача — спрятаться от тех, кто мог бы засечь вас случайно.

Мы кивнули.

— Этот лес, — продолжил Рубан, — один из самых больших в Империи. Он простирается на многие десятки километров, и в нём очень легко заблудиться, пройдя буквально одну поляну. Если будете выходить из машины — всегда стойте так, чтобы не потерять её из виду, или оставляйте какие-нибудь ориентиры.

Мы с Элизой снова переглянулись.

— И что… нам просто сидеть и ждать, пока ты вернёшься? — Элиза подняла бровь и откинула со лба белую прядь. — Невесть сколько? А если…

— Вам сидеть и ждать, — кивнул Рубан. — И меня не волнует, если вы поголодаете пару дней, потеряете по три литра крови из-за местных комаров или займётесь сексом на заднем сидении просто для того, чтобы чем-то себя занять.

Вставить хоть слова в ответ на такое вопиюще прекрасное предложение никто из нас не успел — Рубан продолжил говорить.

— Вы будете сидеть тут и ждать. Вокруг идут боевые действия. «Гьяллархорн» — единственный шанс всё исправить, а ты, Ротт — один из немногих, кто способен прикоснуться к Императорской Печати. Я задумал одну вещь, крайне опасную, и мне нужно, чтобы, когда я её проверну — вас рядом не было. Это ясно?

— Ясно, — сквозь зубы процедил я.

— Когда всё закончится, я найду вас, — заключил Рубан, вручая мне ключи от машины. — А пока — укройтесь в лесу и не выбирайтесь наружу, что бы ни происходило.

С этими словами он распахнул дверь и выбрался наружу; нас снова обдало волной трупного запаха, так, что я скривился, а Элиза даже закашлялась. Выбравшись следом, я перешёл на водительское сидение — но отъезжать не торопился, глядя, как Рубан быстрым шагом возвращается на асфальтную дорогу.

— Ну, — нарушила молчание Элиза, когда прошло минуты две-три, — по крайней мере, там не будет так вонять. Давай трогаться, что ли?

Я лишь молча кивнул — и вставил ключ в зажигание.

* * *

Главное — не спешить.

Тина нервно барабанила пальцами по стальной решётке окна. Сидеть на диванчике и делать вид, что она никого не ждёт, было глупо — если уж Родион имел возможность следить за ней, то он видел и то, что произошло вчера.

Она и сама не ждала, что её «дымный сигнал» в самом деле привлечёт кого-нибудь в этой глуши. Так, хотела попрактиковаться, освоиться со своими «вывернутыми наизнанку» силами. Тина понятия не имела, что за здание Родион выбрал своей базой, но знала одно: они спрятаны где-то в глубине самого большого и самого непроходимого леса Империи. Шанс встретить здесь кого-то, не связанного с Родионом… Минимален.

Так что вчерашнее появление под её окнами паренька в грязной армейской форме можно было списать лишь на чудо. Вторым чудом было то, что его никто не заметил: республиканец-дезертир уже отчаянно крутил головой, пытаясь сообразить, где он оказался, и уже явно собирался оббежать здание по кругу, когда Тина тихо окликнула его:

— Эй!

— Чего? — республиканец похлопал глазами, глядя вверх.

— Не суйся в двери, — душевно посоветовала Тина, продолжая курить.

— Почему? — опешил паренёк.

— Расстреляют, — Тина пожала плечами. — Или ещё как-нибудь прикончат, точно не знаю.

Это немного охладило его пыл — кажется, от голода он почти потерял самообладание. Застыв на месте, он с полминуты что-то соображал, а затем снова поднял глаза на Тину:

— Еда есть?

По-имперски он говорил с акцентом, лёгким, но всё-таки заметным. Тина оглядела его с головы до ног: форма в грязи и

копоти, продрана, на лице щетина, скулы обострились, глаза красные… Кажется, у республиканской армии дела идут не лучшим образом.

И тем не менее, было очевидно, что этот тип — её шанс. Какой? Она пока и сама не знала. Но не использовать его было бы глупо.

— Еда? — она почесала переносицу. — Будет к вечеру.

Он уставился на неё ещё более жадно; было видно, что он тоже обдумывает, что он может предложить этой странной девушке в обмен на её еду.

Решётку он, конечно же, не выдернет. Тут и думать нечего — для этой цели нужен полноценный тягач с тросом, а не один оголодавший, отощавший рядовой. Да и вообще, чем больше он крутится вокруг здания — тем больше шансов, что Родион заметит его.

— Вот что, — определилась Тина, выпустив колечко сизого дыма и — почти машинально — отправив его вместо нормальной траектории ввысь, в самое небо. — Придёшь сюда после наступления темноты. С меня еда. С тебя ответы на вопросы.

Пока что это было самое реальное, что мог бы ей дать этот солдат.

— А… — паренёк сглотнул голодную слюну.

— Или может торчать здесь, — пожала она плечами. — Тогда тебя прикончат, а у меня отберут сигареты и посадят в какой-нибудь сырой подвал без окон. Что выбираешь?

Несколько раз кивнув, солдат скрылся в ельнике.

…разумеется, вечером он появился с первыми признаками темноты. Тина беспрекословно отправила ему через решётку половину своего рациона, а затем целых полтора часа слушала его «отчёт» о происходящем. О войне, которая началась около границы. О битве, в которой Император поднимал мёртвых. О новом мёртвом городе. И о блужданиях по лесу, конечно же. Временами она говорила солдату — того звали Егором — затихнуть, или тот сам умолкал, слыша какой-то шорох, а затем принимался говорить вновь.

Что ж, заметили их или нет — но вчера вечером их разговор никто не прерывал.

Что ж, материала к размышлению было достаточно, а до тех пор…

— Придёшь завтра, в это же время, — Тина даже не предлагала, а просто указывала Егору, и тот кивал головой. — Получишь ещё еду в обмен на…

Она задумалась.

— …вот какую информацию, — медленно произнесла она. —

Попытайся выяснить, что это за место, где меня держат. Это то ли бывший санаторий, то ли больница… Также узнай, есть ли рядом что-то, кроме леса — дорога, люди, какие-то строения…

…главное — не спешить.

Тина напряжённо вглядывалась в темному, ожидая появления Егора. Разумеется, она сказала ему быть осторожным, сказала не попадаться на глаза, но…

Вчера он даже не дотерпел до наступления полной темноты — явился с первыми сумерками. Сейчас уже стемнело основательно… принимать ли это за плохой знак, или парень просто стал осторожнее?

Тина оглянулась. Тарелка с половиной её рациона была спрятана под диваном. Плевать на голод, главное — выбраться отсюда. Да где же он?..

Мимо её окна стремительно пролетела какая-то чёрная птица, пронзительно крича, и Тина отшатнулась. Тьфу, чёрт. Успокоив колотящееся сердце, Тина снова прислушалась к ночной тишине.

Никого. Никаких шагов.

Вот шаги раздались, но с другой стороны — внутри дома; кто-то быстро прошёл мимо её комнаты. Тина стремительно отпрянула от окна и уселась на диван, но всё оставалось тихо — никто не остановился возле её дверей. Дождавшись полной тишины, она снова перебралась к окну. Всё ещё никого, или…

Шорох в кустах. Наконец-то! Сердце снова бешено заколотилось — спокойнее, Тина, спокойнее, ты же бывалый агент, не надо так волноваться… Тина вцепилась в решётки…

Кто-то пробирался сквозь кусты — медленно, громко и совершенно не скрываясь. Совсем рядом закричала ещё одна птица, затем другая…

А затем из кустов прямо к её окну выпало изломанное, перекрученное тело Егора; два тугих чёрных щупальца держали его за плечи, не давая распластаться по земле.

— Умно, Тина, — заметил Родион, выходя из кустов следом; за его спиной маячили Ленора и Алекс Ротты. — И правда умно. Но всё-таки не настолько, чтобы обмануть меня.

Глава 24

Труп мотался у Тины перед глазами. Влево-вправо. Влево-вправо. Движения были плавными, ветка поскрипывала так тихо, что этот звук совершенно не пугал ворон, слетевшихся на свежее угощение.

Вот и все планы.

Как там сказал Родион? «Подумай о том, к чему ведут твои действия?» Что ж, мыслей у неё теперь было предостаточно. Скрип ветки, карканье ворон и свежий — даже почти не воняющий гнилью — покойник напротив окна.

Словно бы в качестве издевательства — хотя почему «словно бы», так оно и было! — в правой руке Егор сжимал пачку сигарет, а в левой — зажигалку. Голова, наклонённая вниз, смотрела в никуда пустыми глазницами. В целом эта фигура напоминала что-то вроде жуткого пугала посреди леса, засиженного ничуть не боящимися его воронами.

Напоминание. Предупреждение.

Интересно, что Лев, по чьей просьбе — как сказал Родион — её вообще оставили в живых, думал по этому поводу? Спросить у него об этом Тина не могла: ни Лев, ни Сара в её тюрьме больше не появлялись. Еду приносил молчаливый Алекс Ротт, чьи металлические протезы тихо лязгали при движении. Под окном раз в полчаса проходила Ленора, проверяющая, не выкинет ли пленница ещё чего-то.

И, конечно, труп. От него никуда не деться — даже если отойти от окна, завесить его занавесками, отвернуться, всё равно память подскажет, что он висит там, что он мёртв и что именно Тина виновна в его смерти.

Нет, Тина давно уже отвыкла от моральных страданий по лишним трупам. За годы работы в УБИ она повидала всякое дерьмо. Но всё же тело, качающееся там, напротив, и вороны, выклёвывающие ему внутренности… Пожалуй, что это было слишком.

Итак, надежды нет. Наверное, было глупо думать, что она есть, но очень уж хотелось уцепиться за случайность, за мизерный шанс…

Кинув новый взгляд за окно, Тина отвернулась и прилегла на диван. Голова трещала, и в этом не было ничего удивительного.

* * *

Машину я остановил только тогда, когда чёрные, обугленные деревья медленно перетекли в зелёно-жёлтые и пока ещё живые. Не потому, что фургон бы хуже укрылся в осквернённом лесу: просто в последнее время я видел слишком много подобных пейзажей, и хотелось дать взгляду отдохнуть.

Мы ехали по лесной дороге. Наверное, мне следовало бы увести машину куда-нибудь вглубь, но лес был таким густым — Рубан не соврал — что проехать тут было почти нереально. Что ж, в конце концов, эта дорога тоже основательно заросла — похоже, здесь почти никто не бывал долгое время.

Если там, в Морбреге, ещё стояло последнее позднее лето, то здесь осень уже вовсю брала своё. Под колёсами шелестели падающие листья, но кроны деревьев пока ещё не облетели окончательно; откуда-то звучали голоса птиц, которые я не мог опознать, а время от времени между древесных стволов пробегал лёгкий, но холодный ветерок.

Хлопнув дверью, я вышел из машины. Вокруг наконец-то пахло не трупным разложением, а лесом, природой. Облокотившись о капот, я замер, в задумчивости озирая пейзаж.

— Как думаешь, — Элиза тоже выбралась из машины с другой стороны, — долго нам тут придётся торчать?

Я пожал плечами.

— Рубан… Когда с ним было просто? Мне вот уже две ночи подряд снится та поездка по морскому дну. Может, он вернётся сегодня вечером, а может…

Я замолчал, недоговаривая до конца.

— А может, не вернётся вообще? — Элиза поёжилась, обхватив плечи руками, и дело было явно не в прохладном осеннем ветерке.

Я помолчал.

— Может, и так. Кто знает?

— И как мы поймём?.. — тихо, практически про себя, пробормотала Элиза. — Что нам делать тогда?

Хорошенький вопрос.

— Действовать по обстоятельствам, — ответил я. — И всё-таки надеяться на лучшее.

* * *

…как же всё неудачно, как невовремя!..

Тине хотелось вскочить с дивана и броситься ходить по комнате из угла в угол, как тигрице в клетке, но она силой воли удерживала себя на месте. Не выказывать волнения. Не

привлекать лишнего внимания.

Родион, конечно, не опасается её всерьёз — будь так, он бы не ограничился этим устрашающим пугалом за окном и «сменой караула», а предпринял бы меры посерьёзнее. Но, тем не менее, после вчерашнего он смотрит на неё пристальнее обычного.

Ленора должна пройти под её окном минут через пять, и она не должна ничего заметить. Ни движения в комнате, ни того, как пристально Тина вглядывается в одну точку. В ту, на горизонте которой медленно, но верно разгоралось знакомое сияние.

Это можно значить лишь две вещи. Первая — невероятная, почти фантастическая, и всё-таки реальная. Марк?

Как Марк мог оказаться здесь, искал ли он её, или попал в лес случайно, знал ли Родион о его присутствии? Кто ещё с ним? Столько вопросов, и никаких ответов.

Вариант второй тоже не стеснялся задавать вопросы. Если это не Марк, то… кто или что? Такое количество магической энергии вряд ли мог выделить человек, кроме Марка. Так… новая битва? Новая вспышка скверны, захватившая участок леса вокруг?

Теперь понятно, почему у неё болела голова. Она и сейчас раскалывалась, но Тина старалась не обращать на эту боль внимания, крутя в руках вилку.

У неё всего одна попытка, не больше. На первый раз Родион спустил ей оплошность и продолжил охранять «сквозь пальцы». Но ещё один провал — и он изменит своё мнение. Значит, сейчас она или победит… или проиграет.

…судя по сиянию, до Марка — или места битвы — было километров пятнадцать. Много, но благодаря свечению она могла отслеживать и расстояние, и направление. Вопрос в том, могла ли она подать знак?..

За окном раздались шаги. Ленора. Тина привалилась к спинке дивана и прикрыла глаза; пусть лучше думает, что она спит или погружена в собственные невесёлые мысли.

Тина не знала, думает ли Ленора вообще, могут ли думать такие, как она, или же их мысли — это нечто сродни фантомной боли, рефлекторная память о временах, когда тело ещё было живым…

Ленора проходила медленно, нарочито растягивая шаг. Вороний грай и хлопанье крыльев сообщили Тине, что та то ли задела висящее тело рукой, то ли просто прошла поближе. Тихий смешок. Да ей это удовольствие доставляет, пожалуй.

…Тина выждала минуты две после её ухода, а затем — как могла бесшумно — сорвалась с места и бросилось к окну. Свечение оставалось примерно таким же, как и раньше, возможно, чуть-чуть больше — как если бы приблизилось на

километр или два.

Оно слепило глаза, заставляло щуриться и отворачиваться. До сих пор неясно, что это, но рискнуть стоило. Если это всё-таки Марк, а она не сделает ничего, просто просидит здесь за закрытым окном…

Нужен дым, источник дыма. Всё остальное — даже песок или опавшие листья — слишком тяжёлое. Нет, ей удавалось поднять это телекинезом… Но, протащив пару метров, она роняла «груз».

Тина вновь уставилась на зажигалку и сигареты в руках покойника. Если бы до них было можно добраться… хотя бы до зажигалки. Поджечь что угодно — ветку, тряпку — и отправить дымное послание в нужную сторону…

С расстоянием никаких проблем не было. Конечно, контроль на таком расстоянии ослабеет, о картинах или буквах из дыма речь не пойдёт, но она сможет изобразить что-нибудь простое — круг, стрелку…

Вот только дыма не было.

Тина с тоской поглядела на птиц, клюющих руки покойника. Если бы зажигалка упала на землю… наверное, она могла бы сделать что-нибудь. Отодрать какую-нибудь рейку, примотать к ней вилку, которую она всё ещё сжимала в руках, попытаться придвинуть зажигалку к себе…

Увы. То ли Родион слишком крепко сжал мёртвые пальцы Егора, то ли птицы не очень старались. Вот одна из них посмотрела в её сторону, издевательски каркнула пару раз — будто всё понимая — и взмыла в воздух, уронив на поросший травой песок пару чёрных перьев.

Стоп. Перья?..

* * *

Время тянулось медленно, занять его было нечем. Потому-то всякие мысли и лезли в голову со страшной силой. Мы с Элизой в основном молчали. Я пытался представить, что сейчас делает Рубан и насколько безумен его очередной план. Насколько мне показалось… он задумал не обычную разведку, а что-то похитрее.

Порой мысли об этом прерывались на простую усталость. От… всего этого. От жизни в дороге, от беготни, войны, взрывов и погонь.

— Чёрт, — пробормотал я, прикрывая глаза и качая головой. — Знал бы, чем всё кончится — даже из дома не выходил бы в тот день.

— В какой? — не сразу поняла Элиза.

— Когда решил поехать к тебе и разорвать помолвку.

Пару минут мы молчали, а затем девушка заметила, тряхнув волосами:

— И был бы мёртв.

И это верно.

— Не нужно думать, что все несчастья мира завязаны на тебе, Марк, — продолжила Элиза.

— Я и не думаю, — вздохнул я, — но глупо отрицать — немалая их часть на мне всё-таки завязана.

— Родион планировал это всё долгие годы, — Элиза покачала головой. — Ты виноват только в том, что родился с Уроборосом и подвернулся ему в нужный момент. Если бы не ты — он бы нашёл другой способ добиться своего, и всё опять произошло бы именно так, или ещё хуже…

Я не нашёлся, что ответить ей — но тут внезапно девушка встрепенулась и расширила глаза.

— Смотри!

Мне понадобилась пара секунд, чтобы понять, куда она указывает. Десяток чёрных вороньих перьев кружились по ветру, проплывая мимо нас — кружились неестественно, странно, как будто обладая собственным разумом.

— Ветер?.. — пробормотал я, шагая вперёд… Но в этот момент перья перекувырнулись — и сложились в тонкую, неровную стрелку, указывающую куда-то в ту сторону, откуда они пришли.

— Что это?.. — Элиза проследила за полётом — а перья снова собрались в тонкое кольцо и проследовали дальше, словно не замечая нас. Кажется, тому, кто управлял ими — а кто-то ими точно управлял, у меня не было в этом сомнений — было тяжело держать их в одной форме долго.

— Сигнал бедствия? — предположила Элиза.

— Или ловушка, — нахмурился я. — Давай-ка лучше в машину.

— Откуда бы оно ни пришло, — Элиза проводила перья, исчезающие за деревьями, что снова приняли форму стрелки, — это там, дальше по этой дороге.

Я с сомнение оглядел когда-то ровную тропу перед собой, сейчас представляющую из себя узкую, заплетённую корнями дорожку, засыпанную осенними листьями.

— Вряд ли это ловушка, — продолжила Элиза. — Оно… не видело нас.

Да, всё выглядело так, будто кто-то гонит и гонит своё послание вдаль, как письмо в бутылке, понятия не имея, встретит ли его кто-то, увидит ли. Возможно, послание было не

единственным, и кто-то рассылал их во все стороны?

— Почему перья? — нахмурился я. — Это что-то значит, или…

— Что-то максимально лёгкое, — пожала плечами Элиза. — То, что можно удержать в воздухе даже со слабыми способностями и на большом расстоянии. Так мы…

Она кивнула головой в сторону дороги.

Я задумчиво сжал в руке ключи от машины, пистолет Рубана…

— Что тебе сделается, Марк, — усмехнулась Элиза. — Ты же всё-таки бессмертный.

Я покачал головой, вставляя ключ в зажигание.

— Что сделается мне — не тот вопрос, который следовало бы задать, Элиза. Тот вопрос — что сделается местному многовековому лесу, если меня опять прикончат здесь?

Машина мягко заурчала, и я — как мог тихо — тронулся с места.

* * *

Неизвестность — вот что мучило Тину больше всего. Она чувствовала, что каждый из пяти «перьевых сигналов», которые ей удалось послать, пролетел через территорию, сияющую магией. Готова была поклясться, что ни Ленора, ни Родион не заметили её хитрости. Один пучок перьев даже ещё держался в воздухе — на огромном расстоянии, но Тине всё-таки удавалось сделать это…

Но, увы, она не знала — получилось ли хоть что-то. Её телекинез мог тянуться — за счёт необычайной лёгкости «груза» — на долгие километры, но вот зрение было совершенно человеческим, а область, отмеченная её синестезией — большой. Все пять сигналов могли попросту пролететь там, где не было ни одного живого человека. И что тогда?

Шаги за дверью; Тина вздрогнула, пытаясь не растерять концентрацию — но поняла, что и эти перья уже не в её власти. Слишком далеко. Отправить новую порцию и надеяться на то, что всё получится?..

Ключ повернулся в двери. Тина удивлённо и испуганно заморгала; кажется, что-то не так. Её всё-таки засекли?

— На выход.

Это были первые слова, что сказал ей Алекс Ротт с того момента, как она попала сюда. Говорил он коротко, хрипло и отрывисто — технически протез вернул ему речь, но естественно звучать она не могла.

— Что…

— На выход, — хмуро повторил он, жестом показывая, что ждать не будет. — Ты переезжаешь в новое место.

— Я… — она сжала в руке вилку, бесполезную теперь.

— Что-то непонятно, девочка? — за спиной у Алекса возникла и Ленора. На сей раз она не выпускала своих чёрных щупалец, но выражение лица было самое мрачное. — За нами.

…сбежать? Сейчас, здесь, в этом лесу?

Алекс и Ленора шли быстро, но всё же умудрялись находиться по обе стороны от неё. Тина не сомневалась ни секунды: попробуй она скрыться от них, сквернорождённые тут же догонят её, и хорошо ещё, если дело просто ограничится возвращением на новый маршрут.

Выходя из здания, она попыталась оглянуться и хотя бы в общих чертах понять, что это за место. И… ей почти это удалось; двухэтажное строение напомнило ей о чём-то. О чём-то, виденном то ли на старых фотографиях, то ли в учебнике по истории…

Увы, разглядывать здание ей не дали. Тычок в спину от Алекса был чувствителен, а Ленора шагала вперёд быстро, не оборачиваясь, всем своим видом давая понять — или Тина подстраивается под эту скорость, или её потащат силком.

— Вы хотя бы можете сказать, что произошло? — со злостью выплюнула Тина, почти не рассчитывая на ответ.

— Произошло то, что с тобой слишком много хлопот, девочка, — всё ещё не глядя на неё, отозвалась Ленора. — Гораздо проще было бы убить, прямо здесь, но, на твоё счастье, Родион запретил делать это.

— Почему мы уходим? — продолжала докапываться Тина. — Из-за вчерашнего?

— Вчерашнее не при чём, — фыркнула женщина. — У него свои планы, и тебя они совершенно не касаются. Просто передвигай ногами в нужном направлении и не задавай вопросов…

Но Тина уже не смотрела на неё. Она смотрела влево, туда, где яркое, светящееся пятно становилось всё больше, больше и больше…

Как будто что-то очень быстро приближалось в их сторону. Как будто кто-то шёл или ехал…

Осознание происходящего вылилось на Тину, как ушат холодной воды. Хорошая новость: через минуты три-четыре Марк (а это почти наверняка был он) будет тут.

Плохая новость: к этому времени её уже здесь не будет, и они разминутся. Если только она что-нибудь не придумает.

Глава 25

…машина тряслась по лесной дороге. Было видно, что этот путь заброшен много лет назад, что им никто не пользуется. С другой стороны… по сравнению с тем, что было километров десять назад, дорога всё-таки расширилась. Было видно, насколько она когда-то была широкой.

— Ты представляешь, насколько это рулетка? — я мрачно держался за руль. — Один раз мы и тот, кто посылал этот сигнал, пересеклись — безумная случайность, перья могли пролететь в десяти метрах от нас, за ближайшими кустами! Чтобы мы и во второй раз пересеклись…

— Ну, — Элиза пожала плечиками, — если никого не найдём, повернём обратно.

— Я лишь боюсь, что мы найдём новые неприятности, — заметил я. — Мало нам Императора, Родиона и скверны по всей Империи — так ещё и какие-то загадочные тайны древнего леса… Тьфу, даже звучит как в дешёвом фэнтези!

— Знаешь, что я думаю? — негромко усмехнулась Элиза. — Слишком много совпадений. Тот самый лес, что граничит с местом битвы. Как думаешь, каковы шансы, что эти загадочные тайны связаны с Родионом или Императором?

— Ну, — буркнул я, ещё крепче цепляясь в руль и вглядываясь в густое переплетение веток, — я почти не удивлюсь. Мне уже начинает казаться, что почти любые беды в нашей жизни связаны с Родионом, так или иначе.

* * *

Дорога вела вглубь леса — теперь они уже шли не по широкой и когда-то чистой проезжей части, а по лесной тропинке. Тина едва поспевала за своими тюремщиками, которым, разумеется, никакие колючки и овраги были нипочём. Ветки били по лицу, девушка спотыкалась…

Увы, повода задержаться на большой дороге попросту не было. Пятно сверкающей силы — Марк! — пролетело мимо и теперь отдалялось от неё.

Впрочем, не всё было кончено. Тина всё ещё могла послать какой-нибудь сигнал, те же перья или что-нибудь ещё — благо, теперь Марк был в разы ближе. Вот только делать это на ходу — непростая задача, особенно когда все твои навыки вывернуты наизнанку.

Для начала нужно было дойти. Куда-нибудь… просто куда-нибудь. Остановиться, сосредоточиться…

— Не отставай, девочка, — насмешливо хмыкнула Ленора, даже не оборачиваясь на неё. — И нам не придётся тебя торопить.

* * *

Родион Долгов сидел, глядя на монитор, где точка Б — «Гьяллархорн», единый в своих трёх компонентах и собранный вместе — слишком стремительно приближался к точке «А» — его местоположению.

Бред. Откуда они могли узнать, как они вообще…

Ладно. Шаги он предпринял, и сейчас всё определится. Зависит от того, едет ли Ротт по конкретному адресу, к конкретной цели — или же просто едет по дороге, сам не понимая, куда направляется.

У Родиона были планы на оба случая. В эффективности этих планов он, впрочем, уверен не был. Никогда нельзя быть ни в чём уверенным, когда речь идёт о Марке Ротте.

* * *

И… дорога окончилась тупиком.

Наверное, это странное и непривычное словосочетание — тупик в лесу. Но это был именно он. Небольшая перегородка на двух столбиках, поставленная чёрт знает сколько лет назад, символизировала нам, что проезд закрыт — но и ехать, собственно, было больше не было; через десять метров после этой перегородки дорога попросту кончалась, перетекая в густой и непролазный лес.

Мы притормозили, и я нахмурился, вглядываясь вперёд. Лес… просто лес.

— Может быть, мы пропустили какой-то поворот или разъезд? — предположила Элиза, оглядываясь назад.

— Ага, — согласился я. — Или… просто дальше нужно идти пешком.

— Ты помнишь, что говорил Рубан? — нахмурилась она. — Не отходить от машины дальше, чем хватает взгляда, и никогда не терять её из виду. Пока мы ехали по прямой дороге, это не имело значения, но если забредём вглубь леса…

— Интересно, и как Рубан собирается искать нас в этом жутком месте, когда закончит со своей разведкой? — недовольно

буркнул я. — Если тут шагу ступить нельзя, чтобы не потеряться.

— Рубан — это Рубан, — резонно возразила Элиза. — Он не только это может.

Я лишь хмыкнул. Конечно, глупо было отрицать то, что агент знает и умеет гораздо больше нас, да и его жизненный опыт был несколько побогаче, но всё-таки и из нас делать полных неумёх не стоило.

Я заглушил мотор; повисло молчание, в котором читался один и тот же невысказанный вопрос, мучивший нас обоих.

Стоит ли это «внезапное приключение» того, чтобы рисковать?

Ответ напрашивался совершенно однозначный.

— Думаю, — вздохнула Элиза, — кто бы ни посылал эти перья, это не причина вмешиваться не в своё дело. У нас хватает и своих проблем.

Справедливо, пожалуй. Как бы меня не ело любопытство, но… делать ради него самоубийственные глупости не стоит, даже если самоубийство будет временным и коротким.

— Возвращаемся, — подытожил я, вновь заводя мотор. — Надеюсь, у меня получится здесь развернуться.

* * *

Точка Б остановилась в тупике.

Разумеется, дорога к дому не была… столь очевидной. Родион никогда не выбрал бы укрытием что-то, до чего было бы легко добраться. И тем не менее, расстояние между им и Марком Роттом с его спутниками сократилось до попросту неприличного.

Что ж… А как хотелось обойтись малой кровью. Если бы выяснилось, что Ротт заехал сюда случайно, то он бы просто взял все вещи, всех людей — и ушёл бы, оставив пустое здание. Просто выждать, пока Ротт ничего не найдёт и уберётся прочь, или вообще проедет мимо…

Увы, судя по остановкам и перемещениям, Ротт, похоже, всё-таки искал именно его, целенаправленно и точно.

Придётся вмешаться.

* * *

Хорошая физическая подготовка — обязательное требование для любого агента УБИ, и неважно, будут входить в его обязанности полевые операции с погонями и стрельбой, тайная

слежка под прикрытием или просиживание штанов за компьютером в каком-нибудь отделе экономической аналитики. Агент — всегда агент, и должен быть готов к неожиданным ситуациям. Если в отдел экономической аналитики ворвутся боевики КОБР с автоматами наперевес, они должны встретить не растерянных очкариков, а людей, способных мало-мальски постоять за себя.

Тем не менее, Тина валилась с ног от усталости. Они прошли относительно небольшой участок — не больше получаса пешком — но, Боже, по какой же ужасной местности! Даже для тренированных ног это — то ещё испытание.

Её неживые провожатые не давали ей ни малейшей форы, шагая вперёд и даже не морщась. Им-то, конечно, было всё равно — особенно Алексу с его протезами, сминающему любые препятствия на своём пути.

К моменту, как они добрались до маленького деревянного домика — скорее, небольшой избушки, чем полноценного жилища — Тина вся истекала потом и ловила ртом воздух. Ещё, конечно, это происходило потому, что с самой ночи она вновь была без подпитки в виде сигаретного дыма, и мозг медленно, но верно начинал требовать новую порцию зелья.

— Располагайся, — спокойно, будто они были друзьями, вышедшими на прогулку, сообщила Ленора, открывая дверь. — Чувствуй себя как дома.

Из мебели в избушке были только кровать и два стула — ровные, деревянные. Дверь захлопнулась за спиной у Тины; та обернулась на звук, скорее машинально…

И удивлённо уставилась на топорно вырезанный герб Империи на внутренней стороне двери. Не то, чтобы было чем-то фантастическим, и всё же… слишком не вязалось со всем остальным. Избушка, заброшенная кучу лет назад, простая обстановка… и вдруг герб. Торжественно и официально.

Впрочем, это больше напоминало детский рисунок — неумелый, неловкий.

«Л». «М». Две буквы по две стороны от герба. А?

* * *

Солдат выскочил на дорогу внезапно.

Впрочем, «выскочил» это было бы сильно сказано. Скорее — вывалился, ковыляя по кустам. Увидев едущую на него машину, он замер, расширил глаза и поднял руки, словно призывая нас не стрелять.

Наверное, если бы я вёл машину по шоссе, ровному и пустому — то пронёсся бы мимо солдата раньше, чем успел бы его разглядеть. Но машина шла медленно, кое-как переваливаясь по неровной дороге.

В общем, я ударил по тормозам.

— Марк, ты уверен?.. — пробормотала Элиза — тихо, чтобы не услышал тип снаружи. У неё самой уверенности точно не было, это чувствовалось по голосу.

— Едва ли он опасен, — рассудил я. — Погляди, даже не пытается схватиться за оружие.

Форма солдата принадлежала Республике, и вывод напрашивался сам собой — то ли дезертир, то ли случайно заблудившийся рядовой, оторвавшийся от своих.

— Эй! — заглядывая в салон, он забарабанил по стеклу. — Откройте, пожалуйста…

Ну, ладно. Я приспустил стекло, и мы оба уставились на него вопросительно. Несмотря на безобидный вид, я, тем не менее, держал пистолет наготове — под рукой, так, чтобы собеседник не видел, но я мог бы выхватить его в любой момент.

— Слава Богу, — выдохнул солдат. — Хоть кто-то…

— Хоть кто-то? — я поднял бровь.

— Я блуждаю тут уже несколько дней, — он мелко трясся; лицо заросло щетиной. — Никак не могу выйти, и…

Я пожал плечами и указал свободной рукой вдаль по дороге.

— Иди туда. Километров двадцать — и выйдешь в поле, а оттуда уже и город виден. Дорога достаточно широкая, не заблудишься.

Неужели этот лес действительно настолько запутанный? Возможно, всякие мелкие тропинки и ведут вникуда, но это-то — дорога!..

Интересно, пронеслось у меня в голове — для чего её строили? К чему-то же она ведёт, так или иначе — никогда не поверю, что её финал это тот тупик.

— У-умоляю, — солдат продолжал симулировать, — я не ел уже…

— Еды нет, — отрезал я. — Извини, парень, но выживай как-нибудь сам.

— Может, всё-таки…

Солдат не договорил; подобравшись достаточно близко, он двинул меня рукой — с такой силой, какой я уж точно не ожидал; резкая боль заставила меня задохнуться и вытаращить глаза.

Всё, что успела сделать Элиза — это распахнуть дверь машины. Затем солдат сиганул туда и, не сдерживаясь, ударил её в висок.

— Прости, Элиза, — хмыкнул он. — Лучше так, чем ты подожжёшь тут лес.

Замах; ещё секунда — и я тоже буду без сознания…

Выстрел.

Боль никак не хотела проходить; каждый вдох драл горло, как будто там что-то было повреждено. Я кое-как распахнул дверцу и выбрался наружу со своей стороны.

Нет, Родион продумал всё хорошо: если бы я не выстрелил, удар достиг бы цели, и мы оба валялись бы тут без сознания. Просчитался он только в одном: не учёл, что я держу пистолет наготове.

Почему Родион? Ну, потому что я слишком хорошо изучил эту интонацию. Прикидываясь солдатом, он играл неплохо, но вот когда перестал притворяться — всё встало на свои места.

Впрочем, радоваться и праздновать победу мне было рано; Родиона отшвырнуло выстрелом, но большого вреда это ему ожидаемо не нанесло. Я держал его на мушке, и «солдат» расплылся в улыбке.

— Марк, — хмыкнул он. — Брось. Мы же знаем друг друга, и ты не настолько глуп, чтобы думать, будто меня можно остановить обычным пистолетом.

Я пожал плечами и положил вторую руку на крышу машины. «Гьяллархорн» располагался буквально в метре от меня.

— А это?

— А ты успеешь выстрелить? — Родион смотрел ровно и уверенно в себе; знакомое выражение на незнакомом лице только подчёркивало это.

— А ты хочешь проверить? — парировал я.

Молчание затягивалось. Наконец, Родион широко улыбнулся и «перетёк» в свой обычный облик.

— Марк, Марк, Марк… — покачал он головой. — Тебе же дали простое задание… Очистить столицу от скверны, которую ты сам же туда и принёс. Зачем тебя понесло туда?

Я молчал.

Всё-таки Элиза была права — то, что скрывалось в этих лесах, и оказалось Родионом. Интересно, а он-то что здесь забыл?..

— Можно сказать, что я оставил тебя в покое, — продолжал старик. — Дал заниматься тем, чем хочешь, и даже не настаивал на том, чтобы ты действовал под моим началом.

— А потом вдруг выскочил на дорогу передо мной и попытался вырубить, — съязвил я. — Не строй из себя праведника, Родион.

— Снова играешь в слова, — хмыкнул тот. — Ты рыскал тут, пытаясь меня отыскать, Марк. Что ещё мне оставалось.

Должно быть, я не сумел справиться с удивлением и часто заморгал, потому что Родион тоже приподнял бровь. Но… рыскал тут? Пытаясь отыскать его?

Чего?

— Родион, — спокойно заметил я, — я ведь ехал прочь из этого леса. Если бы ты не попытался меня остановить — меня бы тут уже не было.

Родион пожал плечами.

— Может быть, это так, и тогда я совершил большую глупость, когда привлёк твоё внимание. А может, ты пудришь мне мозги. Сейчас это уже не играет никакой роли, верно?

Пожалуй, что так. Я медленно, шаг за шагом, переместился чуть вправо и привстал повыше — так было удобнее жать гашетку гигантского орудия, уничтожающего всякую скверну.

— Знал бы — не возвращал бы вам эту штуку, — спокойно рассмеялся Родион, в голосе которого не было ни капли страха. — А ты не спешишь стрелять, Марк. Не уверен в том, получится ли?

Да, в этот раз он попал в самую точку. Я… не был уверен в сотне вещей.

Начать с того, что я ни разу не стрелял из «Гьяллархорна» и даже понятия не имел, не стоит ли он на каком-нибудь предохранителе (снять с которого я его, разумеется, не успею — стоит мне дать слабину, замешкаться, и Родион тут же этим воспользуется). Затем, я не имел ни малейших гарантий, что это убьёт его, а кроме того — я не знал, не убьёт ли это меня. Вспоминая, что со мной было при приближении к ядру этого прибора…

— Один раз ты уже пытался меня убить Марк, — хмыкнул старик. — Или больше?.. Не помню. Но знаешь, что?

Он развёл руками.

— Ты же не думаешь, что я вышел бы к тебе, не подстраховавшись?

— Дай угадаю, — заметил я хмуро, кидая взгляд на Элизу. Та всё ещё лежала ничком, не приходя в себя, и я надеялся, что Родион не навредил ей слишком сильно. — В кустах стоят твои марионетки и целятся в нас, или что-то в этом духе?

— Нехорошо так о родителях, Марк, — захихикал старик. — И ты почти угадал, вот только… не совсем. Они не в кустах и не целятся в вас. Они в месте, о котором ты не знаешь, а с ними — твоя подружка Тина. Так что, выстрелишь и попытаешься отыскать её сам? Или сдашься, чтобы я отменил приказ о её убийстве?

* * *

Деревянная избушка была погружена в молчание. Алекс стоял у стены, неотрывно глядя на Тину, Ленора была где-то снаружи, обходя домик по периметру. Тина сидела, прикрыв глаза и пытаясь нащупать навыком хоть что-то, достаточно лёгкое.

Пока ничего не находилось.

Глава 26

Молчание затягивалось; я глядел то на Родиона, то на Элизу, которая всё не приходила в сознание. Родион смотрел на меня и только на меня, взглядом уверенным и насмешливым. Но… ведь его угроза — это уже переговоры, так?

Он всё-таки боялся «Гьяллархорна». Иначе просто наплевал бы на него и попытался напасть, вырубить меня.

Шутки шутками, но в прямом столкновении старик всё ещё был бы сильнее меня. Да, я мог включить «Сдвиг», используя всю ту мощь, которую он же в меня и влил. А он…

Я вспомнил его «тренировки», во время которых он одним ударом палкой отключал мой навык. В общем, шансы не равны.

Но старик стоял, хитро улыбаясь, так, будто ему были открыты все истины на свете. Я шевельнул рукой, нащупывая под пальцами спусковую гашетку. «Гьяллархорну» уже сколько лет?.. Почти сотня? Немногим меньше?

Почему-то мне казалось, что это чудо механики, родом из середины прошлого века, не снабжено хитрыми предохранителями.

— Говори, — кивнул я Родиону. — Чего ты хочешь?

Тот ухмыльнулся ещё шире.

— Разве я не сказал?

— Нет, — отрезал я. — Допустим, я сдамся. Что это будет для меня означать?

Родион покачал головой с видом учителя, ругающего ученика за небрежно выполненное домашнее задание.

— Марк, Марк, Марк. Тебя вообще не должно здесь быть, как и твоих дружков. По моему плану, вы должны быть в столице, но поскольку то задание вы провалили, то глупо было бы пытаться дать его тебе ещё раз. Вместе с тем, ты не юная мисс Шраут, и если просто оставить тебя взаперти, это может плохо кончиться. Скажем так…

Слова, слова. Родион тянул время, словно пытался что-то придумать, пока убалтывает меня.

— Короче, — оборвал я его. — Что я должен сделать и что ты планируешь сделать?

— Выторговываешь себе лучшие условия, Марк? — усмехнулся старик. Ну, так и есть. Несёт всё, что угодно, только бы не признавать, что он ещё не придумал хитрого плана на этот случай.

Элиза, лежащая на земле, медленно пошевелилась.

— Кстати, о ней, — заметил Родион. — Вот и ответ. Как

заставить тебя быть сговорчивей? Твои многочисленные друзья и соратники. Тина, Элиза… Думаю, если они будут у меня, ты согласишься посидеть спокойно и не лезть в новые неприятности?

— Что это было… — Элиза открыла глаза и приподнялась на локтях; её взгляд наткнулся на Родиона. — Ты?!

Что ж, не один только Родион умеет играть в софистику и разговоры ни о чём. Каждый из нас, стоя здесь, чего-то ждал. Он — когда ему в голову придёт подходящий хитрый план, достаточно хитропланистый. Я — когда Элиза придёт в себя.

В конце концов — эй, это же Родион! Что ты он ни сказал, чего бы ни пообещал… С каких пор старику можно верить?

Не говоря ни слова, я нажал на гашетку. «Гъяллархорн» был нацелен прямо на Родиона.

…агрегат действительно был старым. Треск, что раздался в первые секунды, заставил меня испугаться, что сейчас всё взорвётся, или того хуже — просто обернётся пшиком. Аппарат ведь мог сломаться, за столько-то лет? И почему мы не проверили его…

А затем ярко-фиолетовый луч ударил в то самое место, где только что стоял Родион. Только что — потому что эти самые три секунды треска дали ему фору, и старик бодро сорвался с места.

— Неверный выбор, Марк, — весело сообщил он, подпрыгивая вверх… после чего его тело стало резко уменьшаться, превращаясь в птичье.

— Какого… — пробормотала Элиза. До меня же смысл действий Родиона дошёл чуть раньше — он пытался взлететь, чтобы не контактировать с землёй, по которой мчался заряд анти-скверны.

Простая почва была чем-то вроде проводника, что и позволяло «Гъяллархорну» очищать не отдельные точки, а большие области; отлетев шагов на двадцать, Родион вновь опустился на землю и принял человеческий облик.

Я ждал, что он бросит что-нибудь язвительное, насчёт моих умственных способностей, но старик только усмехнулся. Миг — и он исчез где-то в кустах. Кажется, заблудиться он совсем не боялся.

— Эта штука сильно его напугала, — заметила Элиза, потирая голову. — Сильнее, чем он хотел показать.

Я закашлялся. С момента самого выстрела этот кашель рвался из меня, но до сих пор я не хотел показывать слабину.

— Нам обоим было что скрывать, Элиза, — согласился я, выплёвывая на землю маленький, солёный комок крови.

— Ты… в порядке? — она округлила глаза.

— Да, — ничего, серьёзнее этого комка меня не беспокоило;

так, лёгкий дискомфорт и ощущение, как он жара, когда стоишь вплотную к работающей доменной печи. — А вот Тина нет.

Он, конечно, мог врать… как и всегда. Но проверять, рискуя жизнью Тины, не хотелось.

— И… что нам делать? — Элиза поморгала глазами. — Если мы попытаемся сойти с этой дороги, где гарантия, что мы не заблудимся? Да и вообще, найти тут кого-то или что-то…

Я пожал плечами.

— Думаю, если она здесь, то те перья — её рук дело. А ещё… знаешь, что? Она в курсе, где я. И была в курсе уже очень давно.

Конечно, магическая синестезия не даст Тине расслабится при моём приближении. Но она же превращает меня в ходячий маяк, видный за многие километры…

— Но ведь это работает только в одну сторону? — Элиза опустила меня с небес на землю.

Я прикрыл глаза.

— Ага.

Лес вокруг нас шумел в своём лесном обыкновении, не обращая внимания на наши мелкие заботы и беды. Я огляделся по сторонам. Кое-что я сделать всё-таки мог…

…на этот раз я предоставил «честь» Элизе. Сам я сел в машину, надеясь хоть так слегка укрыться от анти-скверны.

Элиза же не сдерживалась, поливая ей всю округу.

Мой план был прост: где бы не находилась Тина, но Родион всё ещё жив. Прежде, чем отправляться на поиски, нужно было удостовериться, что он не выскочит из кустов и всё не испортит, а значит…

Я расширил глаза и попытался вдохнуть. Вот чёрт… мне не хватало воздуха.

Утешало одно: старик сейчас чувствует себя ещё хуже. Я-то всего-навсего человек, чьи навыки работают на скверне, а он, считай, её живое воплощение — наверное, если он тут, его и вовсе выворачивает наизнанку и сжигает изнутри.

Эффект должен был продержаться достаточно долго, чтобы не позволить ему идти за нами; это как пламя — если не тушить его специально, оно не погаснет ещё не один час. Фиолетовое свечение растекалось по дороге и окрестным кустам, не нанося им никакого вреда…

А вот мне — очень даже нанося.

Похоже, Элиза тоже заметила, что со мной что-то не так. Остановив волну анти-скверны, она обеспокоенно посмотрела на меня, распахнув дверцу машины.

— Марк, — уточнила она, — ты в порядке?

Я молча кивнул, но… Внешне я старался не подавать виду,

но, кажется, бледное лицо и странный взгляд говорили сами за себя.

— Ты точно не в порядке, — подытожила Элиза. — Хватит этого.

Я попытался что-то ответить, но в горле точно стоял ком, не дающий мне вздохнуть; ох, как бы это и правда не было перебором.

— Марк! — Элиза потрясла меня за плечи. — Не пугай меня! Скажи что-нибудь…

Ну, я был бы и рад. Но не мог. В глазах у меня темнело, и…

* * *

Лес выглядел иначе. Даже не обгоревшие стволы, нет — что-то куда более жуткое. Пульсирующие вены, красные прожилки, запах сырого мяса. Как будто он был чудовищем — бьющимся в агонии от нестерпимой боли, ошкуренным, но всё равно живым.

Странно, но мне полегчало. Воздух вокруг был прогорклым и дымным, но я мог его вдыхать. Я огляделся по сторонам. Это же видение, так?.. Ничего более?

Алые узлы ползли у меня под ногами, а затем…

Дикий крик — уже знакомый крик — разорвал тишину.

Скверна кричала, не в силах вынести того, что я устроил, расчехлив орудие. Я сделал шаг вперёд…

И упал на одно колено. Боль пронзила меня резко и так сильно, что я вытаращил глаза; воздух вновь не шёл в мои лёгкие.

Скверна делилась со мной своей первозданной болью, пыталась таким образом донести до меня то, что я сделал с ней.

Чувствуя, словно под моей кожей прокатываются десятки лезвий, я упёрся кулаком в красную, липкую землю и сделал шаг вперёд. Нет уж — я здесь буду решать, как поступать и что делать. Скверна — не главная в моём теле. Главный я.

— Покажи мне Тину Шраут, — велел я хриплым голосом, и каждое слово отдавалось внутри новым воткнутым ножом.

Скверна — я уже видел эту голую, освежёванную заживо человеческую фигуру, стоящую в полусотне метров от меня — на мгновение замолчала, а затем заорала вдвое громче, и этот крик породил внутри меня новую вспышку боли. Не в силах выдержать её, я повалился на землю, пачкаясь в кровавом месиве, текущем отовсюду. Моё тело словно было комков оголённых нервов… и мозгом в их центре, с вопросом, который я не мог высказать вслух, но который всё равно бился в моём сознании.

Где Тина Шраут?

Скверна могла найти её, я знал это. В конце концов, внутри Тины — один из моих апостолов. Я не мог узнать его местоположение издалека, но мог контролировать, а значит, скверна всё ещё связана с ним. Хотела ли она делать это — другой вопрос.

Всё, чего она сейчас хотела — это убраться оттуда, где разлито вещество, приносящее ей страдания и смерть. Уничтожить «Гьяллархорн», а если уничтожить нельзя, то избавиться, выкинуть в море, закопать на глубине десяти километров…

— Где… Тина Шраут? — прохрипел я, как только смог вдохнуть хоть немного. Подняться на ноги было непосильной задачей, и потому я полз по направлению к освежёванной фигуре — шаг за шагом, сантиметр за сантиметром.

— Где… Тина… Шраут?..

В ответ — только новые вопли, новые вспышки боли. Скверна страдала не меньше, а может, куда больше меня — и старалась передать мне свои ощущения, чтобы хотя бы так заставить меня отступиться.

Что ж, я продолжал ползти. Липкая кровь, которой становилось всё больше и больше, чавкала под весом моего тела, боль не снижалась… Но расстояние между нами сокращалось.

Наверное, я всё бы давно бросил, если бы речь шла о ком-то постороннем. Или малознакомом — вроде того же Льва Дюбуа. Но бросить Тину я никак не мог, и продолжал превозмогать, пытаясь игнорировать боль.

Она ведь не настоящая. Как только я доползу — всё закончится. Я узнаю, где Тина. Я смогу встать и двинуться на поиски. Я…

Новый пронзительный крик, новая вспышка боли. На сей раз она взорвалась буквально в моей голове, разметав все мысли. Какая Тина, какой Родион, какие поиски? Сейчас остаться бы в живых… чёрт, точно. Я же не могу умереть.

— Выкуси, сволочь, — отдышавшись минуту или две (интересно, а сколько времени прошло в реальности?), я пополз дальше. — Я привык к боли.

С этим было трудно спорить. Одна только горящая башня Локка чего стоит — я до сих пор с содроганием вспоминал свой путь из неё. Смерть — жизнь, смерть — жизнь, всюду дым, огонь и раскалённый металл…

Да и другие случаи смерти. Как там говорит старая мудрость? То, что нас не убивает, делает нас сильнее?

Если верить этим словам, я был сейчас силён, чертовски силён. И ты, орущая и визжащая сущность, боящаяся боли и

потому пытающаяся запугать ей и меня — ты и понятия не имеешь, насколько.

Я приподнялся на локтях. Вопль твари притих — кажется, она была настолько изумлена тем, что я смог это сделать, то даже забыла про боль.

На краткий миг, конечно же. А затем — снова.

— Где… Тина Шраут? — выплюнул я в ответ.

Тварь вопила, не останавливаясь, так, будто от этого зависела её жизнь (возможно, так оно и было). Я попытался приподняться ещё выше. Боль ведь тоже не может быть бесконечной, так? Ты либо теряешь сознание, не в силах её перенести… либо привыкаешь и терпишь.

Я поднялся выше; теперь я стоял на четвереньках, но голова была поднята — я смотрел прямо на скверну.

— Где Тина Шраут? — я знал, как бы тихо я не произнесу эту фразу, скверна всё равно её услышит. — Где Тина?

Шаг, ещё шаг. Я поднимаюсь на ноги; меня шагает из стороны в сторону, как при сильнейшем урагане. Но ведь и до цели осталось метров десять, не больше! Шаг. Шаг. Ещё один шаг.

Я кладу руку на плечо освежёванной фигуре — и вопль боли превращается, сменяясь бесконечным изумлением. Я буквально кожей чувствовал, что скверна всё ещё мучается, ничуть не меньше, но я не испытывал ничего, кроме злости и решимости довести дело до конца.

— Покажи мне, где Ти…

Договорить я не успел — короткая вспышка ослепила меня на миг, а затем показала небольшой деревянный домик, окружённый веткам. Ещё одна вспышка — и я вижу две фигуры внутри домика. Тина сверкает ярко-голубым, это цвет скверны, это мой апостол внутри неё. Рядом — мой отец. Точнее, то, что обитает в его теле.

Новая вспышка показала и мою осквернённую мать. Та обходила вокруг домика кругом, патрулируя его. Анти-скверна не дошла дотуда, и двое мертвецов ничего не знали ни о Родионе, ни обо мне. Кажется, старик не связался с ними до сих пор — это внушало определённую надежду.

Что ж; ещё пара вспышек, и я уже знал всё. Расстояние. Направление. Преграды на пути. Машина там, конечно, не проедет, но если вытащить из «Гьяллархорна» батареи, их же можно использовать как большие пушки, так?

— Марк! Марк!

Крики Элизы доносились словно из какого-то другого мира. Я прикрыл глаза…

И закашлялся, открыв их уже рядом с ней. Тело болело, но

времени разлёживаться не было.

— Так, — встав, я огляделся и метнулся к «Гьяллархорну». Где он там открывается?.. — План простой, без хитрых заворотов — я не Родион. Вот что мы сделаем…

* * *

Тина готова была ругать себя самыми последними словами. Всё было просто! Тогда, в комнате — кто мешал её набрать перьев, валяющихся под окном в огромном количестве, и распихать по карманам? Она легко достала бы их… а сейчас здесь нет ничего, что она могла бы протащить дальше пары метров. Листья и песок слишком тяжёлые для её способности.

Каков шанс, что Марк найдёт её здесь посреди леса? И это даже если он просто узнает, что она здесь, просто начнёт её искать… Может, шанса и не было никогда?

Звук шагов; кто-то приближался к хижине. Алекс тоже услышал это, потому что поменял позу — теперь он не стоял, прислонившись к стене, а был настороже, как хищник перед броском.

— Марк, — раздался за дверью голос Леноры. — Какая встреча. Зашёл поздороваться с родителями?

Марк? Тина вскочила с места…

— Сидеть, — прохрипел Алекс тоном, не предвещающим ничего хорошего. — Я успею убить тебя раньше, чем он…

Грохот сотряс хижину; что-то ударилось в дверь.

— Вы не родители, — раздался за дверью голос Марка. — Вы — паразиты, захватившие их тела, а может, и души.

Новый стук, новый удар. Снаружи домика шла ожесточённая драка, а здесь, внутри, стояла полная — и оттого неестественная неподвижность.

Алекс, не выдержав, первым бросился к двери — но открыть её не успел. Дверь сорвалась с петель, и на пороге возник Марк. Тело чернело осквернёнными навыками; уже не сдерживаясь ни капли, Марк врезал по существу, имевшему облик его отца — а затем, когда тот отлетел в сторону, резко отключил навыки.

Что… что он делает?

Подхватив с земли что-то громоздкое и блестящее — Тина узнала оружие, которое они со Львом собирали в Арке! — Марк наставил его на отца.

— Своему отцу я желаю только одного, — заявил он. — Покоя.

Выстрел.

Ярко-фиолетовый луч вырвался из оружия; Алекс не успел даже вскочить — анти-скверна лишала его тело жизни, выжигала изнутри ту часть, что заставляла мёртвое тело ходить, говорить и даже думать. Теперь было ясно, почему Марк отключил навык: анти-скверна наверняка влияет и на него, а со включёнными силами он бы попросту вырубился, получив урон не хуже Алекса.

…выстрел прекратился. Мёртвое, изуродованное протезами тело Алекса лежало на полу хижины, не шевелясь — так же, как там, снаружи (Тина робко выглянула туда) лежало всё ещё прекрасное, но неподвижное тело Леноры.

Марк покачал головой.

— Тина, — заметил он очень тихим голосом. — Они ведь… они обрели покой?

— Мне тоже хочется в это верить, — отозвалась девушка. — Очень хочется.

Глава 27

Пора.

Подготовка к поездке шла полным ходом, но Марианна в ней участия не принимала. Ещё бы — зачем? Ей полагается сидеть у себя и соблюдать этикет; на этом её полномочия кончаются.

Интересно, кого он в ней видит? Беспомощную принцессу, которая никогда не будет готова к самостоятельному правлению? Назойливое приложение к трону? Свою правнучку, не оправдавшую надежд?

Пора. Родион сказал не торопить события, но и не медлить; ей нужно напроситься с Люцием в ближайшую же его поездку. Подать оттуда сигнал он не сможет, значит, действовать придётся самостоятельно. Что делать, она знает; Родион надеется на неё.

А впрочем, не плевать ли на Родиона? Она делает это не ради сомнительных планов малоизвестного ей старика, а ради себя, своей страны и всего, что она знала. Ради того, чтобы жизнь если и не вернулась бы в прежнее русло, то, по крайней мере, максимально к нему приблизилась.

Глубоко вздохнув, Марианна распахнула двери своих покоев — и вышла наружу.

* * *

Пора.

Решать несколько задач сразу — не самое простое занятие, но он и не был тем, кто привык к лёгким решениям. Если ситуация в стране требует его присутствия и там, и здесь — значит, он будет ездить туда-сюда хоть каждый день.

Император стоял у окна, но смотрел он вовсе не на осквернённую столицу. Его взгляд безостановочно ползал по карте, даже не с какой-то конкретной целью, а просто… потому что это давало ему ощущение контроля.

Это — его земля. И это — его. Это — скоро будет его землёй; временная задержка не должна быть очень долгой. После всех тех лет в гробу, в борьбе с самим собой, он научился ждать — обе его ипостаси научились. И та, что ушла в небытие, и та, что пребывало сейчас на этой земле.

Его земле.

Стук в дверь отвлёк Императора от карты. Что такое?..

— Ваше Величество, — охранник глядел на него чуть виновато, кажется, ожидая, что его повелитель будет

недоволен. — К вам Её Высочество…

Марианна? Что ей нужно?

— Пусть зайдёт, — спокойно бросил Император.

* * *

Императорская Печать сверкала у него на груди, ослепляя своим блеском, и этот блеск стирал из сознания крамольные мысли. Почти стирал. Наверное, дело в том, что она — его кровная родственница? А может, и не в этом.

— Говори, — голос Люция был низким и хриплым; такой редко бывает у нормальных людей. Марианна чуть не вздрогнула от звука этого голоса. Прошло уже столько дней, столько событий, а она так и не привыкла…

— Я… — на секунду ей показалось, что она не сможет сказать, испортит весь план, шитый белыми нитками, испугается и останется дома… Затем она переборола себя. — Я еду с тобой.

Люций поднял бровь.

— С какой стати, дитя? Что тебе делать в театре боевых действий?

Ответ, разумеется, был заготовлен заранее. И, разумеется, у Марианны не было никакой уверенности, что эта уловка сработает.

— Это моя страна, — она пожала плечами. — А ты, каким бы могущественным ни был, не сможешь сделать всё в одиночку.

Он молчал, продолжая смотреть на него, и Марианна чуть запнулась. Буквально на миг.

— Мы… как-то не так начали, — продолжила она затем. — Из-за всего, что произошло, из-за этой внезапности, из-за смерти моего отца…

— Ложь, — оборвал он её. — Ты пытаешься облечь свои амбиции в красивые слова.

Марианна медленно сглотнула.

— Может, и так, — пожала она плечами, стараясь не выдать волнения. — Но разве я не имею на это право? Я твоя правнучка. Твоя плоть и кровь, наследник твоего рода. Я имею на эту власть такие же права, как и ты — ни больше, ни меньше.

Если она сейчас не сможет его убедить, если она останется тут… О, Родион не проиграет только лишь по этой причине. Разумеется, он тут же обо всём узнает, и придумает запасной план, и попытается всё переиграть… Родион без неё не пропадёт.

Вот только она так и не сделает ничего.

Ей это было нужно не ради Родиона. Не ради народа и

осквернённой столицы. Ради себя — чтобы доказать себе, что она может, что она на это способна.

— Звучит как прямая угроза мне, — отозвался Император. — А ещё звучит как великая глупость.

— Глупость?

— Думать, что ты равна мне, — на спокойном лице появилась пара снисходительных морщин. — Ты никуда не едешь. Тебе нечего делать на войне.

Проклятие.

* * *

Нет, ей нельзя доверять.

Император отстранённо глядел на свою правнучку. Слабость — вот что это такое. А он, как известно, ненавидел слабости.

Даже прежний он, и то не был таким… таким. Слабым, недисциплинированным, и при этом самоуверенным до абсурда. Она правда считает, что кровное родство с ним даёт ей какие-то преимущества?

Всё, что это родство даёт — повод стыдиться. Того, во что превратился некогда великий род за всего три поколения. Его сын уже тогда был лишь жалким его подобием; внук был полной тряпкой, неспособной даже осознать, что такое настоящая власть, жил как тряпка и умер как тряпка. Ну а Марианна…

Вот оно логичное завершение этой цепочки. Самовлюблённая, избалованная девчонка. Хочет только получать, но не отдавать. И откуда это взялось?..

Конечно, это естественно, что никто из его потомков не смог сравниться с ним. Такие, как он — по-настоящему великие, непревзойдённые — рождаются раз в тысячелетие. Даже прежний он был для них недостижимой величиной, и он не винил в этом своих потомков — нельзя догнать совершенство. Но можно же хотя бы быть не таким… убогими!

Он глубоко вздохнул, глядя на правнучку.

— Ты ещё здесь? — поморщился он. — Что-то неясно? Ты никуда не едешь.

В глазах Марианны зажёгся огонь злости и протеста.

— Нет, — выплюнула она. — Это тебе неясно. Я сказала, что еду с тобой, и я еду с тобой.

* * *

— …ты можешь командовать слугами, народом, — она сама не верила, что произносит эти слова, — но не мной. Я — не твоя подданная. Я дочь Императора, и мне нельзя так просто приказать.

Марианна изо всех сил старалась не показать, что её голос дрожит, что она боится реакции Люция на её слова.

— Я поеду туда, потому что Империя — это и моя страна, — твёрдо произнесла она. — Потому что раны, нанесённые республиканцами, волнуют не тебя одного. Потому что… ты и сам понимаешь, почему.

Патриотический бред. Разве он в такое поверит? Он же видит её насквозь, буквально насквозь, вместе с её глупыми планами, с инструкциями от Родиона…

Императорская Печать тихо поблёскивала на груди Люция. Казалось бы, два шага вперёд, протяни руку и сорви. Вот только…

Ох. Марианна, ты же сама прекрасно знаешь, что будет в этом случае. Он оторвёт тебе протянутую руку, и неважно, успеет она коснуться Печати, или же не успеет.

— Поэтому я, — Люций молчал, и она заговорила вновь, нажимая на каждое слово, — еду с тобой. Потому что я так решила. Потому что я имею полное право так решать.

* * *

Глупая девчонка решила поиграть в принципы и попытаться изобразить характер.

Тщетная забота. У таких, как она, нет никакого характера и не может быть. Она показывает зубки, думая, что это и есть сила воли, что впечатляет его, но стоит хоть немного надавить — и весь этот подростковый протест слетит, как шелуха.

Слишком много своеволия. Слишком много непредсказуемости, которая может пойти в любое русло, а непредсказуемость есть слабость.

Император слегка качнул головой. По-хорошему, запереть бы её в личных покоях и не выпускать — по крайней мере, пока он не вернётся в столицу — но…

Снова непредсказуемость.

Можно закрыть её и поставить охрану у дверей, но где гарантия, что охрана в его отсутствие не послушается приказа «императорской дочки», «королевской крови», и не отопрёт двери? Можно запереть её где-нибудь поглубже, но и тут этой гарантии снова нет.

Верить нельзя никому. Есть только один человек, которому

можно доверить любую проблему без опасения, что он предаст или провалит задачу.

Он сам, конечно же.

Что ж, она хотела поехать с ним? Она поедет. Она будет при нём каждую секунду. Что бы ни планировала она делать там, у границы — она этого не сделает, потому что она не отойдёт от него ни на шаг ни днём, ни ночью.

Как говорится, держи друзей близко, а врагов ещё ближе.

Друзей у него не был. А вот врагов — целый мир.

— Что ж, хорошо, — Император кивнул и даже позволил себе лёгкую (и не очень естественную) улыбку. — Ты едешь со мной.

* * *

Марианна пару раз моргнула. Неужели?..

Она до последнего не верила в то, что это получится, в то, что её безумная авантюра увенчается успехом. Постоянно казалось, что он просто выставит её вон, за дверь, или запрёт в личных покоях, приставив охрану, или вообще посадит куда-нибудь на время своего отъезда…

А потом звучит это «Что ж, хорошо. Ты едешь со мной». И эта улыбка — неестественная, кривая, совершенно нечеловеческая, не предвещающая ничего хорошего…

Но у неё получилось!

Слова Родиона звучали у неё в ушах.

«Сначала он откажет тебе», — говорил старик тогда, при их встрече. — «Ты совершенно не нужна ему там. Продолжай настаивать и не бойся выбесить его — это именно то, что ты должна сделать».

Его хитрая улыбка говорила о том, что он что-то знает.

«Как и все осквернённые, он на чём-то зациклен», — продолжал тогда Родион. — «Бей по больному. Сможешь задеть нужные участки — сможешь победить и поедешь с ним. Конечно, он и шагу тебе не даст ступить в сторону. Вот только тебе это и не нужно, так?»

Она победила. У неё получилось. По… По крайней мере, этот этап — за ней.

— Что ж, — она пожала плечами, делая как можно более равнодушный вид, будто и ждала именно такого ответа, — пойду собираться. Много вещей с собой брать не стоит, так?

* * *

Пора.

Пора браться за дело, хватит размениваться на глупости. Всё готово, ведь так?..

Нет, чушь; конечно, не всё готово. Всё не может быть готово никогда, сколько бы ты не сделал. Самое сложное — это подобрать хрупкий баланс между «ты сделал слишком мало» и «ты потратил на это слишком много времени». Похоже на то, что сейчас этот баланс найден. Или нет?

Рубан буквально спинным мозгом чувствовал, как утекает время. Каждая лишняя секунда — это лишний риск, а риск — это уменьшение шансов на то, что они сделают, что должны.

Угораздило же его связаться с Роттом… знал бы — никогда бы не брался за то дело. Уж лучше уволиться с концами, чем…

Он помотал головой. Поздно. Тем более, здесь и сейчас — не время и не место предаваться воспоминаниям.

У них всего один шанс; второго им не дадут. Либо они победят, либо… Даже если — даже, что уже довольно маловероятно! — они и не погибнут в этом случае, то расслабляться враги не станут и больше такого фокуса не провернуть.

Что ж, пока ему везло.

Везло ему, разумеется, потому, что он был осторожен. Самые безумные планы, самые идиотские выходки — то, чем агент Рубан славился в УБИ и других спецслужбах — могут удаваться только с одним условием: осторожность. Даже если всем снаружи кажется, что ты — сорвиголова и сумасброд, всё равно нужно контролировать ситуацию.

Ещё ему везло… из-за того, что республиканцы были наголову разбиты последней атакой. Из грозной армии, подошедшей к границе Империи и готовой идти дальше, они превратились в разобщённых, потрясённых инвалидов, которые не отступили с максимальной скоростью лишь потому, что из начальство, зависшее от происходящего, ещё не дало такого приказа.

Треть погибла, треть — разбежалась по лесам или осела где-нибудь в Альянсе. Обойти остальных было уже делом техники, а раз так — Рубан быстро раздобыл то, что искал.

Взрывчатки должно было хватить.

Ему везло также и потому, что и имперские войска чувствовали здесь себя… не очень.

Если говорить о зомби, то те вообще никак себя не чувствовали. Это были даже не осквернённые вроде Родиона или самого Императора — нет, это были максимально тупые и примитивные живые мертвецы. Лишившись управляющего центра

— Люция — они просто стояли и пускали слюни, заражая всю округу тошнотворным запахом гниения человеческой плоти. Форма Империи и форма Республики соседствовали с ними; никто даже не пытался делить мертвецов.

А вот живые — те немногие, что остались здесь — явно чувствовали себя не в своей тарелке. Ещё бы… В этом балагане мёртвых. Они старались лишний раз не выходить наружу; они не снимали противогазов, чтобы не чувствовать этого запаха. Только чёткий приказ не давал им покинуть это место — хотя Рубан и не исключал, что некоторые всё же дезертировали.

Ох… от всех этих событий Империя будет оправляться ещё долго, мучительно и шумно. И… не факт, что в итоге оправится.

Так или иначе, все эти разброд и шатания дали ему шанс — территория имперцев охранялась чуть ли не хуже, чем территория республиканцев. Взрывчатка была заложена.

Рубан быстро отходил в сторону леса. Территория имперцев, территория республиканцев… Война продолжается. Даже странно, что две вражеские армии вот так просто стоял, в паре километров друг от друга, и ничего не делают — просто ждут приказа.

Впрочем, это ли не война?

Плевать. Он не воюет сейчас — ни с Республикой, ни с кем-либо ещё. У него другая миссия, несоизмеримо важнее. И ради её выполнения он готов сотрудничать даже с врагом…

Ну, или с Марком Роттом.

* * *

Родион сидел на пеньке, километрах в двух от ставшего бесполезным двухэтажного здания, и мрачно глядел в экран ноутбука.

Итак, плюсы: Марианна двинулась сюда. Значит, его план сработал, и Люций взял девушку с собой.

Минусы…

И вот тут у него с трудом удавалось подавить длинную тираду, состоящую из отборных ругательств. Чёртов Марк Ротт!

Явиться сюда. Разрушить все его планы, и…

Он больше недели сидел в этом здании — на бывшей даче Императора! Он знал, что Люций, приехав, расположится именно здесь, как и в прошлый раз! Подкараулить его здесь, пока он в отдалении ото всех…

Но теперь Люций, конечно же, насторожится. Он почувствует последствия того выстрела. Анти-скверна (дурацкое название,

если вдуматься) отпугнёт его, он ощутит её болью и дискомфортом, как ощутил сам Родион — поэтому он сейчас торчал посреди леса, а не там, в спокойствии и комфорте. И вот план уже нужно меня, нужно рисковать, соваться в горячую точку вместо того, чтобы сидеть здесь и поджидать Императора с малочисленной охраной…

Плюс к тому, ещё и возвращения Алекса с Ленорой, похоже, ждать не приходится. Плохо. А всё Ротт!..

Нет, если выжидать дальше — он испортит ещё что-нибудь, расстроит и новый план. Фактор неопределённости — вот кто он такой. А значит… Никаких больше промедлений.

— Пора, — сообщил Родион, захлопывая ноутбук и поднимаясь с пенька. — Пора. Император будет тут к ночи.

Сара и Лев переглянулись — и тоже поднялись с травы.

* * *

Прим. автора: оставшиеся три главы и эпилог будут выложены разом. Отсчёт пошёл)

Глава 28

— …так какого чёрта, Ротт?

Рубан — усталый, перепачканный в чём-то чёрном, похожем на сажу, небритый — смотрел на меня со странным выражением на лице. Это не было удивление, это не было раздражение, это скорее было… опасение того, что сейчас на сидении возле него — аккурат между ним и Элизой — материализуется поющий бегемот в цилиндре. Или машина забудет о правилах гравитации и взлетит вверх. Или ещё что-нибудь подобное.

Короче, Рубан смотрел на меня взглядом, говорящим «какая ещё совершенно невероятная хрень произойдёт рядом с тобой, Марк Ротт?»

Я пожал плечами.

— Ты как будто не рад видеть старую коллегу?

Тина слегка пнула меня в ботинок, всё ещё не поворачиваясь ко мне лицом. Благодарность за спасение прилагается, но смотреть в мою сторону по-прежнему было для неё… довольно болезненно.

— Старую?

— Я не в этом смысле, — отмахнулся я.

— Не пойми неверно, — покачал головой Рубан. — Я безмерно рад видеть Шраут живой и невредимой. Просто поясни мне, каким образом бы, оставшись без меня на сутки, отправленный в глухой лес с целью залечь на дно, умудрился провернуть… это?

Да, я и сам хотел бы знать.

— Давайте лучше о деле, — заметила Элиза, которая, кажется, чувствовала себя как между двух огней и вообще нервничала, находясь в этом лесу. — Мы находимся в километре от места, где скрывался Родион, и…

Рубан поднял на неё усталый взгляд.

— Давайте-ка повторим. Родион видел вас?

— Да, ещё как.

— Родион знает, что вы в курсе, где он скрывается?

Мы все синхронно кивнули.

— Ну, — пожал плечами агент, — значит, Родиона там уже нет. И с почти полной вероятностью, нету там и чего-то такого, что представляло бы для нас интерес.

В принципе, он прав. Старик слишком ушлый параноик, чтобы не убраться, когда его раскрыли. Скорее всего, он предполагал, чем всё закончится, и пожертвовал моими родителями и пленницей специально, чтобы успеть уйти.

— Но, — продолжал Рубан, — у нас есть темы посерьёзнее. Хотели о деле? Ладно, давайте о деле.

* * *

— Главное, — ворчливо и несговорчиво сообщил Родион, — не лезьте туда, куда вас лезть не просили.

Сара и Лев удивлённо переглянулись. Выходцы из разных стран, разных слоёв общества, совершенно разные люди, они сходились лишь в одном — в том, что Родион порой ведёт себя странно и даже пренебрежительно.

— А мы, кажется, никуда и не лезли, — заметила Сара.

— Вот в том же духе и продолжайте, — улыбнулся Родион с видом доброго заботливого дедушки, в котором сквозило что угодно, только не забота и доброта.

Лев пожал плечами.

— Порой становится непонятно, для чего мы вам вообще. Только как обслуга для Тины?

Старик медленно покачал головой, не оборачиваясь на них.

— Вовсе нет. Вы…

Он замолчал, подбирая слова.

— Мы просто подвернулись под руку, верно? — мрачно заметила Сара. Город — снова мёртвый, снова выжженный, на этот раз не только скверной, но и битвой, её причиной — вырисовывался на горизонте, и хорошего настроения это не прибавляло. А вот мыслей о том, во что они впутались и стоит ли это того, возникали сплошь и рядом.

— А если и так? — хмыкнул старик. — Вы действительно подвернулись под руку в нужный момент, когда я нуждался в помощниках. Вы Пробуждённые. Вы умны и многое видели. И вы чётко знаете, в чём наша цель: избавить страну от Люция.

— Со мной всё понятно, — Дюбуа покривился. — Это моя страна, и я хочу вернуть ей нормальную власть. К тому же, я видел, кто такой Люций и на что он способен — до сих пор вижу по ночам ту битву с мертвецами и ожившими статуями из мемориала.

Он указал на идущую рядом девушку.

— Она — из Альянса, и прекрасно понимает, что от её страны ничего не останется, если по ней пройдёт военным походом этот маньяк. Её мотив тоже понятен.

И Лев, и Сара глядели на Родиона требовательно и жёстко.

— А как насчёт тебя? — закончил Лев. — Зачем тебе свергать Люция?

— Не доверяете мне, — усмехнулся Родион. — Это даже логично. Не доверяйте, но не забывайте о том, что мне с вами по пути. Какие у вас — двух мотивированных, неравнодушных, энергичных молодых людей — шансы без меня справиться с Императором и его свитой?

— Ты не ответил на вопрос, — отрезала Сара.

— Я и не собираюсь, — пожал плечами Родион. — Мои мотивы — это мои мотивы. Хотите остаться со мной или развернуться и уйти?

Все помолчали.

— Ты… спросил, какие у нас шансы без тебя, — наконец, заговорил Лев. — Ну, ладно. Может, практически никаких. Но какие у нас шансы с тобой — без Тины, без Алекса и Леноры, без старого плана?

Старик хмыкнул опять.

— Вот это уже другой разговор. Давайте поговорим о деле.

* * *

Колонна бронированных автомобилей стремительно приближалась к мёртвому городу. Было… тихо. Запах трупятины при приближении стал ещё сильнее, и это раздражало Марианну.

Впрочем, ей ли привыкать? Она сидела рядом с Люцием и Мадлен Дюбуа.

Нет, запаха мёртвого тела, запаха гниения от них не шло. Оба и выглядели, и пахли вполне себе живыми. Но…

Люций. Воскресший из мёртвых. Её предок, умерший много десятилетий назад. Некромант, воскрешающий мёртвых врагов и союзников.

Мадлен. О ней слухов ходило не меньше. Люди утверждали, что она умирала… и не раз. И вот она тут, сидит, насупившись, как сторожевая собака, чующая неладное.

— Здесь буквально смердит какой-нибудь подлянкой или ловушкой, — наконец, заговорила Мадлен, повернувшись от затемнённого окна к Люцию. — Ты не согласен?

Люций поглядел на неё холодным, бесцветным взглядом.

— Согласен, — отозвался он. — Но это ничего не меняет. Кого мне бояться? Одиночек без средств и связей?

— То, что проворачивали эти одиночки… — Дюбуа покачала головой. — Не недооценивай Марка Ротта и его дружков. Не недооценивай.

— Везение. Совпадение. Чуть-чуть полезных навыков, но этого недостаточно для того, чтобы представлять для меня

угрозу, — ответил Император. — Родион Долгов куда опаснее, но и он не моего уровня.

— Звучит так, будто ты знаешь о них что-то конкретное.

— Я знаю только то, что их уровень — мелкие неприятности, которые не задержат меня, — Император был непреклонен. — Ещё я знаю, что ловушки, разумеется, будут. Они попытаются меня спровоцировать, подловить в момент, когда я слаб и беззащитен…

Он впервые позволил себе улыбку — ломанную, нечеловеческую.

— Их беда в том, что я не бываю ни слаб, ни беззащитен. Никогда. Они попытаются напасть — здесь или не здесь, сейчас или не сейчас. Но я буду готов. Я всегда готов.

— У тебя есть план?

Император пожал плечами.

— У меня есть мои собственные силы и мощь всей Империи. Мне не нужен план, чтобы разобраться с угрозой.

На взгляд Марианны, это звучало уж очень ненадёжно и самоуверенно.

* * *

Машина аккуратно ехала в сторону почерневших обломков городка, держась у самой кромки леса. Как Рубан собирался протащить её в город незаметно — я понятия не имел, но пока за нами никто не гнался и не палил из всех орудий.

— Главное — заранее всё спланировать, — продолжал Рубан свою речь. — И не переусложнять. Накрутим опять план из ста тысяч деталей и переменных — что-нибудь обязательно сорвётся…

— То есть, мы опять действуем в духе «хватай и беги»? — уточнила Элиза.

— Практически, — кивнул агент.

— И правильно, — подтвердила Тина, курящая в открытое окно. Мы были не против: уж лучше запах сигарет, последнюю пачку которых она забрала у Рубана, чем мертвечина и гарь. — Все лучшие планы так и выглядят. Планы в духе машины Голдберга — проваливаются.

Я покосился на неё.

— Тебе ведь не было с нами, когда мы вырубили человека посреди людной улицы, угнали фургончик с мороженым и прокатились в нём по морскому дну?

Тина распахнула глаза и вытаращилась на Рубана.

— Вы чего?!

— Потом расскажу, — успокоил её Рубан. — Если выживем. Итак, к делу!

Он прокашлялся.

— Я времени тоже зря не терял. Пока вы там приключались в лесу, я спёр у наших друзей из Республики немного взрывчатки. Фактор неопределённости!

— И заложил её где-то? — догадался я.

— Именно так, — кивнул Рубан. — Конкретное место, конкретная цель. Нажимаем на кнопку — и бараки, в которых держат местных зомби, превращаются в развалины, наполненные кровавой кашей.

— Ладно, минус зомби, — протянул я, — а…

— Нам нужно заманить Императора в то самое конкретное место, — продолжил Рубан. — Рядом со своими мёртвыми войсками он будет чувствовать себя уверенно. Заманим его туда. Затем взрыв отрежет ему путь к отступлению — он силён и быстр, но если он будет стоять в нужном месте, он физические не сможет выбраться, не потратив минуты две.

— За эти две минуты ты подгонишь Гьяллархон и выстрелишь… — задумался я.

Рубан кивнул.

— И ты думаешь, это хороший план? — заметил я.

— Нет, — отозвался Рубан. — Но он неплохой. Он быстрый — а у нас нет времени. Он не самый сложный. И…

Он покачал головой.

— Ничего лучше у нас всё равно нет.

* * *

Город был уже вблизи; Сара даже могла различить патрули, лениво обходящие разрушенные здания.

— Вон в той стороне, — указал старик, совершенно не запыхавшийся, — стоят республиканцы.

Лев Дюбуа презрительно поднял бровь.

— Почему они ещё не убрались отсюда?

— О, они бы хотели, — пожал плечами старик. — Но ты думаешь, это так просто? Прийти в чужую страну, объявить войну, а потерпев поражение — вернуться домой и сделать вид, что ничего не было? Это долгий процесс. Они боятся двинуться с места, опасаясь, что это примут за новую атаку, и тогда им достанется ещё сильнее.

Он улыбнулся собственным мыслям.

— Вот на этом мы и сыграем.

Лев и Сара слушали Родиона внимательно; он хлопнул в ладоши.

— Повторяем план, быстро и чётко. Каждый должен помнить свою роль назубок и не лезть в задачу другого. Сара?

— Подобраться поближе к лагерю республиканцев, — отрезала девушка, — устроить диверсию — на свой вкус, но яркую, чтобы привлечь внимание местных войск. Желательно успеть до приезда Люция, чтобы того с ними не было.

Родион кивнул.

— Лев?

— Застать врасплох свою бабушку, — нехотя отозвался тот, — и любыми средствами отвлекать её до тех пор, пока план не будет приведён в исполнение и она уже не сможет ничему помешать. Но… я же уже говорил, что она пыталась убить меня, когда мы виделись в последний раз?

— Раза три за время пути, — недовольно отозвался Родион. — Я знаю старуху. Знал… много лет назад, и как бы они ни изменилась, вы оба Дюбуа, и она не убьёт тебя сходу. А ещё — ты не настолько слаб, чтобы тебя можно было взять голыми руками.

Лев кивнул.

— Ты — тот, кто может отвлечь её крепко и надолго в ситуации, где другого она быстро прирежет и даже не посмотрит. Я не планировал этого изначально, но глупо было бы не использовать это. Итак, вы делаете всё это, не лезете в чужие задачи, а я… в это время сыграю главную роль.

— Родион, — не выдержала Сара. — Ты правда думаешь, что это хороший план?

— Это лучшее, что у нас есть, — пожал плечами старик. — Стараниями Марка Ротта и его друзей. Нужно импровизировать, и импровизировать быстро. Шансы есть. Но желательно провернуть всё до тех пор, пока этот мальчишка опять не возник на горизонте и не испортил что-нибудь.

* * *

Дверца машины хлопнула. Император вышел наружу первым, не дожидаясь никого — ни слуг, ни её. Впрочем, Марианна отлично знала, что за ней всё равно следят — если это делает не сам Люций, то Мадлен, его верная собака, которая готова была служить своему возлюбленному с отчаянной слепотой.

Ну и ладно. Если Родион сделает то, что обещал… ей хватит

пары секунд, чтобы схватить Императорскую Печать и сорвать её с шеи Люция. Как только печать коснётся её руки — это уже половина победы, а как только она повесит её себе на шею…

И пусть только Родион не думает, что она её снимет.

— Ваше Величество, — один из встречающих офицеров тут же подскочил к нему, отдавая честь, — разрешите доложить обстановку!..

— Давай, — кивнул Люций. — Кратко.

…дождаться Родиона. Человека, о котором она не знает ничего, которого видела два раза в жизни — один раз когда он напал на правителя страны, прикинувшись приговорённым к казни террористом, другой — когда он тайно проник в её покои. Человека, который… убил отца.

Итак, дождаться его. Поверить его словам. Поверить, когда он победит или хотя бы вырубит Люция. Сорвать печать и затем верить, что это что-то решит. Что он не убьёт её тут же, что не…

Идиотский план. Худший из тех, что она когда-либо слышала. Пожалуй, если бы даже она придумывала его, накурившись травки со своими друзьями, и то он вышел бы адекватней.

Вот только другого у неё не было.

* * *

Машина притормозила на окраине города; Рубан полностью заглушил мотор и лишь затем обернулся к нам.

Мы стояли, укрытые от всего мира какими-то полуразрушенными гаражами, и всё же — по мнению агента — стоило бы подстраховаться. Что ж, скорее всего, он был абсолютно прав.

— Здесь расходимся, — кивнул он. — Чёрт, у меня плохие предчувствия…

Тина пожала плечами, выпуская дым из ноздрей. Она курила не переставая, но сигаретный дым при этом легко развеивался, не выдавая нашего местоположения.

— У всех нас, Рубан. У всех.

— Возможно, мы сдохнем, — кивнул Рубан. — Возможно, я даже не успею похвастаться перед тобой прогулкой по дну моря на ворованном фургончике с мороженным, Шраут.

— В котором сидел заложник?

— В котором сидел заложник, — Рубан чуть хмыкнул. — Но мы повторили все роли. Мы знаем, что делать, так что… по местам и за дело. Родион тоже не станет ждать, пока мы что-нибудь выкинем — он вмешается.

Я вылез из машины. У каждого была своя миссия. Разделяться, когда кругом враги — тупая идея, и я чувствовал себя героем идиотского ужастика. Но… нас было слишком мало, а неопределённостей — слишком много.

Впрочем, лично моя миссия даже на фоне остальных выглядела полным самоубийством, без намёка на логику, разум и шанс, что это прокатит.

Это бы и не прокатило. Миссия и была бы самоубийством — во всех возможных вариантах…

Кроме того единственного, где самоубийца — бессмертен.

— Шраут, — Рубан обернулся на Тину, — ты готова?

Тина пожала плечами.

— Знаешь, мне очень не хочется переться туда, где полно Пробуждённых… Нет, не так — где абсолютно все — пробуждённые. Но это всё-таки лучше, чем торчать возле Марка и делать вид, что я вот-вот не ослепну.

— Элиза? — Рубан посмотрел на девушку. — Уверена, что справишься? В крайнем случае, можем поменяться: ты будешь стрелять, а я…

— Я уже давно в этом дерьме, — кивнула девушка. — Я была с Марком там, в мёртвом городе. Это… не должно быть сложнее.

— Ладно, — вздохнул Рубан. — Тогда вперёд, и да поможет нам… да хоть кто-нибудь.

Дверцы машины тихо хлопнули. Тина направилась вправо, мы с Элизой — влево, а сам внедорожник с базукой на крыше — слишком заметный для подобных стелс-операций — начал медленно выезжать из сгоревшего гаражного кооператива.

* * *

Сара шагала по бездорожью, приглядываясь к почерневшим от гари строениям вокруг себя. Они были относительно целыми, но в то же время определённо неприспособленными для проживания или использования в своих изначальных целях.

Наверное, и её клуб сейчас выглядит так же. Или от него что-то осталось?.. Они с Элизой уходили так быстро, что даже не оглядывались и не рассматривали ничего. А потом у неё не было даже времени вернуться.

Правильно ли она сделала, что ввязалась во всё это?.. Сможет ли она одна что-то изменить, если даже в родной стране в итоге ничего не улучшила, хотя и пыталась?

…сможет. Она сможет, и плевать на всех. На Родиона, который темнит и играет в свои игры. На Марка, который, может,

и неплохой парень, но поручать ему важные вещи нельзя — слишком безответственен и не думает о других. Поставь перед ним миссию, и он выполнит её… А попутно погибнет куча народу.

Как та сотня ребят.

Как Макс.

Сара зашагала быстрее, поджав губы. Устроить диверсию?.. Вот поручи подобное Ротту. Подожжёт здание и не поглядит, что внутри сидят люди.

Сара щёлкнула пальцами, и над её рукой загорелся маленький огонёк. Крохотная частица всепожирающей стихии, подчинённая её воле.

Наверное, будь она аристократкой — встала бы в позу и сказала бы пафосные слова о великой силе и великой ответственности. Но она простая девчонка из трущоб, и она будет просто делать то, что должна — и…

Очередной сгоревший забор закончился, Сара завернула за угол — и застыла. Что это было? Какой-то звук?

Она медленно огляделась по сторонам. Она же только что слышала… может, это солдаты патрулируют город? Или кто-нибудь из выживших жителей — остался же здесь хоть кто-то, или все давно покинули это место?..

А может, ей просто померещилось? В таких заброшенных местах, как это, очень легко можно принять порыв ветра или пролетевшую птицу за…

— Стой где стоишь. Подними руки.

Тина Шраут стояла позади неё, наведя выданный Рубаном пистолет прямо ей в голову.

Всё-таки даже от её синестезии есть польза. Не будь её — она не увидела бы Сару заранее.

Впрочем, не будь этой синестезии — и многое, очень многое сложилось бы совершенно иначе. Тина вздохнула, не опуская руки, и поглядела прямо на обомлевшую Сару, не знающую, что тут ответить.

— И что мне теперь прикажешь с тобой делать?

* * *

Рубан медленно сдал назад, пристраивая джип на пригорке.

Далековато… но выстрел Гьяллархорна должен быть достаточно далёк. А судя по тому, что рассказал Ротт — хватит и мощности. В этот раз, правда, пушка будет стрелять слабее, потому что…

Но всё равно. В их руках оружие, способное уничтожить Люция и его армию нежити раз и навсегда — единственным выстрелом. Вот только у них и есть один выстрел — на второй им шанса никто не даст.

А ещё нужно не попасть в Марка. Будет как-то… неловко.

Рубан тихо хмыкнул собственным мыслям. Подумать только, на что он идёт ради спасения страны. На союз с республиканцами! Эти отбросы, конечно, явились в Империю с оружием, но здесь и сейчас они могут быть полезны.

Впрочем, это — запасной вариант на случай, если что-то пойдёт не так. Основная нагрузка — на нём и его выстреле. Единственном.

Он огляделся по сторонам. Где-то сейчас Родион и его компашка?

Где Император, он знал. Они видели его кортеж, заезжающий в город, а когда Марк и Элиза доберутся до них — Император переместится в нужное место. Туда, откуда он и произведёт этот — почти исторический — выстрел.

Не каждый день убиваешь легендарного основателя своей страны, как ни крути.

Ну, а если по какой-то причине они не сумеют… Вот здесь сработает запасной план с Тиной и республиканцами.

Рубан надеялся, что они сумеют. Не хотелось бы, чтобы Марк снова умер, взрываясь облаком скверны. Даже если лично он и выживет… ощутить это снова было бы неприятно.

Он прислушался. Никого. Если Родион и был поблизости, то…

Звук взведённого курка прозвучал резко и чётко.

— Ты погляди, какой улов, — хмыкнул до боли знакомый голос. — Вот это удача, а?

Рубан медленно обернулся. Дуло пистолета смотрело прямо на него, и было ясно как день, что стоящий напротив успеет выстрелить и не промахнётся.

— Давно не виделись, Антон, — хмыкнул Укольцев, не сводясь с него пистолета. — А какой душевной была последняя встреча…

— Да, — согласился Карлов. — Нам много что нужно тебе сказать.

Вот чёрт.

Глава 29

Итак, ещё раз, громко, официально и чтобы все слышали: мы планировали полное самоубийство.

Мы оба это понимали. Шли молча, не задавая глупых вопросов вроде «Как думаешь, всё получится?» или «Откуда нам знать, что это сработает?»

Неоткуда. Просто… или это сработает, или мир рухнет в тартарары. Родион был, несомненно, злом, но он был злом медленным, даже медитативным, и притом не правящим самым могущественным государством планеты. Люций… был именно таким.

Не знаю, о чём думала Элиза, у меня же в голове вертелась одна мысль — если наш план провалится, найдётся ли кто-то, способный победить Императора?

Вероятно, да. Мы не были единственными в своём роде; я даже, как выяснилось, не был единственным бессмертным. Мадлен Дюбуа, Иван, Сато… Да и Родион тоже. Отличный клуб подбирается!

Скорее всего, если мы провалимся — если Элиза, Рубан и Тина будут мертвы, а меня Люций запихнёт в какой-нибудь свинцовый ящик, опечатает магическими печатями и закопает на глубину полукилометра от греха подальше — то рано или поздно найдутся те, кто даст ему отпор.

Вопрос был в том… сколько народу погибнет и сколько городов сгорит до тех пор, пока это случится.

— Нам… не следует подождать немного? — уточнила Элиза, когда они дождались, пока уберётся очередной патруль. Мёртвый город практически не охранялся — было бы что охранять! — и только ставка Императора была единственным по-настоящему охраняемым местом.

— Рубана? — я поглядел на по сторонам. — Он же на колёсах. Думаю, он уже на месте…

…если его не обнаружили и не схватили. А если его обнаружили и схватили, то какая разница — наш план в этом случае всё равно трещит по швам.

— Мы, наверное, такие самонадеянные наглецы… — протянула Элиза.

— Почему?

— Разве не лучше было найти военных, профессионалов? Отдать Гьяллархорн им, и пусть бы…

Я пожал плечами.

— Не забывай — мы те, благодаря которым Император

пробудился, столица Империи осквернилась, а Республика решила воевать. Кто сказал, что нам не под силу загнать их всех обратно?

Мы остановились. До охраняемой территории оставалось два квартала, ещё немного — и скрываться мы больше не сможем.

Император… не особо запаривался с местом для своей ставки. Он предпочитал нападать, а не обороняться (на чём мы и собирались сыграть, в каком-то смысле); он не боялся атак. Себя он считал непобедимым, а войско зомби… ну, ему и правда было сложно чем-то навредить.

Вот только одну оплошность он всё же допустил, забыв об элементарной безопасности.

Место, где он расположился, хорошо простреливалось.

Он не боялся пуль. Он и пули — это же неравный бой, в самом деле!..

Рубан чётко описал место, откуда должен был стрелять. Он не просто так потратил на разведку почти сутки — облазив всё, он продумал всё до мелочей. Итак, вон то фабричное здание. Когда-то здесь что-то производили; теперь это просто развалины. Но развалины высокие.

Здесь было очень мало живых солдат — и это ещё одна промашка Императора. Он полагался на мертвецов, а мертвецы своим видом (и запахом) отпугивали всех. Это давало нам шансы на победу.

Я вгляделся в окна завода. Рубан уже там или нет? Может, Элиза права, и имеет смысл помедлить? Но ведь пока я…

Ладно, время есть.

— Пора разделяться, — кивнул я Элизе.

— Пора, — согласилась она — и затаилась в тени высокого здания.

Я быстро кивнул ей — и бодрым шагом зашагал вперёд. Мой выход должен был быть громким и феерическим, как представление цирка Дю Солей.

Только один вопрос вертелся теперь в моей голове, подстёгнутый опасениями Элизы — где же Рубан? Успел ли он добраться до позиции и не перехватил ли его кто-нибудь по дороге?

* * *

— Карлов. Укольцев, — сухо кивнул Рубан — осторожно, чтобы движение не приняли за атаку и не выстрелили просто на рефлексах. — Не ждал вас тут увидеть.

— Да и мы тебя тоже, старый ты чёрт, — заметил Укольцев, не шевеля стволом и пристально следя за агентов.

— Такой уж и старый, — хмыкнул Рубан. — Я куда моложе, чем кажется.

— Прошлая наша встреча была… очень яркой, — Карлов расплылся в улыбке.

— О, да, я помню, — согласился Рубан. — Она началась с того, что вы пытались убить меня.

— А затем ты пытал нас.

— А затем вы засадили меня за решётку.

— А чокнутый япошка решил, что стоит тебя выпустить, — Укольцев был спокоен и серьёзен. — Уж не зря ли? Что ты здесь делаешь?

Рубан нервно поглядел на возвышающееся перед ним здание завода. Нужно затащить Гьяллархорн наверх, и не упустить главный момент, когда…

— Ладно, — пробормотал он, — я об этом пожалею, но… сейчас я собираюсь сделать кое-что неприятное, мерзкое и даже противоестественное. Кое-что, что противоречит всем моим принципам…

— Гляди-ка, — хохотнул Карлов. — Он хочет предложить нам сотрудничество.

Рубан глубоко вздохнул. Сколько уже они знали друг друга?.. Слишком долго, как для агентов из вражеских спецслужб, остающихся живыми.

— С какой стати нам идти с тобой на перемирие, Рубан? — спросил Укольцев.

— Император, — пожал плечами Рубан. — Думаю, он не нравится никому. Ни мне, ни вам… ни вашему начальству. Общие интересы, разве не так?

— Это само собой, — согласился Укольцев. — Но с тобой-то нам сотрудничать всё-таки зачем? Что именно ты, Антон, можешь предложить нам такого, чего нет у нас?

— И не вздумай упомянуть хрень у тебя за спиной, — добавил Карлов, тоже становясь серьёзным. — Мы знаем, что это такое.

Ну, по крайней мере, если его пристрелят — он утешится тем, что они знают, как обращаться с Гьяллархорном.

— План, — заметил он. — Почти готовый план, который вы прерываете…

Карлов пожал плечами.

— Опять какая-нибудь авантюра? О тебе легенды ходят.

— …и если вы его прервёте, — продолжил, улыбаясь, Рубан, — это кончится тем, что Марк Ротт погибнет.

— Бессмертный? — не сразу сообразил Укольцев.

— Он… что? — до Карлова дошло быстрее? — Ты блефуешь.

— Отнюдь, — покачал головой УБИшник. — Он там, внизу. Бинокль дать, или взглянешь через прицел этой пушки?

КОБРовцы молчали с минуту, глядя друг на друга — а затем Укольцев отпустил пистолет.

— Давай без лишней лирики, Антон, — поморщился он. — Выполним то, что должны — и вернёмся к обсуждению наших личных вопросов.

Ох. Лучше, чем было. Запутанней и сложней, чем должно было быть. Рубан кивнул на Гьяллархорн.

— Вытаскивайте эту штуку — и идём наверх. Нужно занять хорошую позицию для стрельбы, я там всё уже подготовил.

— Мы знаем, — хмыкнул Карлов. — Так мы на тебя и вышли.

Вытаскивать базуку из пазов и тащить её наверх они, кажется, не собирались. Ладно… сами так сами.

* * *

Идея Родиона была простой и гениальной одновременно. Странно, что на это ещё кто-то покупается… в смысле, в любом фильме такое было! Даже «Звёздные Войны»… Но всё-таки это было слишком просто.

Патрули в мёртвом городе ходили по трое. Не слишком большая угроза для них с Родионом. Форма была Льву Дюбуа как раз, а потому проход на охраняемую территорию из проблемы превратился в сплошное удовольствие.

Конечно, через час патруля хватятся, а хватившись — начнут искать. Но ему должно хватить этого времени.

— Мэм, — он постарался исказить голос, подходя к Мадлен сзади. — Прошу прощения…

Старуха, стоящая чуть в стороне от Императора и солдат, обернулась. Взгляд у неё был тяжёлый и усталый.

— Лев, — констатировала она.

— Что? — растерялся парень.

Мадлен усмехнулась.

— А ты правда думал, что я тебя не узнаю? Надел шлем, очки, исказил голос…

Но ведь его лицо…

— Я растила тебя, Лев, — вздохнула старуха. — Я узнаю тебя в любом обличие.

Лев растерянно стоял, не зная, как реагировать на такое откровение.

— Отойдём, — махнула рукой Мадлен. — Если ты пришёл поговорить, то лучше сделать это наедине, а не на глазах у всех подряд.

Вот так… просто? Он готовился, он ждал, что она скажет, ждал, как изумится, когда он снимет очки и маску… А она просто раскусила его и буднично просит отойти, как будто это обычный разговор за обедом?

Что ж, ладно. Отойдём.

Мадлен остановилась чуть сбоку от барака с неподвижно стоящими зомби. Они даже не покачивались, не нуждаясь в дыхании — и только мёртвые глаза чуть мерцали в темноте. Запах тут стоял что надо, зато практически не было людей.

— Зачем ты пришёл, Лев? — вздохнула Мадлен. — Хочешь переубедить меня?

— Ты… пыталась меня прикончить, — не выдержал Лев. — Там, в вертолёте!

— Чушь, — отмахнулась старуха. — Я сказала тебе прыгать и притормозиться навыком.

— Ротт…

— Я не знала о том, что он взорвётся волнами скверны, если ты об этом, — отозвалась Мадлен. — Но… знаешь, я не особо жалею о том, что сделала.

— Что?

— Это позволило мне снова увидеться с ним, — тихо произнесла старуха. — Снова… быть с ним.

…ладно. Ему ведь не нужно ни в чём убеждать влюблённую старуху? Ему нужно потянуть время, чтобы Родион и Сара успели сделать свои части.

— Ты правда веришь, что это он? — тихо спросил Лев. — Твой Люций.

— Нет, конечно, — хмыкнула старуха. — Я не слепая идиотка. Это не он. Но… я не предам его. Даже таким.

Даже ценой всей Империи?..

— Ты ведь тянешь время, так? — кивнула Мадлен. — Я знаю тебя, Лев. Ты умеешь прикидываться, когда дело доходит до светского общества… но шпион из тебя так себе.

Ну… ладно.

Перед тем, как атаковать Мадлен, Лев подумал, что чертовски не хочет делать этого — бить свою бабушку.

* * *

Я, не скрываясь, шёл по улице. Охрана уже заметила меня и

сейчас нацелила в мою сторону автоматы. Кажется, они выпучили глаза, пытаясь понять, кто я и зачем, откуда взялся и чего хочу.

— Привет, — широко улыбнулся я. — Знаете меня? Я Марк Ротт. Меня ещё по телику показывали, чуть больше недели назад. Правда, там был не совсем я, но… не проводите меня к Императору? Нужно сказать ему кое-что.

Стволы направились в мою сторону ещё явственней и прямее. Я покачал головой.

— Это вряд ли, ребята. Помните тот разлив скверны в столице? Он начался точно так же. Не верите — спросите у начальства.

— Чего?.. — не выдержал кто-то.

— Спросите у начальства, говорю, — уже серьёзно повторил я. — У Императора, или кто тут у вас из главных. Только не забудьте назвать им моё имя. Марк Ротт!.. Не забыли?

Чертовски хотелось обернуться, но я понимал, что тем самым сорву всю маскировку и выдам Элизу. Как она там?… Сможет ли обойти ставку с тыла и проникнуть внутрь, пока все отвлеклись на меня?..

* * *

Элиза тихо шла вбок, глядя, как вдали солдаты окружают Марка. Пока он берёт всех на понт, пока демонстрирует чудеса дерзости и наглости — ей нужно тихо пробраться внутрь, не привлекая внимания, и найти Мадлен Дюбуа.

Зачем она вписалась в это?.. Ох, в который раз она задавала себе этот вопрос. Вернуться в Альянс, поручить это кому-то покомпетентнее…

Но нет. Марк был прав. Она была среди тех, кто это заварил. Значит, сможет и сейчас. Найти Мадлен и…

Додумать мысль она не успела. Бетонный забор треснул, будто был сделан из вафли, и каменная крошка полетела ей прямо в лицо — а мимо неё, вскрикнув, пролетела фигура в костюме солдата Империи, с разбитыми очками, под которыми виднелось лицо…

Льва Дюбуа?

Старуха — изогнутая, кривая, с металлически когтями, торчащими из рук — шагнула в проём.

— Вырастила гадёныша, — Элизу она не увидела — та вовремя распласталась у целого фрагмента стены. — Ты обвинял меня в том, что я хотела убить тебя, а теперь…

Лев застонал. Возможно, он хотел бы что-то ответить в своё

оправдание, но у него стремительно опухала челюсть.

Всё не так плохо? Может, судьба им благоволит — иначе как пояснить то, что на ловца и зверь бежит.

— Ты, мерзкий, неблагодарный, гадкий… — старуха на миг замерла — а затем со скрежетом обернулась, вывернув голову почти на сто восемьдесят. Пылающие гневом глаза уставились на Элизу. Лично они раньше никогда не виделись, хотя Элиза и знала, как выглядит Мадлен Дюбуа, а та, возможно, видела фото новой главы Альянса.

Так вот: вживую старуха выглядела страшно.

— Вы сговорились? — взревела она, кидаясь на Элизу. Стальные когти прорезали воздух, целя прямо в голову, Элиза сжалась, сунула руку в карман…

Свинцовая шкатулка распахнулась буквально на две секунды раньше, и одна из батарей Гьяллархорна осветила лицо Мадлен лиловым светом. Та всхрипнула, как раненное животное, и, недопрыгнув до Элизы какого-нибудь метра, распласталась по земле.

— Тварь!.. — прохрипела она.

Удар. Лев Дюбуа с покрасневшим от травмы лицом не атаковал свою бабушку навыком — он просто бил, вложив в удар все силы.

Если бы не батарейка, едва ли у него бы что-то вышло, даже с усилением Пробуждённого. Но Элиза держала раскрытую шкатулку у самого лица старухи, а Лев наносил удар за ударом.

Неужели никто не слышит шума?.. Или все отвлечены на Марка? Но они же тут стену пробили и ведут настоящее сражение…

Старуха затихла. Лев обеспокоенно поглядел на Элизу.

— Ты, — выплюнул он. Голос был искажён из-за повреждённой челюсти.

— Ты, — с каким-то испугом повторила Элиза. — Ты же с Родионом, так?

— А ты с этим фридурком Роттом.

Элиза пожала плечами.

— Родион мой дед. Я знаю его слишком хорошо, чтобы ждать от него чего-то хорошего, а…

Она покосилась на Мадлен. Та лежала на земле, потеряв сознание — но живая. Она вообще способна умереть — или, как и Марк, будет возрождаться раз за разом?..

— Не офрафдыфайся, — отозвался Лев. — Не время и не место.

Он поглядел на лежащую на земле старуху точно с тем же выражением лица.

— Надеюфь, она не фстанет… — заметил он. — Может, офьединим уфилия? На фремя, фока…

…

…

…

А затем раздался этот звук.

* * *

— Ты не умеешь нормально маскировать свои следы, Антон, — заметил Карлов, оглядывая подготовленное заранее помещение. — Найти тебя было легко.

Рубан ничего не ответил. Красный, потный и злой, он втягивал Гьяллархон наверх. Можно было бы вытащить только «стреляющую» часть, как, судя по рассказу, сделал Марк, когда пришиб собственных родителей-осквернённых. Но тогда дальность выстрела была бы сильно ограничена, и он не достиг бы цели.

— Но место выбрано недурно, — Карлов подошёл к окну. Укольцев шёл следом за Рубаном. Он не целился в него, не отводя дула, но Рубан отлично знал — тот выхватит пистолет в ту же секунду, как заподозрит что-то. А если подозрение не развеется, то и выстрелит.

— Всё просто, — заговорил он. — Ждём, когда Император появится в определённом месте. Ждём взрыва. Стреляем.

— Взрыва, — Карлов сцепил руки перед тобой. — А с чего ты уверен, что Император вообще появится там?

— Да, — согласился Укольцев. — Ты, может, и профи, Антон, но вот Ротт…

— Если ты угробишь нас там, что поручил парню задание, которое он не сможет нормально… — начал было Карлов.

…

…

…

А затем раздался этот звук.

* * *

Я стоял и ждал. Подняв руки, я радушно улыбался солдатам. На душе у меня, конечно, бушевала буря эмоций — но то внутри, а снаружи всё было чинно, мирно и прилично.

Солдаты молчали. Один из них всё же впечатлился и пошёл

спрашивать у начальства.

Раздались быстрые шаги, и ушедший офицер протолкался среди солдат.

— Все по местам, — рявкнул он сердито и раздражённо. — Ты. За мной.

Я улыбнулся.

— Видите — я же говорил, что меня пригласят!

Не то, чтобы эта фраза была нужна, но к наглости быстро привыкаешь.

— Разговоры! — отрезал офицер. Буквально схватив меня за руку, как школьника, он потащил меня вперёд; завернул за угол, к бараку, набитому зомби…

…а затем — когда никого не было рядом — резко толкнул меня внутрь.

Мертвецы никак не отреагировали, когда я врезался в их стройные ряды. Зато я — очень даже! Вонь тут стояла почти невыносимая, и…

— Марк, Марк, Марк, — офицер улыбнулся мне нехорошей, давно знакомой улыбочкой. — Опять ты. Но на этот раз без своей страшной пушки, так?

— Родион, — констатировал я, поднимаясь.

— Дай угадаю, — он приближался, идя между рядами мертвецов и преграждая мне путь. — Пушка где-нибудь рядом? Понравилось палить, и ты хочешь выстрелить по Люцию?

Родион в облике офицера улыбнулся ещё сильнее.

— Ты так ничему и не научился у меня, Марк — а я ведь давал тебе такие уроки!

— Пошёл ты… — я схватился за что-то рукой, и тут же отдёрнул её — это был гнилой, склизкий обрубок чьей-то оторванной руки. Зомби недовольно заворчал, когда я задел его, но не атаковал.

— Хочешь уничтожить Люция, — вздохнул Родион, приближаясь. Вдалеке раздавался какой-то треск и звуки ударов — кажется, где-то что-то уже происходит?

— Тебя не устраивает? — я всё же сумел встать ровно. Можно врубить Сдвиг, но я не знал, не сорву ли этим план Рубана. Хотя, в крайнем-то случае…

— Такой замечательный экземпляр, — мечтательно сообщил Родион. — Я потратил столько сил, чтобы оживить его. Провернул весь этот план с тем, чтобы ты…

План? Больше походило на набор случайных обстоятельств. Впрочем, Родион безумен, когда речь заходит о планах — или о проводниках в поезде.

— Но ты снова, — подытожил он, — пытаешься всё мне

сорвать. Нет уж, Марк: Императора нельзя уничтожать. Его нужно просто лишить Печати — и я решительно не понимаю, почем ты пытаешься с этим спорить, ведь, если призадуматься, мы могли бы действовать вместе…

— Правда? — поглядел я на него. — Мы уже действовали вместе, помнишь? Напомнить, что ты сделал со мной?

— Даровал тебе бессмертие, дурак! — ощерился Родион. Лицо солдата оставалось чужим, но мимика была типично его. — А ты, вместо того, чтобы быть мне благодарным — ты…

…

…

…

А затем раздался этот звук.

Глава 30

Этот звук нельзя было назвать криком.

Хотя издавал его человеческий рот, хотя зарождался он где-то в человеческих лёгких — вопль Императора был именно звуком, и ничем иным. Низкий, неестественный полу-хрип, полу-визг на монотонной, высокой октаве. Марианна отшатнулась, когда Император ощерился и издал этот звук; все военные обернулись, глядя на своего повелителя с изумлением, страхом…

— Аааааааааааааа! — ревел Люций примерно секунд тридцать — а затем перешёл всё-таки на членораздельную речь. — Предательство! Предательство! Предательство!

В его глазах не было ничего, кроме чистой ярости.

— Ваше Величество, о чём вы говорите… — к нему уже подбегал кто-то из офицеров. Марианна чуть побледнела от испуга… но далеко не отходила. Кто знает, что Люций заметил? Может, Родиона?

— Всё-таки явились! — ревел Император, глядя куда-то вбок. — Думали, я не готов? Думали, я не замечу вас, не уничтожу?

Он взмахнул рукой, игнорируя живых людей.

— В атаку!!! Бей всех, кто не свой — проревел он.

— Что… происходит? — Марианна поглядела на него. — Эй! Очнись, чёрт побери! Я имею право знать, что происходит!

Император повернул к ней искажённое какой-то совершенно чуждой эмоцией лицо.

— Что? — коротко отрезал он. Голос, впрочем, уже звучал нормально.

— Я говорю, — нахмурив брови, решительно выплюнула Марианна, — скажи, что происходит.

— Они всё-таки явились, — презрительно скривился он. — Ты не слышишь? Звук драки. Это не республиканцы, это те жалкие…

Он осёкся.

— Что за тон, девушка? — поднял он бровь. — А может, ты тоже из этих? Из них?

В глазах Люция плескалось подозрение.

— Думала, я не догадаюсь? — прежний тон возвращался к нему. — Думала, не растопчу, как…

Военные растерянно глядели на Императора, не зная, что им делать, кого атаковать. Впрочем, это не имело значения; Люций отдавал свой приказ не им.

Ряды зомби оживали и срывались с места, высыпаясь из

барака огромной толпой и рассредотачиваясь по территории.

* * *

Рубан расширил глаза и поглядел в бинокль. Конечно, людей отсюда было видно лишь мелкими фигурками… но то, что вся ставка Императора пришла в движение, было бесспорно.

— Какого чёрта там происходит?

Карлов встал рядом с ним и вгляделся; у него оказался свой бинокль.

— Происходит акт второй твоего гениального плана, Рубан, — заметил он без капли юмора в голосе. — Называется «что-то пошло не так».

Зомби — а это были именно они, с живыми не перепутаешь даже на таком смешном расстоянии — распространялись по территории потоком, как чума, размазываясь тонким слоем. Они никого не атаковали… пока. Или просто отсюда не было этого видно. Искали кого-то?

— Эта штука, — Укольцев тоже подошёл ближе и вгляделся в окно, — может их убивать, так?

— Да, — согласился Рубан. — Но здесь два режима работы. Либо по местности, но медленно, либо концентрированный выстрел.

— И если ты покажешь Его грёбаному Величеству, что у тебя есть подобный агрегат, он не даст тебе шанса выстрелить… — протянул Укольцев. — Ладно. Ждём. Не стреляем.

Рубан покачал головой. КОБРовцы правы. Даже если погибнет Элиза, даже если погибнет Марк… даже если все они погибнут, а город накроет новый взрыв скверны… это лучше, чем если он упустит шанс выстрелить. Второго уже не дадут — во всяком случае, не ему, не сейчас и не такими лёгкими жертвами.

* * *

— …бей всех, кто не свой! — донёсся снаружи громоподобный рёв Императора.

До него было ещё квартала два — ставка занимала территорию какой-то то ли фабрики, то ли чего-то подобного, приспособив под свои нужды местные помещения — но слова его были слышны чётко и спокойно. И я, и Родион обернулись на крик…

А через секунду зомби ожили.

— Твою мать, Ротт, — сощурился Родион чужими глазами. — Дерись. Дерись, как в последний раз.

Большая часть мертвецов быстро выносилась наружу, но полдесятка осклизлых бойцов уже заинтересовались мной.

— Что? — я отступил назад, оборачиваясь. Позади были ещё несколько.

— Дерись, я сказал! — заорал Родион. — Мне не нужен новый взрыв скверны, вот что!

— Тогда, может, поможешь? — огрызнулся я, врубая Сдвиг. Мир вокруг снова обрёл чёткость, ясность, и я со всей однозначностью понял — нет, Родион не станет мне помогать. Иначе бы уже сделал это. Ему не нужен взрыв… но и не мешает. Он просто сказал мне, что делать.

Впрочем, я и сам мог за себя постоять. Почерневшие кулаки раскидывали наступающих мертвецов, нанося им несовместимые со смертью увечья, а благодаря реакции, я уходил от наиболее болезненных ударов. С другой стороны, драка привлекала к себе внимание всё новых и новых зомби… а их тут было достаточно.

Взглянув в ту сторону, где стоял Родион, я понял, что старик пропал. Ну, конечно. Смылся. Ушёл обделывать свои делишки, пока я опять всё не испортил.

Я мысленно улыбнулся. Может, он здесь, но и Рубан наверняка на месте и найдёт шанс выстрелить. Пусть даже не совсем так, как мы планировали, но…

Удар в челюсть прервал мою мысленную тираду; я ударил в ответ. Не время думать о посторонних вещах. Сейчас — только о зомби.

* * *

— Ты, — Император надвигался на неё быстро, шаг за шагом. Зомби уже бегали по территории; часть солдат пыталась сообразить, кого нужно атаковать, и помочь мёртвым воинам, но большинство спешили просто убраться с дороги. — Ты. Это же всё ты, так? Твой заговор. Ты хотела власти, маленькая дрянь. Ты собрала своих друзей, решила, что ты достойна…

От Марианны не укрылось, что выполнять свою работу спешат те солдаты, которые в настоящий момент видят амулет, висящий у Люция на груди. Печать… была действительно мощной штукой — и вот до не рукой подать. Протяни и возьми.

Вот только он прикончит её, как только она попытается сделать это. А может, и раньше прикончит — кажется, он уже собирается.

— Я не понимаю, о чём ты, — она держалась холодно и с достоинством. Не время и не место показывать врагу свой страх.

— Лгунья, — бросил Император. Запустив процесс, он не интересовался тем, что произойдёт дальше, уверенный в том, что его мертвецы непобедимы, и потому полностью переключился на Марианну. — Маленькая, гнусная лгунья. Недостойная дочь некогда великого рода.

Марианна отступала дальше и дальше; слава всему святому, солдаты не решались атаковать её — даже будучи верными Люцию, они помнили, кто она такая.

— Если ты чуешь угрозу вокруг, — отозвалась она, стараясь глядеть гордо, — может, займёшься ей, а не мной? Твои обвинения смешны.

— Ты пытаешься запудрить мне мозги, — покачал головой Люций. — Тебе нужно это, верно?

Он указал на Печать.

— Ты единственная можешь коснуться его и выжить, — поморщился он. — Увы, кровь в тебе моя. Но ты даже понятия не имеешь, что такое власть, и как распорядиться ей достойно…

Марианна поморгала. Зомби, ковыляющие по территории, обходили их стороной — видимо, потому, что здесь не было тех, кого они искали. Кроме одного мертвеца, что ковылял прямо к ним.

Нет, не ковылял. Шёл, волоча одну ногу как-то уж слишком картинно.

— Слушай, — покачала головой Марианна, выплёвывая слова. Ей нужно было всего лишь подождать, пока он подойдёт, верно? Дать Родиону время подобраться, пройдя охрану. Мертвеца не остановят; хороший выбор облика. — Ты явился из ниоткуда и забрал то, что принадлежало мне по праву. И разве я сказала хоть слово тогда?

— Нет, — Император покачал головой. — Но ты держала это в себе, понимая, что по доброй воле я никогда не отдам тебе…

Когда зомби-Родиона и Люция отделяли друг от друга десять метров, фальшивый мертвец неожиданно бросился вперёд. Две секунды — и Люций получил ощутимый удар в затылок.

— Давай! — рявкнул Родион, превращаясь в себя. — Марианна, скорее, я держу его

Он наседал на Люции, удерживая.

— Срывай Печать, и затем я смогу…

Солдаты смотрели в их сторону, не решаясь стрелять, чтобы не попасть в Императора. На редкость бесполезные солдаты, пронеслось в голове у Марианны — что они тут есть, что их тут нет. Впрочем, в происходящем зомби-апокалипсисе их было

сложно в этом обвинять.

— Печать?! — взревел Император, пытаясь сбросить с себя Родиона. Силы были равны, но старик занял выгодную позицию, и у Люция никак не получалось его побороть. — Так тебе нужна Печать, Долгов?

Свободной рукой он схватился за амулет, висящий у него на шее.

— Держи!

С этими словами он вложил его Родиону в руку.

…это было не так, как она представляла. Громче, ярче. Она думала, что Родион просто умрёт — сам по себе, но она не думала, что случится взрыв. Старика откинуло от Императора на три шага; он заорал, как будто через него пропустили высоковольтный разряд — и затих; Печать выпала из его руки — такая близкая…

— Это и был твой план? — хмыкнул Люций, шагая вперёд, чтобы поднять её. — Сговориться с Родионом Долговым? Ты ещё глупее, чем я думал.

* * *

Одно хорошо — дыра, пробитая телом Льва Дюбуа, была не такой уж и широкой. Зомби лезли через неё, как тараканы, напирая друг на друга, и их там явно было столько, что им пришёл бы конец, но…

— Бежим! — заорал Лев, даже сумев выговорить слово чётко. Элиза кивнула — и понеслась вперёд, подальше от дыры. Зомби устремились за ними, но в скорости они всё же проигрывали им. Хотя и ненамного — не стоит верить фильмам.

— Идеи? — выдохнула Элиза. — Мы ведь не сможем долго…

— Найфи укрыфие? — предположил Дюбуа.

— Их тут сотни!

— А фто, если…

Элиза вздохнула и покачала головой. Была не была!

Развернувшись, она остановилась. Непривычно; обычно она использовала другую способность, но скверна внутри неё всё вывернуло наизнанку. Может, сейчас это и лучше?

Огонь.

Целая стена огня. Она не остановит зомби, не чувствующих боль. Но, возможно, навредит?

— Лев, — поглядела она на своего спутника, который тоже прекратил убегать, — у тебя есть какой-нибудь навык… массового поражения?

* * *

Мертвецы продолжали напирать.

Наверное, это было некрасиво. Не так, как в фильмах, когда непобедимый герой бьёт мертвецов направо и налево под бодрую музычку в стиле металл. Не так, как в эпических фэнтези, в финальной битве со злом, под пафосные звуки оркестра. Просто и некрасиво — удары, удары, кишки и кровь.

Я потерял им счёт. Что будет, если я сейчас умру?..

Элиза выживет, конечно. Тина, Рубан и даже Лев Дюбуа, где бы он сейчас ни был — тоже. Выживут осквернённые — Мадлен, если она тут (Рубан был уверен, что тут), Император. Родион, конечно же.

Более того — выживут даже зомби. Скверна только придаст им сил. Больше скверны — сильнее осквернённые, так это работает. Здесь её и так полно, а если я добавлю…

Чёрт, чёрт, чёрт! Не время и не место думать о посторонних вещах! Бить, не отвлекаться!..

…пламя ворвалось в распахнутые двери деревянного барака. Только этого ещё не хватало, подумал я… а затем к нему добавилось и голубоватое сияние.

Элиза и Лев Дюбуа шли вместе, спина к спине — так, будто Лев не уходил от нас в лагерь противника. Огонь следовал за ними по пятам послушной собачкой, лизал всё вокруг, но голубое поле вокруг них отталкивало его, не давая атаковать их самих.

— Эй! — заорал я, отправляя в нокаут очередного зомби. — Сюда!

Они обернулись на меня.

…бой занял ещё минут пять. Зомби горели отлично, но умирали далеко не сразу; а загоревшись, они пытались атаковать тебя снова, что, конечно, было даже неприятнее обычного. Но всё завершилось, стоило только мне пробиться к ним и попасть вокруг силового поля.

— Раньфе оно зафифяло меня, — неразборчиво заметил Лев, — теферь отталкивает их. А разнифы никакой.

Я кивнул.

— Вы вовремя. Откуда вы узнали, что я…

— Мы не знали, — отозвалась Элиза. — Шли по следу зомби, выжигали их. Думали посмотреть, кого они атакуют — ведь наверняка кого-то из тех, кто за нас…

Нас? Так мы уже заодно? Ну, на союз с Родионом я не подписывался.

Мы стояли неподвижно, чуть поодаль от горящего барака. Вокруг бушевало пламя и бесновались мертвецы — но щит Льва

отталкивал их, будто перевёрнутый магнит. Даже странно было так стоять, посреди битвы…

Но теперь у меня впервые было время подумать и решить, что же делать.

Кажется, я знал, что.

* * *

Довольно необычной была мысль о том, как близко стоят друг от друга две вражеские армии. Каких-то два с хвостиком километра, и всё.

Ещё необычнее была мысль о Саре. Они мирно сидели друг с дружкой рядом, как будто не было этого времени, когда она была пленницей…

— Я… — Сара помотала головой. — Ты же знаешь, я хотела как лучше. Для моей страны, для… всех…

— Потом обсудим это, — заявила Тина. — Сейчас главное — цель.

Хорошо, что она перехватила Сару. Хорошо, что она добилась от неё рассказа о её планах, и о том, что хочет сделать Родион — и хорошо, что не поддалась гневу, а сама раскрыла карты. Так было проще решить, что же делать на самом деле.

Хорошо, что она отговорила Сару от первоначального плана — устроить диверсию в лагере республиканцев, чтобы оттянуть войска Императора. Это сейчас было бы ни к чему.

И уж совсем хорошо было то, что командир республиканцев поверил им. Возможно, потому что знал — не мог не знать! — кто она такая, Тина Шраут, одна из самых знатных людей Империи и агент со стажем. А возможно, потому что отчаялся и готов был схватиться за любой шанс. Он сделал то, о чём она просила, он поверил тому, что она сказала.

И сейчас они ехали в бронированной машине в сторону ставки Императора, почти точно зная, что когда прибудут на место — увидят там громкую заварушку.

Несколько хитрых планов наложились друг на друга, и это не могло не вылиться во что-то буйное.

* * *

В творящемся балагане нас никто не останавливал. Мёртвые горели, а живые… живым было не до нас. Паника и разброд охватили всю ставку.

Так что добраться до центра происходящего не составило труда.

— Ты, — Император стоял спиной к нам, надвигаясь на Марианну (а она тут что делает?), — ещё глупее, чем я думал…

— Люций!

Силовое поле раздвинулось. Глубокий вздох — и вот я уже вышел наружу. Я ведь смогу, так?

Император обернулся на меня.

— Не смей называть меня старым именем, — бросил он.

Я пожал плечами.

— Как угодно. Мне плевать, как ты себя называешь. Просто давай закончим это здесь и сейчас.

Нужно подобраться к нему ближе — так, чтобы коснуться. Нужно дожить до этого момента. Я шагал вперёд.

— Почему ты думаешь, что у тебя получится? — скривился Император.

Я покачал головой.

— У меня получилось начать это.

Родион — в своём настоящем облике — лежал чуть поодаль и признаков жизни не подавал. Неужели?.. Или прикидывается? Я не мог быть в этом уверенным до конца.

А ведь старик был прав, подумал я. Фокус, который я собирался провернуть… именно он научил меня ему.

Я — бесконечное вместилище для скверны, так? Однажды он уже влил её в меня — целое море. Затем я поделился частью с Люцием. И сейчас я собирался забрать своё обратно.

— Ты жалкий мальчишка, — скривился Люций. — То, что вышло у тебя по случайности — не твоя заслуга, и ты лишь…

Я не ответил. Пускай толкает речи, пускай делает что хочет. Пока он говорит — он не мешает мне подойти?

Кажется, он был даже не против, когда я размахнулся, чтобы ударить его. Он был твёрдо уверен — и не без причины, кстати — что мой удар ему не повредит.

Так оно и произошло. Удар был ему как слону дробина.

Впрочем, это я знал и так. Моя рука прикоснулась к Люцию — и…

* * *

— Что там происходит? — Рубан вгляделся в бинокль.

— Они рядом, — кивнул Карлов. — Буквально в упор. Не знаю, что происходит, не знаю, что они делают… там огонь и эти мертвецы… Но они рядом.

Рубан почти не удивился, когда позади него щёлкнул затвор. Снова.

На этот раз никто не собирался целиться; Рубан успел уклониться только потому, что тоже хорошо знал Карлова и Укольцева. Достаточно хорошо, чтобы понять: Карлов обращался не к нему.

— Что за дилетантизм, — выдохнул он, кидаясь вперёд и пытаясь выхватить у Укольцева пистолет. — Неужели нельзя было пристрелить меня там, внизу, и уже самим дождаться нужноо момента?

— Кто знал, как пойдёт дело, — Карлов, не торопясь, вытащил ещё один пистолет. — Рубан, ты же понимаешь, что…

Укольцев тоже попытался уйти в сторону, но Рубан оказался проворней. Два движения — и вот собственный же пистолет КОБРовца оказался прижат к его голове.

— Давай, Карлов, стреляй, — прохрипел Рубан. — Убьёшь напарника?

— Любой, кто служит в КОБР, знает, что может погибнуть смертью храбрых, — пожал плечами Карлов. — Смерть друга будет трагедией для меня. Смерть Люция и Марка Ротта — необходимость для всей Республики. Что один, что второй — угроза национального масштаба…

Идиоты, подумал Рубан. Идиоты, вы даже не знаете, что пытаетесь сделать. Или знаете?..

Какая к чёрту разница. И сколько можно играть в поддавки, блефовать, но не стрелять…

Пора стрелять.

И Рубан выстрелил.

* * *

Поначалу мне казалось, что ничего не получится. Что Люций отбросит меня, что занесёт руку для удара, и…

…скверна вливалась в меня. Казалось бы, куда уж больше — но она прибывала и прибывала; казалось, что мой мозг разорвётся от боли, и в то же время я чувствовал себя сильнее, чем когда-либо.

Больше скверны — сильнее осквернённые, так? А если скверны будет меньше? Если она вся войдёт в меня?

Император пытался трепыхаться, но, пока я набирался мощи — он лишь слабел. Я крепко схватил его за горло, почти не чувствуя сопротивления.

Я знал, что там, за моей спиной, останавливаются зомби,

теряя энергию, которая заставляла их двигаться после смерти, забывая отданные им приказы. Знал, что это — конец для Люция.

И, судя по взгляду, Император тоже знал, что это конец.

Я выполнил то, что обещал. Исправил то, что произошло по моей вине — по крайней мере, самую важную часть. Оставалось, конечно, очистить от скверны и столицу, но я знал, что сделаю это — с Гьяллархорном или без.

Жаль, конечно, что эта идея не пришла мне в голову раньше. Но… Иногда уроки нужно выучить, а идеям — дать дозреть. Возможно, в другое время, в другом месте, а главное — при других обстоятельствах у меня бы не появилось такого шанса, какой был сейчас.

Скверна продолжала вливаться в меня прямым потоком. Я знал, что выдержу.

Эпилог: сразу после

…дотлевающие здания бараков освещали комплекс завода ярко-алым светом, но там, сверху, небо было светлым.

Тела мертвецов стали… просто телами. Без скверны, что питала их, без воли Императора (я не хотел называть его Люцием, тем более, что он и сам отверг это имя). Они лежали повсюду, тут и там — целые и нет, обгоревшие, подгнившие. Самой омерзительной была мумия, лежавшая у моих ног.

Живые… живые стояли чуть в отдалении от нашей троицы. Рядом с нами находилась лишь Марианна, до сих пор не сказавшая ни слова — и тело Родиона. Неужели он всё-таки…

— Марк, — Элиза беспокойно поглядела на меня. — Ты в порядке?

Я пожал плечами.

— Бывало и хуже.

— Сколько… её в тебе теперь?

— Не больше, чем было в первый раз, — отозвался я. — Не то, чтобы к этому можно было привыкнуть, но, во всяком случае, это не в новинку.

Мне понадобится бункер — крепкий бункер, снабжённый печатями, не пропускающими скверну наружу — и пистолет. Десяток раз выстрелить себе в голову, и этого хватит, чтобы перестать быть атомной бомбой с руками и ногами. Может, два десятка, три или четыре… Точно я не мог предположить.

Будет больно. Но это лучше, чем держать всё в себе, так сказать.

Конечно, какая-то толика… останется. Та, что обеспечит мне бессмертие. Приятная штука, если вдуматься.

Тина и Сара подошли к нам быстрыми шагами; они приехали в самый разгар сражения и, если честно, помогли. В какой-то момент Император нашёл в себе силы призвать зомби на помощь, и если бы не подмога, которую они привели — меня могли бы просто прервать.

— И что дальше? — Тина закурила. Судя по тому, что сигареты были незнакомой марки, пачку она позаимствовала у кого-то из республиканцев.

— Ты спрашиваешь меня? — я махнул рукой. — Война не закончилась, а вокруг нас — солдаты двух армий. Вот они точно не знают, что дальше.

Что до солдат, то… никто не стрелял, никто не подходил друг к другу. Все явно были растеряны произошедшим.

— Это ведь… — указала Сара на Марианну, которая явно

хотела заговорить — но не решалась. — Местная принцесса? Видела её на твоей «казни», Марк.

— А ты — глава повстанцев из Альянса? — нашлась с ответом Марианна.

Сара пожала плечами.

— Так уж вышло. Никогда не рвалась в собеседники к принцессам, но жизнь решает за нас.

Марианна открыла рот, закрыла его, покачала головой и перевела взгляд на меня. Она махнула в сторону предмета на порванной цепочке.

— Марк. Мы… почти не знакомы, но ты, по сути, спас страну, и…

— Не за что, — усмехнулся я. — Я только разгрёб то, что сделал.

Лучше не думать о людях, погибших тут, и о том, какая доля моей вини в их смерти. Лучше… не думать. Впрочем, большая часть вины всё-таки лежала на Родионе — и это успокаивало.

— У тебя Уроборос, так? — произнесла Марианна задумчиво. — Ты можешь взять Печать… и не умереть.

— Но и работать она не должна, скорее всего, — заметил я.

— Ха, — хмыкнула Сара. — Карлов и Укольцев считали иначе.

— Не должна, — покачал я головой. — И не сработает.

— Вот именно, — заметила Марианна. — Марк, ты… не хочешь взять его себе?

— Зачем? — я понял бровь.

— Его можем взять в руки только я или ты, — она пожала плечами. — А я… боюсь такой ответственности. Его нужно уничтожить или спрятать где-нибудь… кинуть в жерло вулкана, как то кольцо…

— Власть и так принадлежит тебе, разве нет? — уточнил я.

— Мне, — кивнула она. — Но… я хочу, чтобы люди видели во мне не Императрицу с магическим амулетом, а меня саму.

Я медленно двинулся к Печати, лежащей на земле. Никто не смел меня останавливать, но все глаза были направлены на меня. Имперцы, республиканцы… все видели, что я сделал, все слышали наш разговор.

Я поднял амулет.

* * *

Рубан тяжело осел у стены.

Пора ему было увольняться. Он чувствовал себя паршиво, и

дело было даже не в пулевом ранении, наскоро перевязанным майкой.

Он ведь… они с Карловым и Укольцевым были врагами. Давними, идеологическими. Они… всего неделю назад они пытались убить его, а он вёл допрос безо всякой жалости. И сейчас тоже они застрелили бы его, если бы он…

Может быть, они были врагами слишком уж долго?

Стараясь не смотреть на два мёртвых тела, Рубан подошёл к окну и подобрал брошенный бинокль. Что там происходит?

Два агента — ерунда, так ведь? Если Республика приговорила Марка, значит, придут и другие. И нужно будет подумать о том, как…

А?

Небо было неожиданно светлым. Такое не бывает в мёртвых городах. Рубан вгляделся в бинокль, не думая о боли в боку. Взгляд уже-почти-бывшего-агента скользил от одной фигуры к другой. Принцесса Марианна? Сара и Лев Дюбуа? Республиканские бойцы рядом с имперскими? А вон та мумия на земле — это же…

— Чёрт побери, Марк, — пробормотал Рубан. — Чёрт побери, Марк…

* * *

Я поднял амулет.

Ничего не произошло. Никто не воззрился на меня с благоговением, как на древнего царя. С изумлением, лёгким страхом и всем прочим — это да, но так обычно и смотрят на человека, совершившего невозможное пять минут назад.

Я медленно покачал головой и, шагнув вперёд, протянул амулет Марианне.

— На первых порах он тебе пригодится, — заметил я. — После всего, что мы натворили. А когда почувствуешь, что он тебе больше не нужен… ты найдёшь, куда его деть.

Чуть помедлив, Марианна кивнула — и взяла Императорскую Печать.

— А теперь, — вздохнул я, разворачиваясь к собирающейся позади толпе из солдат двух противоположных армий, — может, тебе пора что-нибудь сказать? Разобраться с этим бардаком…

— Эй! — вдруг перебила меня Элиза. — Глядите!

Я захлопал глазами. Что такое?

— Вот же… — изумилась Тина. — Я думала, он мёртв!

Точно.

Тела Родиона не было на месте. Я тихо застонал.

Эпилог: новые начала

Спустя примерно две недели после событий в приграничном городке Рубан стоял у окна и глядел на столицу.

Чёрт, а у него ведь получается. У него получается.

Разумеется, Марк действовал не в одиночку — «Гьяллархорн» тоже вносил серьёзную лепту в уничтожение скверны. Но… парень делал достаточно многое, чтобы быть впечатлённым.

Впрочем… скверна-то уйдёт, а вот как скоро заживут раны, нанесённые Империи этим коротким и очень странным временем, можно лишь гадать.

Сам агент оставаться в столице не собирался. Точнее, в бывшей столице — и бывший агент. Первое — потому что Императрица предложила перенести её в другое место, без такой тёмной истории и, главное, ближе к центру страны, а не в дне пути от границы, и все с ней согласились.

А второе — потому что он серьёзно сдал после всех этих событий.

Странно. Даже смерть Баркер не повлияла на него так, как смерть Карлова и Укольцева.

Агенты спецслужб… не бывают долгожителями. Двое из КОБР это доказали. Они не были плохими парнями, но они пытались убить его, а он пытался убить их. Он победил.

Дороги из их профессию лишь две. В отставку или в землю.

Рубан выбирал первое; пожить он ещё хотел, а вот работать… увы. Последних недель ему хватило с головой на всю оставшуюся жизнь.

Может быть, он переедет куда-нибудь подальше. Откроет охранное агентство, или станет писать мемуары на темы, не закрытые пометкой «Совершенно секретно», или станет искателем приключений и богатств на вольной основе — с его-то опытом и талантами! Или вообще, чем чёрт не шутит — женится!..

Но это всё потом. Сперва он уедет в какое-нибудь местечко поглуше — настолько тихое, что там даже не знают обо всех событиях последних лет — снимет там домик с видом на речку, отключит все телефоны… и отоспится.

Уже не агент, а просто Антон Рубан ещё раз взглянул на город из окна — и, взяв два небольших чемодана, вышел из гостиничного номера. Автобус, который должен был увезти его за пару-тройку сотен километров отсюда, отходил через сорок минут.

* * *

Спустя примерно две недели после событий в приграничном городке Тина Шраут стояла в своём родовом имении и думала о том, что взять с собой перед отъездом.

Она всегда умела обходиться малым. Возможно… даже слишком малым. Может, пора это изменить?

Марианна предлагала ей должность главы УБИ вместо покойного деда, но переезжать в новую столицу, сидеть в кабинетах… Это было не для неё. Да и работа слишком важная, чтобы позволять её ей — прокуренной полевой агентке без опыта в управлении. Нет, там найдётся кому занять этот пост. После того, как Люций упокоился, а с Республикой был подписан мир (такой же шаткий, как и прежде, но всё-таки, всё-таки), многие государственные службы содрогнулись от масштабных чисток. Нет, дело было не в тех, кто слушался Люция — просто все эти события вскрыли такое количество коррупции, шпионажа, злоупотребления служебным положением и прочая, прочая, прочая, что…

Но с этим пусть разбираются те, кто покомпетентней. Не она, нет. Она останется на полевой работе, и более того — она уже подала заявку на работу в столице Альянса. Как-то… привыкла к этому городу. К тому же, не бросать же одних Сару и Элизу.

Впрочем, не все дела ещё были закончены. Тина пересекла пустой коридор (после всего чуть ли не половина слуг разбежалась, а родители… те после оглашения завещания Герберта так и вовсе не показывались в поместье) и отворила двери комнаты брата.

Время, которое ей назвали, ведь уже истекло, так?

— И… как он?

В вопросе слышался и страх, и надежда. Иван уверял её, что всё получится, но никогда ведь не знаешь наверняка?

— Нормально, — отозвался Герман сам. — Я… совершенно нормально.

Голос радостно-удивлённый, а главное — бодрый. Умирающие так не говорят. Так говорят люди, собирающиеся жить и имеющие на эту жизнь большие планы.

— Удачи, — усмехнулся Иван Свердлов, глядя на брата и сестру. — Не потрать этот шанс, Герман. Я… не слишком много понимаю в аристократах, но из тебя выйдет отличный глава дома Шраутов.

— Уж явно получше, чем из… них, — Тина покосилась в сторону окна, хотя родители, конечно же, не стояли там и не подслушивали их разговор.

— Я даже не знаю, как тебя благодарить, — Герман осторожно, будто пробуя и не веря, прошёлся по комнате. — Ты…

— Спас тебе жизнь, ага, — хмыкнул Иван. — Знаю. Сам был таким. Сам умирал и был уверен, что умру. Уже почти смирился… а потом оказалось, что жизнь — сюрприз! — бывает не так уж плоха, а главное — не так уж и коротка.

Он покачал головой.

— Просто… один хороший человек, — он поглядел на Германа, — однажды сказал мне, что нужно делать то, что считаешь правильным. Пока ещё можешь.

* * *

Спустя примерно две недели после событий в приграничном городке Лев Дюбуа стоял над могилой своей бабушки.

Фамильный склеп был расположен здесь, в бывшей столице, и… пожалуй, здесь ей было самое место. В городе, который останется в прошлом. Который, может, и не был уничтожен, но никогда уже не станет таким, как прежде — и из которого он уедет.

— Не жалеешь? — Марианна поглядела на него.

Лев вздохнул. Бабушка была сложным человеком. Очень сложным и очень старым, многое повидавшим. Когда-то — даже хорошим человеком, но всем нужно уходить вовремя.

— Небольшое количество скверны, и она могла бы…

— Она отжила своё, — покачал головой Лев. — Она и так прожила долго. Да и что она увидит сейчас? Как её Люций снова ушёл?

Гроб был опечатан магией, которая не пропускала внутрь ни капли скверны. Лев надеялся, что этого хватит.

— Даже если забыть о том, что она сделала и о том, что она хотела сделать…

Он потрогал челюсть. Та всё ещё болела, но, по крайней мере, теперь он мог говорить разборчиво.

— Пусть остаётся тут.

Марианна пожала плечами.

— Думаю, ты прав, — протянула она.

Они вышли из склепа вдвоём, но всё же не рука об руку. После всего, что случилось, Лев выкинул из головы все мысли о воссоединении с Тиной — не после того, как он сдал её Родиону. Но вот Марианна…

Не то, чтобы их чувства были любовью. Не то, чтобы они не нравились друг другу совсем. И не то, чтобы он отказался от идеи

сделать-таки наконец фамилию Дюбуа — императорской. То, чего не сумела сделать Мадлен столько лет назад.

А для этого нужно было быть здесь, рядом. Марианна только начинала свой путь, и пусть она действовала достойно — эту дорогу нельзя было осилить в одиночку. Подданные верили в неё. Она верила в себя. А он… будет с ней и поможет по всём.

Это ведь честный обмен, так?

* * *

Спустя примерно две недели после событий в приграничном городке Сара и Элиза тряслись в машине, подъезжая к столице Альянса Пяти.

Вульфрик Белецкий. На фоне всего, что творилось в Империи, о нём не было ничего слышно. Но наивно было бы полагать, что он так просто отдаст власть?

— Как думаешь, — заметила Сара, — что будет дальше? Мы справимся раньше, чем Тина до нас доберётся, или придётся попотеть?

— Шутишь? — Элиза крутанула руль. — После Императора? Мой отец всё-таки не настолько гениален, чтобы мы не сумели расправиться с ним за… ну, самое большое — неделю.

Она помотала головой.

— За тобой люди, за мной люди. Мы справимся, и справимся быстро. Но тебя ведь волнует другое? Что будет… ещё дальше, после этого — так?

Сара пожала плечами. Этот вопрос она пока не задавала.

— За мной люди, за тобой люди, — повторила Элиза. — Они… пойдут в бой рука об руку. И если мы сумеем победить — а мы сумеем — то уж найти после этого общий язык мы как-нибудь, да сможем.

Нет, она не собиралась объявлять демократию и публично отрекаться от аристократического происхождения. Она планировала остаться главой государства. Но править ведь можно по-разному, так? Саре есть что ей предложить. Многое изменится. Элиза надеялась, что к лучшему.

— Как думаешь, — заметила Сара ещё через полкилометра, — почему Марк не разорвал помолвку?

— Надежда на будущее? — хмыкнула Элиза. — На лучшее. На какие-нибудь перемены.

Она помотала головой.

— Эта помолвка ничего не значит в новом мире. Абсолютно ничего. Если я захочу выйти замуж, кто меня остановит? Просто…

это символ. Того, что ничего не кончено, и всё однажды может повернуться интересным образом.

* * *

Спустя примерно две недели после событий в приграничном городке я тихо спускался в подвал заброшенного здания.

Заброшенным оно было совершенно недавно. Бывшая столица Империи была покинута, и даже то, что скверна из неё исчезла, не заставило людей вернуться. Да уж, недвижимость тут сильно упадёт в цене, да и потом туристов снизится… или нет?

Может, и нет. Людей привлекают всякие остросюжетные истории и места, где случалось что-то жуткое. Город, который чуть не вымер, но был буквально вытащен с того света — это ли не лучший туристический объект для любопытных душ?

Впрочем, меня сейчас интересовало другое. Я тихо спустился по лестнице, но дверь открыл совершенно спокойно, не пытаясь сделать вид, что меня тут нет. Он всё равно знает, что это не так.

Родион сидел за столом, лицом ко мне. Он уже ждал меня, и на его лице цвета улыбка. Улыбка, впрочем, слабая. Убить его было сложно, но всё-таки прикосновение к Печати — даже короткое — сделало своё дело.

— Марк, — хмыкнул старик. — Я всё ждал, когда ты придёшь.

Я развёл руками.

— Тебя ведь почти невозможно убить, так? Как и меня.

— Это же я научил тебя быть бессмертным, Марк, — кивнул Родион.

— Почему ты не умер, когда я вытягивал скверну?

Родион улыбнулся ещё шире.

— Всегда оставляй что-то при себе. Нельзя забрать то, что я не готов отдать. Люций не знал об этом, не умел… я — знаю и умею.

Он поднялся с места.

— Но вот ты, Марк. Зачем пришёл ты? Ты же не думаешь, что…

Я покачал головой.

— Ты ведь следил за мной, Родион? Так?

— Допустим, — отозвался старик.

— Значит, ты не следил за вторым входом.

Дверь распахнулась. Родион быстро обернулся — и увидел дула устройств, направленных прямо на него. «Гьяллархорн» вмещал в себя пять батарей, и каждую можно было использовать

отдельно. Сейчас здесь были три — двое уже были направлены на старика, и ещё одна вот-вот должна была появиться в руках того, кто спустится за мной через три… две… одна…

Господин Сато — сейчас ему на вид было около сорока лет, середина дня, как-никак — умело целился в Родиона. В Республике о нём, кажется, ходили слухи человека, чьи агенты умеют быть невидимыми и проникать повсюду. Что ж, теперь я охотно в это верил.

— Я привёл друзей, — заметил я, садясь на стул. — Если ты не против.

— Господин Долгов, — вежливо поздоровался Сато, не выпуская из рук оружия. — Знаете, я много о вас слышал… но до сих пор не имел чести общаться лично.

— Как и я о вас, — Родион пытался сохранить лицо… Но он уже проиграл.

Родиона не убить. Но… кто мог бы спрятать его так глубоко, чтобы старик уже не выбрался?

Только тот, кто уже засадил в подобную дыру саму Силу. Какой-то осколок Скверны после этого будет ерундой.

* * *

— Ну, вот всё и кончено, — прокомментировал господин Сато через полчаса.

— Что, если он сбежит? — заметил я. — Не сейчас, а лет через… десять. Двадцать. Сто, допустим.

Японец пожал плечами.

— Я бессмертен, господин Ротт. Вы… тоже. На крайний случай есть Иван. Мы найдём, кому присмотреть за ним.

— Вы же запрещали мне появляться в Республике, — усмехнулся я.

— И сейчас запрещаю, — кивнул Сато. — Вы — ходячая бомба, господин Ротт. Сейчас вы сумели устранить излишки скверны внутри себя, но осталось по-прежнему много, и она будет накапливаться. Нет уж, нет уж.

Он покачал головой.

— Вы готовы выполнить моё условие, господин Ротт?

Я пожал плечами.

— Как раз собирался этим заняться.

Эпилог: условие господина Сато

Перестук колёс по рельсам, осенний пейзаж за окном и солнце клонится к закату. Обстановка — самое то для моего нового самостоятельного путешествия.

Поездки на поезде — обыденная вещь для большинства людей, но я — другая история. И… понятно, почему. Поезда надолго будут ассоциироваться у меня… со всяким.

Впрочем, сейчас я держался крепко и даже не выказывал волнения. Обычно люди нервничают в самолёте, я же летел досюда совершенно спокойно, а вот на поезде… Постоянно ожидал чего-нибудь этакого. Мертвецов, террористов, Родиона, в конце концов. Что бы там ни говорил Сато — я не верил, что шанса сбежать у этого ублюдка нет совсем. Лишь надеялся, что он просидит там достаточно долго, чтобы Сато разобрался, как нейтрализовать его. Может, он даже поймёт, что же связывает этого старика с проводниками поездов.

Впрочем, Сато ведь и правда держит в подвале Силу, если верить ему и Ивану. Чем чёрт не шутит?..

Поезд медленно приближался к станции.

Если так задуматься, условие господина Сато был совершенно логичным для того, кто — не без причин — видел во мне бомбу. Убраться с континента, на котором он проживал и планировал проживать дальше. Разве не верное решение?

Что до меня, то… Я просто хотел отдохнуть. Разумеется, я приехал сюда не навсегда, но какое-то время я здесь проведу. Года три, может, пять. Самое то для того, чтобы получше овладеть своей силой. Или, как говорят здесь, в Азиатском Конгломерате — «культивировать свою внутреннюю Ци».

Я усмехнулся. Строю планы, как будто из не может изменить любая мелочь. Сколько раз я уже собирался осесть и отдохнуть?

Впрочем, на этот раз у меня есть фора. Я один, и я вышел из игры. Сара, Тина, Элиза, Рубан — все занялись тем, чем хотели, я же просто приехал сюда, в глушь азиатского континента.

…поезд медленно остановился. Подхватив две объёмные сумки, я спрыгнул с подножки. Фух, хорошо наконец-то оказаться на твёрдой земле!

Солнце окончательно спустилось за горы, но здесь, в Азии, даже ночь выглядела как-то иначе. Новые ощущения… новое начало. Возможно, если я выкультивирую свою Ци до нужного уровня, даже такой дотошный азиат, как Сато, согласится, что я больше не бомба?

Но я приехал сюда не ради него. Ради себя, и только.

Самоконтроль мне точно не помешает. Когда я вернусь, то буду старше, опытнее. Не буду совершать таких глупостей, как до того, не буду ошибаться на каждом шагу.

Я зашагал по дороге. Глушь глушью, но Интернет здесь ловил, и чётко указывал мне путь к моему новому дому. Полкилометра от домов — достаточно далеко, чтобы меня никто не тревожил, и достаточно близко, чтобы не чувствовать себя отшельником.

Если так задуматься, я никогда не жил… один. Сын главы клана, вечно окружённый слугами, охраной…

Что ж. За эту осень я перестал быть никем, и научился быть кем-то. Пора научиться быть самостоятельным. Чем я займусь в этой глуши, помимо тренировок? Может, начну выращивать морковку и кабачки?..

В конце концов, я не разорвал помолвку в Элизой. А значит, всё ещё впереди.

Послесловие

Это дивное чувство законченного цикла… радость и лёгкая печаль одновременно.

Спасибо всем, кто следил за этой историей больше года!

И продолжайте меня читать. Глава "Бессмертного" уже завтра-послезавтра, новые циклы — уже совсем ского!